

Утопленная книга

Размышления БАХАУДДИНА, отца РУМИ,
о небесном и земном

УТОПЛЕННАЯ КНИГА
Избранное из «*Маарифа*»^{*}
Валада Бахауддина

Перевод с персидского на английский язык

Колмана Баркса и Джона Мойна

Перевод с английского на русский язык

Алексея Орлова и Юлия Аранова

^{*} Следуя традиции издания «*Маарифа*» Фурузанфара, Первая и Вторая книги разбиты на *фасли* (главки) и каждый фрагмент текста предваряется словом *фасль*, написанным черными чернилами, с указанием текущего номера. Здесь введена более точная постраничная нумерация. Так 1:144 – 145 обозначает фрагмент текста Первой книги, начало которого на странице 144, а конец на странице 145.

Цифры в круглых скобках – отсылки к сурам Корана.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга Первая.....	4
Книга Вторая.....	95
«Маариф» Бахауддина.....	147
Заметки о переводе и версиях «сэма».....	163
Рукописи.....	174
Комментарии к «Маарифу» Бахауддина.....	176

КНИГА ПЕРВАЯ

Маариф 1:1

Синий плащ

Покажи истинный путь (Коран 1:6). Мне было дано отведавать то, что дивно на вкус. Подобно молоку, отворяющемуся в груди, открываются врата. Я облечен в синий плащ, сотканный из шести направлений, с изображениями, плавно текущими по одеянию: тысяча разнообразных цветов, желтый жасмин, дикий ирис. Зеленые тропки сада, прекрасные лица на улице, я состою из этой красоты — эфирная эссенция, розовое масло, смолистый бальзам, жизненная сущность, я — мыслящий сок цветов.

1:2-3

Один из путей, коими вкушает Бог

В середине молитвы мне пришли на ум гурии рая. Говорят, они наполовину из камфары, наполовину из шафрана, волосы — чистый мускус. Я вспомнил поговорку о том, чью голову пропитал стыд, а ноги увязли в праведности.

И я перебрал в уме свойства Бога: сострадание, великодушие, изящное коварство, просвещающая мудрость, милосердие, красота. Я был благодарен за то, что знаю вкус некоторых из этих свойств — в меру своей вместимости и даже чуть более того.

Я вижу длинный стол, застеленный скатертью. На нем — силы, свойства и создания, семь звезд, от которых исходит наше здешнее блаженство. Даже при моей неосознанности Бог входит в мое желание и душу вкусом этих свойств.

Я ощущаю, что становлюсь одним из способов, коими вкушает Бог.

1:4

Чаша видения, мое вино

Я предстою пред Богом, стелясь, убиваясь, вознося хвалу — в поиске новых путей выказать свою любовь — как песня, что исполняется сперва только под скрипку, потом под тамбурин и най — и затем в сопровождении всех трех инструментов.

Каждый миг эта чаша видения наполняется видениями. Вот мое вино. Я пью текущий миг, и в моих жилах, теле, голове — распускаются цветы. Это и есть здоровье. Все иные ощущения — болезнь и мертвечина.

1:8

Сон о дереве

Сидел, размышляя, что же мне делать, как вдруг получил такое откровение: «Открой свое сердце. Ощути близость к Богу. Смотри в себя. Направь сознание туда». Подумалось: есть Бог, и есть я — две отдельные субстанции. Бог — спящее таинство, я — снадобье из смеси смерти и горечи, которые необходимо выстрадать, чтобы достичь Бога.

Подобные мысли навевают на меня дремоту. Во сне я превращаюсь в дерево, погруженное в ночное безмолвие и укорененное в небытии. Когда я просыпаюсь, дерево протягивает ветви и листья вперед. Возвращается способность видеть, двигаться. Пробуждается ощущение сердца — словно множество цветов распускается на ветвях. Молитва расцветает и приносит плод, а небытие — вкус слов у меня во рту.

1:10

Благоухание незримого цветка

Я вижу сущность бытия в том, чтобы жить, — это как вода, текущая сюда из незримого, затем обратно. Мои чувства знают: они из ниоткуда и уйдут в никуда. Мне ведом один шаг: из бытия в ничто и из небытия сюда. Глубоко вникая в свои чувства, я открываю в них путь к Богу и цель жизни.

Взгляни на этот удивительный цветок —

Его нельзя узреть.

И все же

Его благоухания не скрыть.

Бог — незримый цветок. Любовь — аромат цветка, и он ощутим повсюду.

1:14-15

Утренние приветствия

Каждое утро спозаранку я — в мечети. Входящие обмениваются приветствиями: «Мир Богу! Богу мир!» Затем совершают полное prostiraniye передо мной. Я знаю, что делает Господь: творит мою душу, и она являет людям такую красоту, что в них возникает желание прославить Его искусство.

Даже если они видят мое лицемерие, противоречивые чувства, любовь к лести — все равно за всем этим они ощущают внимание, уделяемое мне Богом. Я благодарен за то, что душа моя порой испытывает влечение к единению с другими душами и вслед за тем

отделяется от них. Я вижу в этом действие закона сотворения душ с захватывающими возможностями для обретения понимания.

Приходят образы того, как это происходит. Одни люди среди вечных льдов, другие — в тропиках. Океаны, глубокие пустынные ущелья, лесистые долины — всё в гармонии с «Тем, кто не имеет соучастника». В чистой радости поют и танцуют одни, в неизмеримой скорби застыли посреди кровавой бойни другие. Дерево оцетинилось колючками: зависть, низкая месть. А белые цветки жасмина распускаются, отцветают и роняют в дар самих себя.

Почему нам явлено это? Чтобы мы могли воспринять данность целого. Бездна и скорбь я приемлю как явленную милость и с приветом встречаю избавление от боли. Так мы продвигаемся в познании: нам является и мы получаем хорошее и плохое, возрастая в любви к тому и другому.

1:27-29

Кипящий горшок

Господи, Ты даруешь могущество (12:101), молвил я Господу, но власть на земле пуста в сравнении с тем, что явлено в незримом.

Ты научил меня толковать предания (12:101). И Ты учишь меня, как понимать истории, которые разворачиваются передо мной и достигают моего слуха во сне. Сплю или бодрствую — я живу всецелой жизнью.

Творец небес и земли (12:101), Ты отделяешь мирское от возвышенного и поднимаешь завесу, чтобы я мог присесть и насладиться двумя мирами.

Я обретаю убежище в обоих (12:101). Два мира принадлежат Тебе, но мне довелось полюбить иной, следующий, что ныне незрим. Отними у меня этот, явленный. Устал я ждать грядущей жизни.

Что делать мне на перепутье? Куда влечет меня сердце? Не изведать ли круг здешних удовольствий, расслабиться и отдохнуть в лоне своего тела, наслаждаясь интенсивностью преходящего? То и другое дано мне. О чем бы я ни говорил, — это только поминание Господа.

Помышляя о человеческой душе, я представляю кипящий котел, в нем неумное брожение, сплошное замешательство. Наслаждение исходит от Тебя. Небытие следует за бытием, а потом вновь бытие, взлелеянное и вскормленное Тобой (11:6).

С неодолимым трепетом молю о путеводительстве и близком общении. Ты даешь мне все это с присущим Тебе юмором. Прошу об утолении своего плотского желания. Ты даруешь мне и исполнение и в придачу сам источник желания. Когда я испытываю голод, я прошу у Тебя пищи. К кому еще мне идти? У кого искать работу?

Я иду к Твоей двери, чтобы с Тобой провести время. Мы гуляем вместе. Пять раз на дню в молитве я прошу Тебя принять мое почтение, и, пожалуйста, блюди мое тело в трепете новыми милостями и плотскими удовольствиями.

Не всегда я вижу чудесное вокруг себя, иногда, в полосе невзгод, подхожу к Твоему порогу уставший и измотанный жизнью. Но в любом расположении духа я бреду только к Тебе.

1:29

Сладость в отдаленности

Моменты жизни приходят от Тебя: видение, форма, понимание, ум, душа — всё. Почему бы мне не сказать прямо? Отчего, находясь в Твоем присутствии, не прижать свои губы к Твоим? Хочу всем телом ощущать Тебя, впитывая. Почему нет?

Откровение в ответ: *твои слова — лишь слова, а не событие. Впусти в свою просьбу непосредственный опыт.*

— Но ведь со мной общаются как с минералом, пылинкой, носимой ветром, что лишена и ощущения Тебя и знания себя. Тут я погружаюсь в спокойствие, чтоб ощутить и славу, и любовь.

Другое откровение: *Я являю Себя помалу. Пей Меня небольшими глотками.*

В нашей отдаленности — такая сладость. Что будет, если быть поближе?

1:34-35

Неуклонный рост

Внутри и вне тела я вижу чистые холодные ручьи возле цветов, а когда умру, тело найдет путь возврата в них и в нежный воздух вокруг. Семена наших душ приходят из незримого, — и вот мы здесь, произрастаем и увядаем, свертываясь в семя. Мы умираем. Новые семена ложатся в почву незримого, и каждое дает свои всходы возле воды. Бог питает эту неуклонность.

Коран (64:14) напоминает нам, что среди наших близких могут быть недруги. Остерегайся, и помни, что, простив оскорбления и предав их забвению, ты помогаешь милости растворить злобу.

1:42

Прощение и побуждение

Чтобы узнать, прощен ли совершенный грех, загляни в себя и посмотри, живо ли в тебе побуждение вновь совершить его. Если да — он не прощен. Молись, чтобы побуждение исчезло.

П.В. Кузнецов. Сартянка с барашком. Лист № 1 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

Лепешки на столе

Если у кого нет ни грана милосердия к другим, — его обойдет милость. Если творишь явную несправедливость постороннему, — доставляешь себе то же самое и хуже. Любая забывчивость, низость в поступках — возвращается. Ты возлагаешь на себя бремя, которого тебе не вынести. Ты не настолько силен. Проклятие безрадостных, бесцельных блужданий годами будет преследовать тебя, пока не набредешь на то, что было твоим первым прибежищем, твоими яслями.

Конь входит в пещеру, полную львов. Тебя затягивает жажда любовных утех. Искусство. Богатство. Придет время, когда твоя жизнь канет в пустоту (76:1), но было ли когда, чтобы люди оставались без опеки? Тысячи лет мы были лишены индивидуальности, но все же ухитрились попасть в этот удивительный миг — жизнь светлой осознанности. Кто дал нам эту неумную жажду знать и быть?

В печи матки ты был сырым комком, выпекаемым для длинного стола мирского пира. Ты не сознаешь ни этого процесса, ни того как искусно тебя привели в этот благоуханный, щедрый мир. Хлебные лепешки не знают столько, сколько известно пекарю и даже тем, кто их вкушает.

Тебе дано воспринимать то, что открыто твоему взору, и желать самоотдачи, а не властного обладания. Вот важнейшие вехи самопознания, такие же ясные и определенные, как и то, что неорганические вещи, подобные камням и кускам металла, не могут видеть. Это — как дух в тебе и существа, живущие в духе. Ты не можешь их видеть, не ведаешь их обстоятельств и целей.

Мы знаем так мало, и дары нам даны не за наши заслуги. Мы восстаем из праха, переживаем краткую невзгоду и триумф и падаем

обратно в прах. Абсолютная глупость и дьявольская надменность праха — подвергать сомнению Божью справедливость, или здравый смысл существования, или всеобъемлющее сострадание. Будь благодарен за все, что переживаешь, за оскорбления и унижения, даже за дурацкие нелепости. Благодарю за то, что божественное присутствие — это познание за пределами нашего понимания, и еще за то, что этот разумный поток знания питает все существующее.

1:52-53

Ночное бдение

Тьма была дана как ночная рубашка для сна (25:47). Помни, как люди обрели плоть и кровь из воды и праха и густых смол, растопленных на огне для создания костей. Затем душа, божественный свет, вдуновением вошла в человеческую оболочку. А теперь наше дело помочь собственным телам стать чистым светом. Может показаться, что этого не происходит. Но в коконе шелкопряда каждая частица слизи, выделенная червем, обращается в шелк. Когда мы вбираем свет, каждая наша частица обращается в шелк.

Мы сделали ночь тьмой, но во мраке рождается заря. Точно так же твой могильный холм процветет воскресением. Суфии и идущие по пути сердца пользуются тьмой, чтобы уходить в себя. Во время ночного бдения вся вселенная принадлежит им (40:16). И цари, и султаны, и их мудрые советники спят; все они остаются без работы — кроме немногих бодрствующих и божественного присутствия.

1:62-63

Ниже сада

Кто-то спросил, отчего пророков, детей Божьих, постигают бедствия и невзгоды. Я ответил, что сердце отпирается ключом страдания и в этом великое благо. Боль и трудности — как весенние грозы: сверху — покров тьмы, под ним — цветы и смех. Видимый мир — обитель невзгод, ущемляющих плоть и животворящих душу.

Община смертных страдает — а потом взыскует убожания тела. Их питает уныние перевернутого видения. Посмотри, как глубоко в собственной почве — в тайне своего сердца скрыт дервиш — бесконечно блаженный в цветущем саду роз, чьи стены осыпаются и вновь восстают — даже стеною их не назовешь. Живущие вне сердца подобны тем, кто окружает свои владения безупречной каменной кладкой с великолепными, слепящими, как снег, выверенными гранями. В пределах этой крепости прекращается рост и увядают цветы.

У преданности два крыла, на каждом много перьев. Одно перо — блаженство от пятикратных молитв, другие — блаженство от поста, от выплаты религиозного налога, от семейных забот и других, принятых на себя обязанностей. На другом крыле — перья крепости. Одно из них — способность к различению, — это чтобы избегать дурной компании. Другое — решимость отгонять тех, кто наносит вред общине, и защищать близких от опасности.

1:64-65

Ожидание

Мы даровали тебе победу (48:1). Нежная вода, прорываясь на поверхность, взламывает гранитные плиты. Удар кремня о кремень высекает огонь, так и скорбящий взыскует более глубокой любви. Зеленые ростки, которые нас питают, выбиваются наружу из плотного глинозема. «Мы произрастим из тебя сад». Что ты увидел такого, что навеяло на тебя уныние?

Ничто не реально, кроме Бога (2:255) — выражение единства. Откройся этому. Отбрось детские фантазии и пытливость ума. То, что страшит тебя более всего, уже случилось. Скорлупа, что содержит тебя, уже дала трещину.

Что, если кто-то предлагает хлеб, а потом забирает его? Иногда отец показывает золото и серебро своим детям — и убирает монеты. Они хотят получить подарки немедленно. Но отец сохраняет их до свадьбы. Отдай он их сейчас, — дети все растратят, а потом будут сожалеть и стыдиться. Внутри хлопкового семени Бог скрывает прочное полотно, которое мы пускаем на шатры. Гладкий шелк таится в коконах червей. Если бы воры — глупцы и недоумки — украли семена хлопка и шелковичных червей — какая им была бы от этого польза?

1:66

Ржавчина

Бог положил печать на их сердца (2:7). Запечатанность — закрытое состояние — все равно, что ржавчина на зеркале. Зарой зеркало в землю — коричневый налет покроет его поверхность, и свет не сможет отразиться в нем.

Ты зарыл зеркало сердца в груди мирского мусора, и его долго точила непогода. Образы вечности, которые оно призвано запечатлевать, теперь утрачены.

Лень и небрежность ржавчиной ложатся на сердце, и оно лишается способности отражать окружающую красоту. Так, неспешно нарастают последствия того, что мы совершаем и чего не совершаем.

1:82-83

Фермерский труд и внимание к дружбе

Я сказал незрелому Фахруддину Рази, простоватому Хорезмшаху — правителю и другим нерадостным философам: «Вы избрали себе путь, уводящий от красоты цветов и покоя, и уверенно направляетесь прямо во мрак». Вы закрываете глаза на очевидные чудеса ради тумана и химер. За вас решает ваше ложное «Я», самость. Вы сбиты с толку и остановились, но мудрости ведомо, что этот материальный мир — дверь к духу. Тут необходимо предпринять особые действия и особое внимание уделить дружбе.

Мы живем в таком месте, где сами по себе растут лишь тернии и ядовитые растения, а плодоносящие деревья, розы, овощи необходимо культивировать. Эта требующая прилежания работа садовника — добродетель. Фахруддин и Хорезмшах иного мнения. Они как саранча (54:7) — налетают и пожирают посевы вместо того, чтобы способствовать их росту. Подобно Мухаммаду (74:1), я облечен в одежду плоти, меня скрывают панцирь груди и маска лица — великолепная оболочка предметного мира, из которой я вырастаю навстречу иной, неведомой пока судьбе. Знаю лишь, что должен прожить эту жизнь сполна, чтобы попасть в следующую.

1:89

Подвешенный

Недавно человека из Индии, упивающегося собственным красноречием, спросили: «Как ты видишь нашего Бахауддина?»

— Ни на земле, ни на небе, в лучах исходящего от него света.

— А как ты видишь тех из нас, кто внимает ему?

— Как цыплят, клюющих у его ног.

Это правда, что моя любовь к Богу услаждает мою плоть. Просветленность ощущается мной точно так же, как чувственное влечение, когда оно наливает силой мои члены и органы.

1:92

Пути сущности

Теперь я хочу пронюхать природу этого жизненного потока, текущего через различные формы, которые и есть — мы. Сущность познаваема лишь в живых проявлениях. Нередко людей ослепляет блеск внешнего — ведь в этих свойствах светится суть. Я не имею в виду ощущение себя здоровым или больным. Свежая зелень, новая дружба, открытия, впечатления, соприкосновение с водой, блаженное ощущение своего тела и предвкушение блаженства — вот области, где процветает сущность. Как узнаём мы о чьем-то присутствии, как человеческие жизни запечатлеваются в теле, как душа приемлет руководство собой и соглашается взять на себя работу, ей порученную? Старайся глубже осознать эти жизненные возможности — и будь счастлив.

1:103-104

Влечения

Когда ты любишь Бога — Бог любит тебя (3:31).

Можешь ли ты сказать, что утолил свою жажду в удовольствиях дружбы или чувственном трансе желания? Совет Мухаммада: расширься, растворясь в высшей любви.

Если говоришь, что нашел это расширение в дружбе или желании, — ты лукавишь, хотя люди и в самом деле сгорают от желания и бледнеют от одной мысли, что утратили любимого.

Наши влечения вскармливаются — они должны жить, чтобы мы любили. Такова всеобъемлющая страсть, внутри которой вершат свой танец все иные влечения. Цель вплетена в желание, ищущее абсолютного удовлетворения.

1:110-111

Призыв к наслаждению

Призыв к молитве приходит к нам извне. Он доносится с улицы. Другие призывы приходят изнутри — животные энергии, различные желания и даже наше тяготение к чистоте ангелов. Я замечаю, что каждая часть моего тела и сознание готовы воспринять любое из этих влечений. У меня их больше чем достаточно, потому что я прошу о большем. Они приходят как дары. Когда чувственное влечение удовлетворено, все мое тело ощущает довольство и покой. Взгляд на красивую женщину дарует огромное наслаждение. Почему люди приходят от этого в смущение? Ведь все, что им надо сделать, — это жить в любви присутствия. Я верен этому — и путь удовольствия и удовлетворения был открыт мне. Существует много путей. И одни

совершенно не похожи на другие. Мой — предназначен именно для меня, и он дарует неопишное блаженство. Мир, которым я вижу, даже более прекрасен и приятен, чем видимое, обычно воспринимаемое как данность. Многие хотят быть, как я, у меня же нет желания быть, как они. Это доказывает только то, что моя жизнь отличается тонкостью. А Бог знает лучше.

1:116

Дружеская дерзость

Я вдруг осознал, что чем дружнее я с кем-то, тем более дерзким становлюсь с ним. Обходительность предназначена для посторонних, а с другом нет нужды таиться, нет причин сдерживаться.

Подумайте об этом. Нет друга ближе Друга. Никто не примет более неистового поведения, чем Он, нет никого, кто готов так терпеливо и даже охотно мириться с дерзостью и приставаниями. Невольная метафизическая шутка способна ожесточить или даже довести до белого каления, — все это спокойно приемлет лоно Дружбы.

1:128-129

В каждом

Я задумался, как может каждое живое существо ведать о божественном, не имея в себе хотя бы его крупинцы?

Как создания находят покой и радость?

Пришел ответ: все исходит от Меня. Я в каждой милости, спутнике, невзгоде, похоти, беседе друзей, переданном на ушко

секрете, пряном запахе базилика, предопределенности и изменчивой природе твоих «хочу», молитве, любви — все истекает отсюда и возвращается сюда. Лист, стебель, чашечка цветка, воздействие и последствия — все сны возвращаются к пробуждению.

1:129-130

То, что я сейчас записал

Люди вкушают благодать и вкус вина вечности, потому что изначально несут это в себе, ведь они способны различать неискренность и очищать себя от нее и других побуждений, губительных для любви. После чего, пресытившись формами — внешней видимостью творения, они начинают томиться по его источнику.

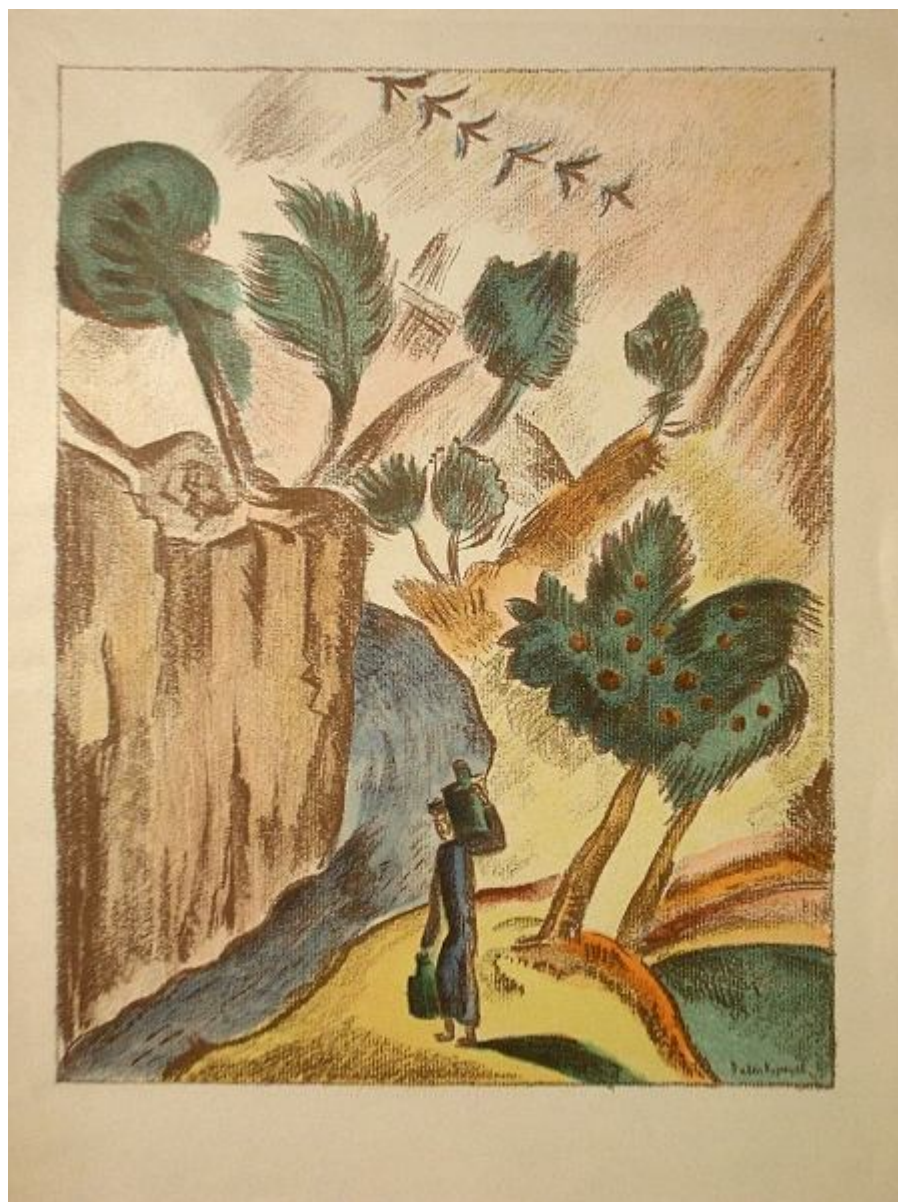
Такого человека ничто не страшит, он не стремится получить награду или избежать наказания как в этом мире, так и на том свете. Он ничего не осуждает и не оправдывает, его единственная пища присутствие Друга, ощущение и памятование этой близости. Когда он или она умирает, его телесные органы прекращают свою работу, и подлинное «Я» исполняется любовью и мертвеет для всего человеческого, чтобы жить в Боге.

Я молюсь о том, чтобы только что написанное стало истиной и для меня. Пусть любящий и возлюбленный живут здесь, в одном месте — в моем сердце. Я пишу это — и ощущаю, что прозреваю Друга. Написанное входит в меня — подобно невесте, украшенной жемчугами, которые переливаются светом любовного чувства и сердечности.

Заточение и присутствие

Спрашивают, можно ли обрести радость присутствия в заточении? Я в ответ: Иосиф, сын Иакова, испытал это, позволив истине просвечивать сквозь него в любых невзгодах. Когда хороший человек делает что-то против своей природы, это сильно мучает его. Он испытывает глубокое беспокойство. Да будет он благодарен за свое раскаяние и страдания, причиненные себе и другим, и даже за то смущение, в котором ему приходится признавать совершенную ошибку. Он рыдает, чтобы очиститься. Пусть этого плача и любви к Богу будет достаточно.

Смех и слезы всегда сменяют друг друга. Мы плачем, ощущая свою разделенность. Когда же к нам приходит смех, мы знаем, что вновь находимся в присутствии. Мы никогда и не уходили. Если ребенок чувствует, что к нему благосклонны, он растет счастливым. Затем он или она становится молчаливым и унылым. Ощущение бытия, окутанного присутствием, сходит на нет. Лишь тот, кто непрестанно вдыхает и выдыхает *зикр*, никогда не утрачивает радости: нет реальности, кроме той, когда ты внутри; нет никого другого, кроме тебя снаружи. Такие люди встречаются крайне редко.

П.В. Кузнецов. Река. Лист № 2 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

1:131

Сомнение

Их знание теряет силу в незримом. Они сомневаются и остаются слепы к реальности (27:66). Тому, кто слеп от рождения, можно описать этот мир, но услышанное поставит его в тупик. Через свое неведение он не способен постичь прекрасный лик этого мира. А красота остается самой собой во всем своем великолепии. Когда тебе говорят о духе, об иной жизни, а ты остаешься в неуверенности, — ты тем самым, признаешь существование сомнения — как и свойства духа и души и факт их существования.

Я говорил с одним мудрым человеком — он старше меня — о прекрасных юных девах рая и райских садах. Он сказал: «Чем мы заняты сейчас — тем будем и в незримом. Так что лучше устремись к божественной тайне, и только к этому». Я ответил, что созерцаю райские реки очами Бога, и потому они вечно переменчивы, принося разные виды блаженства.

С тобой, где бы ты ни был (57:4). Проси, чего хочешь. Затем растворишься как мед в молоке. Двери откроются, и ты увидишь, что уже находишься в присутствии.

1:137-140

Притягательное

Я произнес «Слава Господу!» — и внутренний смысл этих слов пришел ко мне. Если стремишься к изяществу, наивысшее его проявление найдешь в присутствии Божьем. То же касается здоровья, авторитетности, званий, *сэма* и *сохбета* (практики медитативного

слушания и мистического собеседования). Все это обилие совершенств заключено в тайном. Что бы мы ни любили в видимом мире — оно не без изъянов.

Мы становимся более жизнеспособными, более совершенными, когда привносим с собой в присутствие все, что нас привлекает. Пусть все это живет внутри нашего существа, вовлеченного туда. Каждое любование светом, цветом, вкусом, касанием, ароматом и звуком наполнено нашим воспоминанием. Мы идем с легким сердцем, легкие духом (37:99). Даже когда я боюсь идти туда, я все равно иду, — и принят, расцелован и омыт в потоках страсти.

И я начинаю повторять *Аллах Акбар*, «Бог велик» — и вижу красоту видимых форм божественного величия — телесной крепости, знамен, горного утеса. Точно так же, когда я творю *зикр*, наше собеседование становится весенним ветром, что обращает мертвую землю в розы, омываемые водой, — весть о приходе друга. Совместное вознесение хвалы во весь голос созидает ключ, отмыкающий сердце.

1:143

Описывая вкус

Кто-то спросил меня: что это за знание, о котором я говорю, и как ощутить любовь, о которой я упоминаю. Я в ответ: если ты не знаешь — что мне сказать? А если знаешь — что мне сказать?

1:144-145

Красота лица

Произноси «нет власти, кроме Твоей», пока не станешь самой покорностью: повторение запечатлевает порывы ума, и они становятся частью его природы. Упорная практика превращает булыжник в сердолик. Знание пускает корни в любовь, а любовь — в чистоту. Каждый день оттачивает великолепие (55:29).

Когда меня спрашивают о природе любви, я умолкаю. Я указываю на тысячи вверившихся, пророческих душ. Разговоры о любви затемняют суть. О том, что происходит между любящими, словами не скажешь. Это живое таинство. Вкушай и почувствуй его без слов. Впивай его душою, сердцем, всем существом. Ощущай вкус всем телом, даже языком — но не речами.

Как душа входит в физическую оболочку, так и ты позволь своему любовному «Я» войти в Бога. Красота лица — взгляд тайны, вхождение внутрь.

1:145-146

Нет твердой уверенности

Скажи: никому не ведомо сокровенное, кроме Бога (27:65).

Прочтя это, я спрашиваю: что ты чувствуешь, выполняя работу, которая не приносит пользы ни тебе, ни другим? Выходя из дверей своего дома, разве ты не знаешь, куда собираешься направить свои стопы? Случалось ли тебе выйти на улицу, посмотреть по сторонам, потом вернуться домой, сесть и сидеть без цели, без причины?

Однако часто приступаешь к работе, не зная, что из этого получится. Ты сажаешь семена, не зная, взойдут ли они.

Предпринимаешь что-то, но не уверен в прибыли. Да, многие не достигают намеченного, но из этого не следует, что люди должны прекратить попытки.

Уверенность приходит, лишь когда работа вершится в незримом, хотя происходит это без нашего ведома. Совершаются путешествия, и семена, посеянные в них, прорастают и дают всходы. Возможно, святые, отшельники и пророки способны передать нам толику своей осведомленности — если мы будем трудиться с ними заодно.

1:146-147

В стороне от цели

Когда я умру и это тело обратится в прах, не скрывай больше от меня, как ты, неизменный, движешься в лабиринте постоянных изменений. Мне по душе твои дела. Я знаю, что все случается в тебе, мой истинный попутчик. В любом движении я вижу собственное бытие, проникнутое тобой, о Движущий, — так кровь напитывает каждый участок тела, побуждая его трепетно поклониться перед своим Господином и Кормильцем (98:8).

Деревья и плоды, их отягощающие, каждое прикосновение приносит наслаждение, все, что приходит через ощущения, воздействует на ум. Но я хочу большего. Как долго ты будешь утаивать от меня цели, которые стоят за чувствами и в них заключены? Нет больше неугомности, нет больше смиренной покорности. Дозволь мне сгореть в пламени присутствия.

1:147-148

Царь в полусне

Я пробуждаюсь от сна в тебе. Я поворачиваюсь и обнимаю тебя — так царь, задремав, думает, что он один, затем ощущает, что рядом в постели невеста, слышит запах ее волос — и вспоминает о своей спутнице.

Постепенно пробуждаясь, он начинает разговор. Так и я пробуждаюсь в тебе — блаженство, тихая беседа, прелесть часов уединенных прогулок. Я приближаюсь все ближе и ближе. Когда мои слуги спросят обо мне, скажи им, что я рядом (2:186).

Мне вспоминается Моисей, теряющий сознание в присутствии, лицо Иисуса, тайны, открытые святым, твердое стояние Мухаммада, любящие, когда они сливаются воедино в своих песнях, и я знаю, что мне даны эти стопы, чтобы пройти свое изумление, — ведь это ты дал мне их!

1:150

Свойство того, что умирает, и величие непроявленного

Кто отвергает потребности тела — в том более глубокое томление души, и сердца, и веры. Смысл поклонений таков: мы отказываем телесным призывам, чтобы насладиться величием непроявленного. Касание лбом земли при пятикратной молитве напоминает об этом намерении. Ты же делаешь обратное, отдавая должное потребностям тела и пренебрегая тем, что исходит из средоточия души.

Не бывает двух оснований. Либо твои действия исходят из сердца и души, либо твоя жизнь определяется животной душой, *нафсом* — похотью, жадностью и забывчивостью — свойствами того, что умирает и не желает покориться милости Божьей.

1:151-153

Хлеб и хвала

Я подумал о куске хлеба, который только что съел, и о воде, которую выпил. Пришли слова: каждый ломоть хлеба и каждый кусочек плода говорят на языке вкуса, на языке славословия, так что когда они входят в человеческое тело, их языки развязываются и они начинают свои речи.

Та же аналогия преобразования верна и для влияний, исходящих от звезд и преобразующих материю в элементы: землю, воздух, эфир, огонь и воду. Они в свой черед становятся растениями, что станут затем животными, потом — человеческими существами, наделенными развитой речью, способной восхвалить как милость Божью, так и Его гнев.

Я увидел, как хлеб и вода растворяются и движутся по моим органам, распространяя по всему телу свойства тайны. Во мне словно расцвели цветы, наделенные даром речи, и они говорили: «Нет ничего, что не славил бы Его хвалой» (17:44).

Мой ум и память — цветы в руке тайны, что удерживает и вдохновляет бытие и дает предписания, и потому я молюсь о ниспослании через меня мудрости в книжной форме, — в этих творениях вкус любви и блаженство расширения. Не пренебрегай написанным. Падший ангел сатана разглядел лишь видимость Адама. Он не увидел сути. В грубых словах порой явлены тайны. Не упusti их.

1:168-169

Триумф пустоты

Где исток радости и печали, бытия и небытия? Можно ли получить удовольствие от обладания, не зная противоположного, ведущего к утрате? Мы хотим того, чего не имеем. Из области небытия приходит утоление нашей жажды вечности, жажды просветленности, долгой жизни, женской красоты, признания и титулов.

Там ты погружен в «ничто». Я уничтожаю себя в твоих свойствах. Сознание растекается за пределы времени и пространства. Я наблюдаю рост и распад. Среди этого триумфа пустоты где же мое место? Там и приземлиться-то негде.

1:172-173

Один час

Алиф Лам Мим

Если Бог говорит «Мы», имея в виду Я Есмь, то любое местоимение, которое использую я, неуместно. Определения осыпаются, как лепестки. Приходит мудрость, и я ощущаю такой приток блаженства, что страшусь утраты этого чувства. Я говорю себе: вникни в то, как любовь между любящими, и возлюбленным, и другие формы любви связаны единым целым.

Как божественные атрибуты тождественны человеческим качествам, так же и любовь — в ней едино все. В сердце нет места различиям — лишь единство и возлюбленный. Я бы отдал книги, землю, свои добродетели и репутацию, все — за один час в этом присутствии.

1:174-175

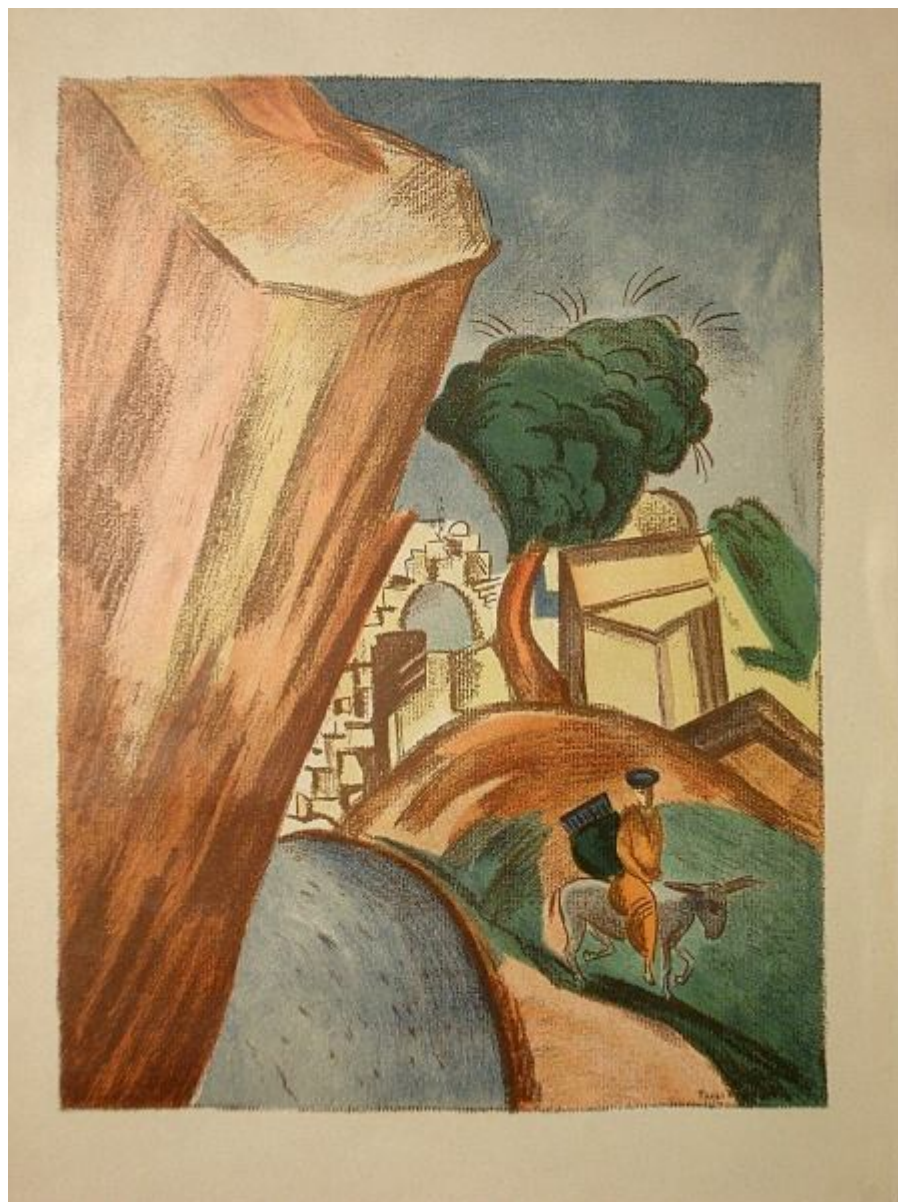
Недоумение

Бог говорил с Мухаммедом и сказал ему: «Мы даровали тебе победу» (48:1). Это явное указание на согласие, которое царило между ними. «Мы ниспослали тебе книгу» (4:105) и «разве не раскрыли Мы твое сердце?» (94:1) — говорил ему Бог. Они беседовали как друзья. Был ли еще у кого такой опыт? А так как божественной тайне причастны все и вся, не должен ли каждый из нас ощущать подобную близость?

Ответ рассеял мое недоумение: у каждой души свой путь. Одному дается боль, другому — любовь, третьему — вожделение. Одному суждено претерпеть страшные муки, другой живет спокойно, без невзгод.

Для пророков путь к Богу пролегает на ином уровне, им даются чудеса, благодать и видения незримого мира. Стремись к этому уровню. Иначе так и будешь говорить с Богом о жаре и холоде, о пище и повседневных нуждах, о сне и пробуждении, удовлетворяясь людскими домыслами о тайном.

Вот моя молитва. Когда я наедине с Тобой, дай мне ощутить наслаждение преданной любви. Когда я сижу наедине с собой, дай мне испытать единство за пределами удовлетворения любого желания.

П.В. Кузнецов. Скала у реки. Лист № 3 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

Один и тот же сон

Один судья пытается объявить недействительным титул «Султан Гнозиса», что был дан мне Мухаммадом через сон, ниспосланный одновременно многим достойным и благородным людям здесь, в Балхе.

Я беседовал об этом с Богом. Судьей движут скрытые мотивы. Он подобен человеку с тайной страстью. Он не может удержаться — и взирает на женщину, не желая быть замеченным. Он пытается стяжать недозволенное и хочет принизить мое положение. Какой же он знаток законов ислама, если не замечает своих мотивов? У него должно быть отобрано право и власть выносить решения. Если бы кто-то проник в его дом и украл серебро, он возбудил бы тысячу судебных дел, а проиграв их, сказал бы, что ислам захирел и сошел на нет.

Люди высочайших духовных качеств видели один и тот же сон: светозарный старец стоял в высоте и взывал ко мне: *Султан ул-улама*, Владыка Знающих, выйди и просвети мир своим светом. Тобой слишком долго пренебрегали. Выходи.

Марвеси, евнух, служит здесь нескольким семьям. Он сказал мне, что слышал, как члены этих семей пересказывали сон, в котором Пророк даровал мне высокий титул. Как можно признать недействительным такое откровение, данное сразу через многих? Чьей власти это под силу? Слуга говорит, что сам видел, как в большом собрании нараспев повторяли: «Благословенны друзья Бахауддина, Султана Знающих». Не следует ли отсюда, что недруги будут прокляты? Бог знает лучше и устроит все к лучшему.

1:190

Высокое благополучие

К тем, кто пребывает в состоянии высокого благополучия, благословения приходят легко и безо всякой просьбы. А вот когда мы разрушаем и увеличиваем свое замешательство, нам приходится просить благословения.

Отныне буду действовать так, что все мое тело обретет рай желаемого, и даже нимфы, вкушающие желания, тоже будут моими.

Творению не надобны орудия и инструменты, чтобы делать свое дело. События и вещи являются и исчезают в безмолвии, без приказа и сопротивления. Пшеничное зерно размягчается и разлагается. Затем появляется росток — возникает новое растение. Точно так же рождаются деревья и плоды. Теперь взгляни на свою жизнь: ты возносишь к небу молитвы, пустые и высохшие, и совершается чудо: в тебе восстанавливается блаженство благополучия.

1:191-192

Города и благословенная тьма

Земля — широкое ложе (78:6), где вы, в своих телах, в своих лонах, нежитесь, как цари, а горы поддерживают вас крепко и прочно, как деревянные подпорки. Мы дали тебе города для счастливой жизни в паре. Это знамение дружбы. И Мы сделали ночь покровом (78:10), под которым ты ждешь того мгновения, когда Мы заберем тебя из ее благословенной тьмы в иное.

1:194-195

Слепое упование

Я ощущаю свойства Бога, особенно милосердие. Я всегда жажду его.

Ответ: Удели больше внимания тем, кто вносит мою любовь в сени твоего бытия.

Я вижу этих носителей милости. Они подобны чувствительности, которая доносит познанное удовольствие до каждой части моего тела. Но я хочу ощущать тебя более непосредственно.

Взгляни на царей, которые являют мою славу. Ты видишь лишь внешнее, не внутреннее тружение.

Тут я ощущаю приход нового ответа: отдай себя так же, как семена, когда их закапывают в землю. Скройся в земле полностью, подобно древесным побегам, — слепое упование выводит их к свету. Великое многообразие сущего вырастает из упования.

1:200-201

Мошки

Прочитал начало дивной суры: «Ищу убежища у Господа рассвета» (113:1) — и захотелось оплакать турка, который, работая, честит меня целый день напролет. Вот тьма, порождающая вражду (113:3). Пустой, ничего не сознающий чистильщик выгребных ям, пьяный бедолага, упорно не желающий искать убежища ни в одном из светов, сотворенных Господом. Меня пугают его безрассудные призывы и склонности.

В чистом океане света занимающейся зари мы можем встретить крокодила или тюленя, столь же дружелюбных, как домашняя собачка. Мы можем найти жемчуг либо пустую раковину. Оба случая возможны, когда возгорается или угасает день.

Кто-то задает вопрос: «Отчего Бог указывает то один путь к благоденствию, то другой?» Мой ответ: «Нам не дано знать и даже касаться этого. Знаем только, что таков путь, по которому мы движемся со словами *«вся хвала Господу»*. Вот предел нашего предвидения».

События и их причины становятся ясны, если им так назначено. Днем стадо разбредается по полю, а вечером собирается вместе. Как мошки в своих случайных и целеустремленных полетах возвращаются к гнезду, устроенному на воде, так и тебя, и меня увлекает путь возвращения.

1:207-208

Стойкость

Караванщики душ и пророки обладают врожденной невинностью, но они подвержены тем же последствиям своих действий, что и все остальные. Если осел сворачивает с пути, его бьют палкой. Если совершил неблагое, — будешь наказан. Абу Бакр сказал, что стойкость — главная добродетель. Уравновешенность ума рождает правильные действия, которые, в свою очередь, гармонизируют ум.

Меня спросили, отчего пророкам давались тяжкие лишения. Я сказал, что это помогает держать верный курс. И внутренне напомнил самому себе: побольше смирения — как у того, кого держат в плену. Склонись перед тем, кто может освободить тебя.

Вдали, вне досягаемости этого благоуханья

Пытаюсь вспомнить и выразить свою неумную жажду.

1:210-211

Крепкие корни

Кто-то спросил о страхе Божьем. Страх перед Богом — это твоя молитва о прибежище. Другие страхи — совсем иное. А этот страх возникает от осознания своей хрупкости — подобно тому, что должны чувствовать тонкие ветки дерева с неохватным стволом и крепкими корнями.

Бог повелевает Моисею бесстрашно взять посох-змею (20:21). Я молю о прибежище от своих страхов перед болезнью, смертью, унынием, уродством, пассивностью и потерей желания. Обрати эти страхи в красоту и страсть. Пусть ничто не становится между тобой и мной, даже дети и семья. Да не закроет мой взор завеса (83:14).

С чего это мы сидим здесь и страшимся смерти, переживая впустую? Друзья, дело того не стоит. Лучше давайте все вместе войдем с поклоном вовнутрь того трепета, что взывает к могучему стволу и корням Убежища.

1:212-213

Каждое ободрение

Моя молитва к тайному такова: сотвори во мне множество путей возжелать Тебя и сделай смысл каждого понятным, чтобы все части моего тела могли быть причастны этому чуду. Я молю, чтобы мое искание Бога стало более энергичным, подобно иным желаниям, которые зажигают свет в моих глазах и проясняют слух. Все воспринимаемое становится ярким. Ниспошли мне крылья более сильных желаний. Как крылья служат птицам, пусть мои желания служат этой жажде. Увижу ли Тебя своими глазами в видимом мире или иным путем узнаю в незримом?

Приходит ответ: *твои кости и кожа, твои органы, все твое тело живо твоим присутствием. Ты, Бахауддин, присутствуешь в каждой своей конечности, в биении своего сердца, в мозге, в груди. Ты непрестанно пронизываешь каждую частицу собственного тела. Эти части не видят тебя, но ты пребываешь в них с такой же несомненностью, с какой Мы пребываем в каждой части мира, в колебаниях жары и холода, в каждом приливе бодрости, который ты ощущаешь, в каждом атоме радости. Все исходит прямо из этого присутствия.*

Я продолжил разговор: каждый познает Тебя через то, что случается в его жизни, — через утраты и радости обретения.

Теперь я буду руководствоваться тремя побуждениями: первое — восхвалением красоты, второе — жаждой и любовью к тайному и третье — благодарным восхождением к прибежищу. Эти три, и только они, отныне будут ядром моей личности, когда она с разорванными, запутанными думами путешествует из события в событие, — каждая мысль несет в себе семена одной из трех привязанностей: хвалить, любить и находить прибежище в Твоем присутствии.

1:221-222

Четыре птицы

Авраам воззвал:

— Господи, покажи мне, как Ты оживляешь мертвых.

— Разве ты не уверовал?

— Да, но я хочу узнать это так, как жаждет того мое сердце.

(2:260).

В теле человека живут четыре птицы. Каждую ночь их убивают, и четыре тела соединяются. Каждое утро они оживают и помещаются в отдельные клетки. Это — утка нетерпеливости и жадности, петух вождения, чей крик достигает и высшего суда, пестроцветный павлин, гордо несущий свой хвост, — все его заботы лишь о том, чтобы вызывать всеобщее восхищение, и ворона, которая хочет, чтобы ее карканье было слышно повсюду.

Ты спрашиваешь, как Господь оживляет мертвых, а сам повсеместно стремишься ограничить жизненность в живом. Бог там, где живут. Земля, по которой проходим мы, — поле смерти.

Бог говорит: Я даю жизнь любой малости. Я даю птицам разлететься — и собраться в стаю. Начни свой поиск с божественного — и теплые цветочные лепестки ниспадут дождем на твое лицо и растопят его хлад.

Кто-то думает, что мотылек летит на огонь по ошибке, бросаясь в смертельное для него пламя. Разве он не видит останков другого мотылька возле свечи? Так уж заведено: узор многих частей этого мира выжигается огнем, пищей для которого служат люди. Среди них есть и такие, кто пропечен огнем до жесткой корки, а на самом деле спокоен и светится внутри.

Вот сокол, замерший в преддверии полета —

Клубок сокольника его скрывает.

Так и любовь в покое затаилась.

Но стоит той свече зажечься Влюбленных тысячи сгорают.

1:224

Единственный покупатель

Воистину, Аллах купил у верующих их жизнь и имущество в обмен на уготованный им рай (9:111). Сущность предлагаемого тобой Бог покупает в обмен на Эдемский сад.

Он говорит: именно Я покупатель твоей доброты, бескорыстных порывов, а не те, кто толпится вокруг тебя. Ты думаешь, они в тебе заинтересованы? Или тебя бы устроили два покупателя — Я и другие? Что бы ты ни делал для того, чтобы прославить себя и свой товар, — все это пустая трата времени. Они смотрят, потом отворачиваются. Тебя это огорчает? И напрасно. Я — единственный покупатель. Другого не будет.

1:228

Достоинство и выбор

Тот, кто сделал землю жилищем, провел по ней реки, воздвиг неколебимые горы и установил преграду между водами пресными и солеными (27:61). Мы придаем элементам разные формы и без их согласия, но человеческие существа не такие, как вода и деревья. У них есть выбор. Им дано достоинство, различение [добра и зла], эволюционная мудрость, которая способна вести их от смерти к новой жизни, затем опять к умиранию и воскрешению на другом уровне бытия. У тебя много возможностей выбрать образ жизни и занятие, способ изменяться и выживать. Скажем, ты упал в воды океана. Ты можешь сдаться и потонуть — либо попытаться добраться до берега. Спасение — твой выбор.

1:232-233

Блаженный влюбленный странник

Когда я произносил *Аллах Акбар*, «Бог велик!», явилась истина. Материки и океаны, все, что есть и случается в них и на них, — все было в этом присутствии. Исчезни все эти существа и события — стал бы виден Бог.

Я молюсь: ниспошли мне такое влечение к пажитям, к зелени по берегам быстрого ручья, чтобы на солому и кучи мусора я смотрел так же, как на свежие овощи. Вдохни в меня животворящую силу, чтобы каждый встречный на улице виделся мне ангелом.

Пробуди во мне такой голод, чтобы в черством ломте просяного хлеба я открыл вкус деликатнейшего пирожного. Все это молитва об одном: Ниспошли мне ту жажду, благодаря которой безумец, потерявший голову от любви, взывает то, чего не найти.

Эта обнаженная нужда живет во мне как уверенность в том, что, какой бы поступок я ни совершил, я знаю, он будет покрыт милосердием, внутри которого лежит наш путь.

Вот смысл *Аллах Акбар*.

1:233-234

Движение и неподвижность

Я думал о жестокости, совершенной Хаджи Седдиком. Но с чего мне жалиться о том Господу — ведь все, что происходит, происходит по Его произволению и в Его присутствии, будь то действия Хаджи Седдика или мои страдания от них. Едино все.

Откровение: Я даю облегчение, когда ты читаешь Коран и через это начинаешь плакать. Тысячи, как и ты, приходят к Моим вратам

выплакать свою боль. Если бы они не получали помощи, — приходили бы они? Не Мое ли имя Аллах? Смысл этого имени — убежище от несправедливости и притеснений. Обрети же приют от своих горестей и возвращайся всякий раз, когда тебе нужно. Не будь облегчения в Моем имени, — оно б изгладилось и забылось. В нем не только исцеление, но и великое сокровище и награда, семь небес (71:15).

Я промолвил: нам не видны эти семь небес. Нам не дано знать, на что они похожи. Ты не показываешь — мы их не видим, не знаем ни нашего истока, ни своей судьбы. Нам не дано видеть цели небесного плана, так что же именно Ты предлагаешь нам?

Мне было так больно, душа хотела покинуть тело, чтобы узреть чудеса Божьи. Но пройти сквозь плотность творения, сквозь смерть и божественную мудрость было выше моих сил.

Я промолвил: останусь там, где я есть. Здесь я ощущаю близость присутствия и могу видеть свет и свойства. После этих слов я увидел больше света и сады цветов, раскрывающихся в восхищенность и абсолютную растворенность.

У моей души два состояния: движение и неподвижность. Движение напитывает энергией любви и нежности, насыщает до предела и приближает Бога. Неподвижность — для отдыха, когда я устаю. Я напитываюсь покоем, довольством и надеянием, укрепляюсь в этом, возлюбив умиротворенность.

Вот что я говорю, но только себе: когда переживаешь крах, видишь всех вокруг сокрушенными. Когда же сам сияешь, то и тьма становится лучезарной в ореоле черного света. Для терзаемого раной даже удовольствия обращаются горечью, а у того, кто благоденствует, — недостатки преобразуются в достоинства и в само совершенство.

П.В. Кузнецов. Чай-Ханэ. Лист № 4 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

1:236-237

Охол — юродивый

Трудясь на ниве Божьей, работай как тот, кто усердствует, чтобы получить плату! (22:78).

Я сказал Охолу, юродивому, который всегда находит повод над чем-нибудь посмеяться: «Продавай свои овощи незаметнее, тогда и люди не будут ждать от тебя шутовства, не веди себя как клоун, и ты никому не принесешь разочарования. Ты станешь жить более простой искренней жизнью».

Опустоши свою чашу полностью, — сказал один индийский учитель, — если хочешь, чтобы в нее положили больше еды.

1:237-238

Ислам — для обретения друзей

Религия ислама предназначена для обретения друзей, для радости, которую дает общение. Быть вместе с кем-то веселее, чем в одиночку, в этом нет сомнения. Нам по душе, если есть кто-то, кому можно доверить свою печаль, поделиться сиюминутной болью или даже поболтать о пустяках. Деловые связи с целью покупки собственности и строительства в своей основе исходят из желания общения с другом или с множеством друзей. Только святые отшельники могут наслаждаться прекрасным пейзажем и чистым послеполуденным небом, общаясь с одним только Богом.

Я слышал, будто властитель распорядился, чтобы Афзалю выдавали тысячу динаров в год за посещение нашего города, как это делают в Бамиане. Мне просто так никто не даст и куска хлеба, а

Афзаль получает тысячу динаров. Взгляни на его чин среди людей и на мой.

Не успел я договорить, как пришел ответ свыше: ты на пути пророков. Пророкам не платят стипендий. Наоборот, им противостоят великие силы. Они не получают пособий на изучение медицины, астрономии или философии. Лишенные денежной поддержки, без отца, без матери, без семьи, они молят Бога не облегчать их тяжелого бремени духовной передачи. Ныне многие притязают на то, что бы желать того же.

Носить твою печать не смеют
 Мои глаза — носильщики простые.
 Лишь преданность мою и верность
 Должны они смиренно донести.

1:245-247

А упаду так упаду

Когда тебя вопрошают Мои рабы обо Мне, то ведь Я близок и отвечаю на призыв молящегося. Так пусть и они отвечают на Мой призыв (2:186). Этот отрывок имеет отношение к нашим бедам, к вопросам, которые мы задаем, и ответам, которые получаем. Один ветер пустыни несет сомнение, другой — вселяет надежду и доверие — череда призывов и откликов.

Атеист спрашивает: Бог — где? Покажи мне это место.

Смешное требование. «Место» не приложимо к присутствию Бога в творении. Местоположение не является свойством Бога.

Зайн Заравийя говорит, что собрание в Пятничной мечети Герата не может вместить всех, кто хочет посмотреть на Фахра-э Рази. Он сообщает, что люди приходят со свечами. Властитель повелел, чтобы

один из его помощников надел золотой пояс и серебряную шапку и вечерами сидел возле кафедры. Те, кто расстилает молитвенный коврик в направлении Мекки, — получают благословление.

Кроме того, там есть Абу Ханифа, который наставляет их на путь повиновения, читает Коран, стихи и речения прежних времен. Кази Абу Сайда восхваляют за чтение *аята* (2:37) об Адаме, где говорится, что тот был ободрен словами Господа.

Султан Аулия говорит, что евреи пришли к Мухаммаду Али и просили его почитать им Тору.

Слушая все это, я вдруг осознал, что мне далеко до этих мужей. Не буду больше выходить и говорить перед людьми. А упаду так упаду, поднимусь и пойду дальше, не уклоняясь от бесчестия. Я комок земли в поле, которое распахивает пахарь.

Возникают строки Писания. Когда нагрянет неизбежное... (56:1). Горы рухнут, рассыпаясь... (56:5). И в прах обращаясь... (56:6). Разделитесь вы на три группы... (56:7). Благословенные — на правой стороне... (56:8). А также опередившие, те, которые приближены... (56:10—11).

Эти строки мне кажутся бессмысленными! Тотчас приходит ответ: *в таком состоянии произноси зикр*.

1:253-254

Сообщество благ

Плотно поел — и не в состоянии ни молиться, ни читать наставления.

И сказал я Господу: я принимаю пищу, чтобы сохранить силы и не утратить блаженство общения с Тобой, но не могу рассчитать необходимого количества. Ответ же, сколько мне есть, чтобы быть бодрым и не впадать в апатию?

По временам печаль охватывает меня и ввергает в состояние робкой самопоглощенности.

Строки священной поэзии гласят: если цель твоя реальна, то в ней сила, — держись своего пути до самого конца, невзирая на тяготы. Когда же конечная цель не от истины, ты попросту тратишь время, независимо от того, какими иными достижениями увенчают тебя твои усилия. Ты будешь подобен тому, кто обращает золото в медь. Сплошные потери.

Благие стремления достигают цели в сообществе других благ. Проходя через облако сажи, почувствуешь себя словно опустился в зловонную яму. А в мускусных садах воспрянешь, напившись благоуханием.

Этот мир — и раскрытое небо, и мусорная яма, — одни обретают через него жизнь, другие — смерть. Определить исход того и другого сам этот мир не властен.

Ткни пальцем в мир и поднеси к носу. Ощутишь благоухание либо запах дерьма. Такие вещи надо уметь различать.

Истинные сердца бодрствуют в предвкушении возможной для них любви. У прочих нет нужды ни в красоте, ни в уповании на нее. Держа в руке золото, не ищи путей обратить его в грязь.

1:263

Мы здесь залегли

Один человек работает на нескольких людей, среди которых царит постоянный разлад. Другой трудится на одного человека. Сравни, как живет каждый из них (39:29). Вот как я мог бы это выразить: ты так нагрузил свое судно, что оно прочно село на дно у пристани и успокоилось. Такой корабль никуда не поплывет.

У тебя столько проектов, что тебе необходимо лечь и отдохнуть. Ты ведешь кропотливый учет груза, который никуда не отправится.

Ты говоришь: «Да, я делаю это для своих дорогих деток и их детей, для культуры лавочек и селений, для просвещения». Серьезные цели. Они словно пейзажи, вышитые на ширмах, которые ставят, чтобы заслонить подлинный пейзаж. Убери их, ведь когда-нибудь их все равно уберут. Смотри сквозь свое влиятельное положение и потомство.

Итак, мы залегли здесь, похоронив себя в деталях, заботясь о том, чтобы что-то там выиграть, страшась смерти. Все это напоминает банальный и дешевый фарс, фокусы на ярмарке. Помнишь историю о Соломоне, когда он погрузил на судно припасы, намериваясь отправиться в открытое море и накормить кита? Так Соломон поспособствовал тому, чтобы мы могли увидеть, насколько тщетны наши проекты, громоздье наших планов, значимость которых мы рьяно пытаемся себе доказать.

1:264-265

Место хвалы

Господь приводит притчу, историю, подобную прекрасному дереву (14:24). Есть ядовитые слова, которые прожигают кожу, и есть добрые — они как сень и плод древа притчи, что наполняют сердце радостью.

О вы, ученики и апостолы, все вы исполняете одну и ту же работу, но продолжаете спорить, стараясь установить, кто из вас выше и кто ниже. Каждый из вас думает, что он особенный, и каждый в своем тщеславии гневается на всех прочих. Каждый думает, что ему чего-то не достанется, и вы деретесь за свою долю, как псы на улице.

Гармония — вот истинный путь, а не зуд жадности в толчее стойла, где тебя и других ослов лупят палкой. Вместо этого войди в место хвалы, во внутреннюю обитель тайны, где нескончаема молитва и беспредельно блаженство от вознесения хвалы.

Кто-то спрашивает, почему Господь наделяет мудростью, а затем отнимает ее. Я отвечаю, что точно так же мы поступаем с детьми, сообщая им больше, чем они способны вместить, после чего берем свои слова назад. Это как разливы рек и песчаные бури, они несут благо, невзирая на затопление и промоины. А когда стихия утихает, мы остаемся с ущербом.

1:267

Возможно, мы лжем

Есть те, кто разделяет себя и других на противоборствующие группы и отдаются спорам и дискуссиям (6:159). Ты — не с ними. И это будет тебе ясно явлено воочию. Желание, питающее твой интерес к вещам, — это ветер или летающий конь, который возносит тебя, а потом сбрасывает. Не в твоей власти влиять на исход происходящего и выбирать место падения.

Твоя религия, вера, покорность [Божьей воле] — все это разные формы псевдоуверенности в том, что ты наконец-то стоишь на твердой почве, недостижимый для ураганов и волн, вздымающих судно и бросающих его об рифы.

Каждый, кто произносит «Я верую», может оказаться лжецом в одном из двух или в обоих случаях — либо он на самом деле зависит от тех или иных способов наслаждения, либо лелеет горечь страданий.

Помни и прими предостережение стиха:

Твои глаза — моя религия,
Эти черные волосы — вера моя.

Воззови к Аллаху, милостивому присутствию (17:110). В глубине этого призыва сокрыто величие твоей жизни, какими бы превратностями не была она окрашена. Искусство, что воздвигает города с их стройными минаретами, приходит как дар из этого присутствия и оттуда же исходит сила, воздвигающая горы и небеса, распахнутые вширь (51:47).

1:271

Почему мы не плачем

Кто-то заметил: Стоило Аббасу, властителю Эфиопии, и Омару услышать только один богоявленный стих Корана, как их тут же схватывало рыдание, а мы можем прочесть целую главу или даже всю книгу от начала до конца, не испытывая никакого волнения. Почему мы не плачем? Даже каменные изображения животных в святилище женщин-ясновидящих заплакали, когда к ним приблизилось огненное присутствие молодого Мухаммада. Нет ли какого-то уродства в том, что, не видя Друга, мы теряем с ним связь, не испытывая страстного томления? Может, жизненные невзгоды иссушили наши сердца настолько, что, когда пламя Божественной любви касается нас, мы не в состоянии залиться слезами, как сырые поленья, что выделяют свою влагу в огне? Вместо этого мы высыхает и потому мгновенно обращаемся в серый пепел. Разве не мирские амбиции, именуемые жадностью, умерщвляют нашу чувствительность?

Любящие идут путем любви, даже когда их семьи разорены, и львы и тигры пожирают их. Все, что появляется, должно уйти, остается лишь присутствие Господа, — жизнь и процветание в Нем одном.

1:272

За пределами поиска наслаждения

В каком бы состоянии ты ни был, — помни, что ты в присутствии. В предвкушении наслаждения — особенно в этом состоянии — я обнаружил, что нет большего блаженства, чем соединение любовного пыла с легким прикосновением. Что может быть слаще этого? Когда ты охвачен экстазом, вспоминай того, кто дал тебе эти улаживающие формы и влечения. Даже в припадке безумия помни, вспоминая о том, как сила землетрясения низвергает горы и раскалывает каменные стены. Позволь этой глубинной энергии превозмочь твой припадок.

Когда тебя пугает некто, имеющий власть и ущемляющий тебя, — в этих страхах, точно так же, как при полном простирании во время молитвы, — вкушай присутствие.

Любезная нам детская непосредственность исходит из суматошной путаницы в желаниях ребенка, так и беспорядочно развешанная на стенах чеканка и каллиграфия украшают наше жилище. В нашей любви и вожделении плоти — в их качественном оттенке — мы прославляем истечение света в образы.

1:275-276

Открой мне меня

Я утратил путеводную нить своей осознанности. Увяз в неопределенности и молю Бога: свершай то, что свершаешь. Но какое из моих «Я» молит об этом? Их много, одни колеблются, другие тверды. И я молюсь: прошу, открой мне того меня, который жаждет Твоего присутствия.

Но тут снова возникает извечный вопрос о делении неделимого, того, что за пределами этого бытия. Бесконечное множество частиц разбиваются друг о друга, и каждая пронзает другую, — это вздымающее ввысь дробление и есть я.

Помоги мне ощущать каждый вдох как последнюю молитву. Мои дети — сироты, мое тело обращается в прах, записи *акаши*[†] заполнены моими грехами. Моя жизнь исчерпала себя. Верши свой произвол над тем, что есть «Я». Ты — и розовый сад, и огонь пожирающий тернии, и тот, кто открыл нам, что в Тебе таинство прощения превышает истину наказания.

1:278-279

Серьезная куртуазность

Ученая коллегия решила заняться делом, более волнующим, чем научные штудии. Пусть приведут незамужних женщин, побеседуем с ними. Был среди них один особенно уродливый старик, которого очаровала дочь властителя. Подайте-ка ему принцессу, — никакая другая его уже не устраивает! И сказал он благородному собранию: «Вы здесь веселитесь, сколько влезет, а у меня другие планы».

И вот он пошел и, встав под окном принцессы, забормотал о своих чувствах. Наконец девушка его заметила и воскликнула: «Не могу разобрать ни единого слова!» И приказала она своему слуге: «Выйди спроси, нет ли у него для меня послания. Выведай, чего он боится. И, разумеется, скажи ему, что если его слова оскорбят меня, то он может

[†] Записи, или хроники, акаши — индуистский философский термин, эквивалентный каламу, «изначальной скрижали», — в исламе. — Прим. рус. перев.

лишиться головы, так уж у нас заведено». Старик выслушал слугу, громко вскрикнул и упал замертво.

Стих из Корана «Веди нас прямым путем» (1:6) означает: проси Меня указать путь ко Мне. А я говорю: укажи мне какой угодно путь — от Тебя я приму любое направление.

Некий человек полюбил женщину. Он попросил ее о встрече ночью. Омывшись и нарядившись, она пришла — а он спит. Тогда она положила ему в карман три грецких ореха и ушла.

Проснувшись, он понял ее намек. Ты пока еще дитя, а не любящий. Играй же в орешки. Катай их по земле. Любящий охотно жертвует всем: жизнью, бодрствованием, сном, чувством собственного достоинства. Истинно любящие легко расстаются со всем этим ради возможности побыть с Другом.

1:293-294

Почему суфии носят одеяния смерти

Как созвездия благославляют ночное небо (25:61) своим сиянием, так и мы живем в доме, освещенном изнутри. Сияние во мраке — это истина, и потому суфии носят одеяния смерти, не желая казаться самовлюбленными. Мы мертвы, — таково их послание обитателям улицы — мы не имеем части ни в чем, что происходит здесь, и все же любая скорбь — наша.

1:295

Если нет Иосифа

Но терпение — благо (12:83). Яркое пламя внутри источает мягкий свет наружу. Просветленность знает, как в скорби прячется смех. Только любящий способен ощутить лишенность.

Если в твоей жизни нет Иосифа, — ты не живешь. Иаков был счастлив со своим сыном Иосифом, так что когда старшие сыновья измазали одежду его любимца кровью козла, он разрыдался, и этот плач до сих пор разрывает на части сердца людей.

П.В. Кузнецов. Сартянка. Лист № 5 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

1:295-296

Иаков

Но терпение благо (12:83). На вид спокойствие — внутри пылающий жар. Где тот ясный ум, что вместе со мной способен проникнуть взглядом сквозь внешнюю благость хранителей тайн, с их чарующим смехом и доброжелательными улыбками, — они словно цветы на смеющемся лугу, но в тайне сердца своего они рыдают и скорбят. Мало кто оплакивает свою скорбь открыто.

Великая глубина раскрывается, когда ты разлучен с Другом. Человек становится поистине живым, познав трагедию жизни. Если нет Иосифа, то и Иаков не Иаков. Ты был в саду со своим возлюбленным, а потом — разрыв. Пока ты не изведал этого, в твоей жизни нет подлинной страсти и глубины, — не об этом ли толкует известная история.

Все имеет оборотную сторону. Любя одно, ненавидишь противоположное. Еще одна истина: для каждой ситуации есть другая, уровнем выше. И так — все выше и выше, до того предела, где открывается божественное, — оно присутствует повсюду вокруг тебя, а ты просто не видишь этого. Распахни свой взор — и ты узришь. Живи в истории Иосифа и Иакова. Присядь и помолись о том, чтобы узреть Господа. Умоляй, как пророки. Тебе показывают, и ты видишь Бога, — это твое первородное право.

1:303-304

Пути постижения незримого

Махмуд Абдул-Раззак три ночи молился, чтобы ему было дозволено увидеть Мухаммада. А увидел Бахауддина. Абдуллах Хинди также видел во сне Бахауддина на троне, в окружении слуг, они держали золотые стяги, и люди брали воду, которая стекла с его ног при омовении, и смачивали лица для защиты от незримых угроз.

Сестра Туркназа говорит, что наяву видела Пророка, были у нее и другие видения. Такие восприятия сильнее, чем знание, приобретаемое с образованием. Тот, кто дал тебе способности воспринимать и вбирать в себя мир, дарует и пути постижения незримого.

1:304-305

Не делай себе поблажек

О верующие, предавшиеся Господу, держитесь других верующих. А все остальные в своих сердцах желают вам только несчастий. Мы дали вам знаки — чтобы это стало ясным (3:118).

С истинно верующими твое сердце преисполняется милосердием к ним и любовью к пророкам и ангелам. За это будет награда в незримом. Если Бог дает тебе богатство, подели часть его с теми, кто служит Ему. Если же Бог не благословил тебя мирскими благами, будь спокоен и не печалься.

Бороться тебе или нет, — решаешь ты сам. Нет борьбы там, где не используется сила. В то же время, если ты лишен сексуального желания, — ты мертв, а если оно слишком велико, — ты разлетишься в осколки, как тонкое стекло при порыве ветра. Чем больше усилий ты вкладываешь в работу, тем больше растет твоя сила. Прибыль зависит от вложений. Никакой иной силы, кроме собственной...

Работать можно двумя способами: либо исходить из своего сердца — в нем твоя сущность и связь с божественным, — либо угождать желаниям тела, ублажать его. Существует явное различие между тем, что ублажает сердце, и тем, что отвечает призыву нафса, настоятельным требованиям тела. Помоги же нам различить, откуда что исходит, и не делать себе поблажек в тружении сердца, которому мы себя посвятили. Сделай нас забывчивыми и слепыми к своим собственным добродетелям. Боже, защити нас от самопотакания.

1:310

Дружба привносит красоту в твою жизнь

Именно глубина и трепетность дружбы привносит красоту в твою жизнь. Дружба, как почва, в которую ты сажаешь дерево своего существа, — это плодородная основа твоего процветания. Дружба непрерывно создает жизненную силу вокруг и в тебе самом. Друг может быть птицей, или кошкой, или умирающим больным. Но если дружба сильна, она будет очищать круг твоей жизни — как капля крови пророка очищает землю, на которую падает.

Подлинные друзья жертвуют здоровьем и репутацией, всем — друг для друга. На вопрос: «Почему?» — они отвечают: «Жаль, я не могу отдать больше, ведь это все, что у меня есть». Абу Бакр и другие сподвижники Мухаммада жили, понимая дружбу именно так.

1:315-316

Язык белых птиц

Я увидел во сне больших белых птиц в полете, они были крупнее, чем гуси. Пролетая, они возносили хвалу. Я понимал их язык. Одна произносила: «Что бы ни случилось, я возношу Тебе хвалу». Другая

произносила то же, но другими словами, и третья благодарила по-своему, а я не мог вспомнить, что мне в этом случае следует сказать. Я понял сон так: я должен непрерывно возносить благодарность, что бы ни происходило в моей бодрствующей жизни.

Благодарность белых птиц начинается в небытии, там, где творение из несуществующего становится существующим. То, что течет сквозь нас как хвала, исходит оттуда, где Моисей и Иисус предстоят Богу с другими друзьями Божьими.

В другую ночь, в полусне, я увидел надвигавшуюся на меня газель. Пасть ее была открыта. Она взяла мою голову в свою пасть, обхватив губами сначала мой лоб, затем всю голову до самого подбородка. Зёв газели становился все шире и шире. Она вполне могла проглотить меня целиком. Едва не теряя сознание, я начал повторять: *«Нет власти, кроме Твоей. Нет власти, кроме Твоей»*. Странное злое создание, которое пыталось поглотить меня, исчезло. Пришел покой. Теперь я знаю, что испытывают эпилептики. В другом сне я ел что-то соленое. Мои десны пропитались соленостью, и я проснулся со вкусом соли во рту. То, что происходит здесь — где мы живем, не поддается описанию. Миры вклиниваются друг в друга. Нас ведут путями, которых нам никогда не понять. Никого не должно удивлять, что ангел Гавриил явился и в мгновение ока перенес Мухаммада.

Кто-то спросил: «Если веления Божии всевластны, то как же мы можем сделать собственный выбор в жизни?» Между словами всевластны и веления скрыта великая тайна. Божественная сущность бесподобна, ни она сама, ни ее воздействия не поддаются исследованию. Попытайся проследить до истока хотя бы что-то одно, дарованное тебе. А теперь представь, что ты слеп от рождения, никогда не видел этого мира и не смог бы опознать ни одну из вещей в нем.

1:316-318

Особая крепость духовной передачи веры от Мухаммада

Я читал Коран, как вдруг полыхнуло большое пламя. Откуда оно взялось? Какие элементы соединились или оказались на необходимом расстоянии друг от друга, чтобы воспламениться в этом месте, в этот миг? Мы знаем, что, когда одно тело прижимается к другому, может возникнуть чувственное влечение. Холодная и влажная среда, разгоряченная интенсивным трением, приносит свои результаты. Рассматривая эти материи, я вижу, что каждое творение и форма развиваются в алхимическом русле всеохватной взаимопольности. Это как огромная, многоцветная и сложная живая структура, ты касаешься одной ее части — все другие отзываются. Или как тонкий, полупрозрачный ковер со сложным рисунком, он натянут на другую полупрозрачную материю, которая покрыта не менее искусным ярким узором — когда свет падает на ковер, узоры на заднем плане начинают проступать сквозь ковровую ткань, цвета играют дивными переливами, постоянно меняя рисунок ковра.

Скажи, мир — танцующий суфий, его руки движутся в одном ритме, голова в другом, движения стоп и коленей гармонизируют оба ритма, и все части тела соединены в едином «безумном», всеподчиняющем порыве присутствия. Вовлекается все — кожа, волосы, глаза, голос, песня — непрерывный поток обновления в этом изменчивом мире. И моя душа — податливая матрица, пустая сама по себе, но способная принимать и формировать то, что в нее заливают. В ней все бурлит, расплескивается и переходит в иное состояние, — так происходит снова и снова, с каждой новой формой. Руки овладевают и ноги доходят не сами по себе. Нечто превосходящее — оно внутри и вовне — прокладывает себе путь и побуждает к действию.

* * *

Моя мать утверждает, что каждый великий шейх получает величие от своей матери. Но посмотри, мать: когда я совершаю что-то дурное, ты кричишь, что я за это в ответе. Значит, когда я делаю что-то хорошее, я и за это в ответе — ведь ты в таких случаях не кричишь на меня.

* ◆ *

Я расспрашивал об индийских богинях. Ясимин рассказал мне, что верующие подносят женским божествам золото и драгоценности, соревнуясь, кто сделает лучшее подношение. Богини оберегают имущество своих почитателей и отвечают на их просьбы. Происходит это так: человек отправляется в определенный храм и постится там десять либо двадцать дней, прося о разрешении своего дела. В полубессознательном состоянии от голода и жажды, в трансе, проситель может услышать ответ божества, узнать, что его желание исполнено, или исполнится в течение десяти или двадцати дней, или не исполнится вовсе. Получив ответ, он должен немедленно покинуть храм, иначе образ богини явится ему во сне и ударит по лицу. Не сама статуя, но атмосфера, заряженная верой, может вызвать в таких местах чудесные события. Ясимин говорит, что если кто-то посторонний, скажем, турок, войдет в подобный храм с намерением нанести богине вред, то он не сможет найти обратный путь и будет обречен блуждать во мраке храмовых лабиринтов, пока не ослепнет.

Как-то во сне я сидел с великим Сеидом Насабехом. Потом мы гуляли и провели какое-то время в дружеском общении. Проснувшись, я ощутил, что меня переполняют энергия и сильное желание. Тут я вспомнил, что Мухаммаду была дана необычайно огромная сила к половому соитию и что его *барака* (разнообразные формы энергии и божественного присутствия, проявленные через него) передавалась

последующим поколениям через последователей и членов его семьи. Эта линия духовной передачи — наследие веры — несет в себе особую крепость и потенцию (*моджаме'т*) Пророка.

1:323-324

Мост, именуемый *Сират*

Меня спросили, в чем заключается богохульство, что значит быть неверным Богу? Я сказал: это когда в совершенном свете ты все еще видишь тьму; когда тебя окружают чудеса, а ты лишь частично отзываешься и воздерживаешься от окончательного суждения; это когда ты пренебрегаешь своим видением и прозрениями, данными тебе.

Мост, называемый *сират*, ведет из зримого в незримое. Он тоньше человеческого волоса, но каждое живое существо может пройти по нему. Одни люди минуют его быстро и легко, смеясь. Другие спокойны и не спешат. Неверные — это те, кто полагает, что они сами, возможно, и есть этот мост.

Если смертная мука и блаженство существуют, значит, и духу дано испытывать радости и невзгоды. Вообрази себе место на земле, где поколения распыляются и обращаются в прах. Отсюда каждый может видеть чистый цвет, миры бытия и небытия, проникающие один в другой, мимолетные нездешние виды, которые, как красочные пейзажи утра, раскрываются в сиянии иного царства, во много раз ярче, чем солнце. Я знаю это, потому что так было явлено моим глазам.

Помни, как душа Мухаммада выскользнула из его губ. Души и в самом деле вылетают наподобие стрел из лука тела. Одни уходят в истине, другие беззаботно и беспamięтно.

1:324-326

Утро пятницы

В пятницу утром, проснувшись, я осознал, что нахожусь перед выбором: либо следовать примеру пророков, либо ученым, с их законовведением, моралистическими проповедями и скрупулезными культурными исследованиями. Я выбрал — следовать пророкам. Полагаю, я был сподвигнут на этот путь по воле Божьей. Буду помогать другим соединяться с бытием и знанием Мухаммада, он лучше меня знает, как жить.

Но я вновь смутился, вспомнив, что постигло пророков. Иоанна Крестителя обезглавили, Иисуса распяли, Ноем пренебрегали. Жестокая зубная боль Абу Бакра, страдания матери Иова и Вис, поношения Мухаммада Абу Джахлем. Я не ощущаю в себе сил произносить столь же дерзновенные речи, как Иоанн Креститель или его отец Захария.

Затем я стал размышлять дальше: что ни случается — хорошее и дурное, добродетели и упадок, — всё в Божьей воле. У каждого пророка славный конец. Не важно, молод ты или стар, глубже вовлекайся в присутствие — и станешь чуть лучше. Ходи в мечеть по средам и пятницам. Молись и возжелай, чтобы твои желания следовали воле той целостности, что сотворила тебя (6:102) и продолжает вершить то, что ты вершишь (37:96).

1:327-328

Дочь судьи шарафа и я однажды утром

Я подумал: каковы будут гурии рая, «белокожие»? Не такими ли, как это утро, когда я лежу с дочерью судьи Шарафа? Я ее обнимаю и нежно покусываю губы. Она прекрасная молодая женщина, но когда

ее юбка вздулась и поднялась до самой талии, мне почудилось, что я вижу перед собой резвящегося ребенка.

Она шепчет мне на ухо: «*О Боже, Боже*», взывая к Тому, кто даровал нам блаженство наших тел, когда они движутся в едином порыве. Я целую ее и дышу в такт с ней, захлестнутый волной оргазма.

В Коране сказано: «Возлежите на ложах» (52:20). И потому иногда, когда нам тягостно или больно, душа ускользает от печалей, отдаваясь потоку чувственного влечения к любимому. Как части нашего тела расслабляются, когда тело лежит и отдыхает, так же и наша душа... Свободно парит, когда мы утешаемся любовной игрой.

Два океана, соленый и пресный, вливаются один в другой (55:19). Страдание и наслаждение — никто не знает где одно, где другое там, в глубине, на вершинах рифа, где кораллы и жемчуга обретают свои формы (55:20).

1:328-329

Оставайся возле этой двери

Кто отмеряет и распределяет милость? Отчего Коран не был ниспослан какому-нибудь видному человеку? Все случается не так, как мы хотим, и не надо притворяться, будто так оно и происходит. Все это поклонение собственным интересам, путь, которым изначально следовали жители Мекки, когда отрицали, что Мухаммад — пророк. А почему не Масуд Сакафи или Валид ибн Мугхирех?

Бог говорит: взгляните на дивный дар этого мира. Вы легко принимаете его — но не моего посредника, через которого Я передаю Свои слова. Оставайтесь возле этой двери и зрите чудеса. Светы лиц, когда они мгновенно вспыхивают, сполохи в волосах, белокурых и черных, едва уловимый аромат, определяющий образ, — все это исходит от присутствия Божьим.

1:331-332

Почему говорят, что осень...

Каждый холодный и бессознательный поступок вернется к тебе и возвратит содеянное тобой (10:27). Если ты украдкой глядишь на интимные части тела других людей, — люди будут подглядывать за тобой. Друзья, торгуя в ваших лавках, помните, что вы живете внутри этой тайны. Не обсчитывайте и не обманывайте никого. Такие дела не приносят выгоды. И не пользуйтесь благочестием, чтобы улучшить свое положение в обществе, — это лицемерие. Не отдавайте свой внутренний покой за декоративные безделушки.

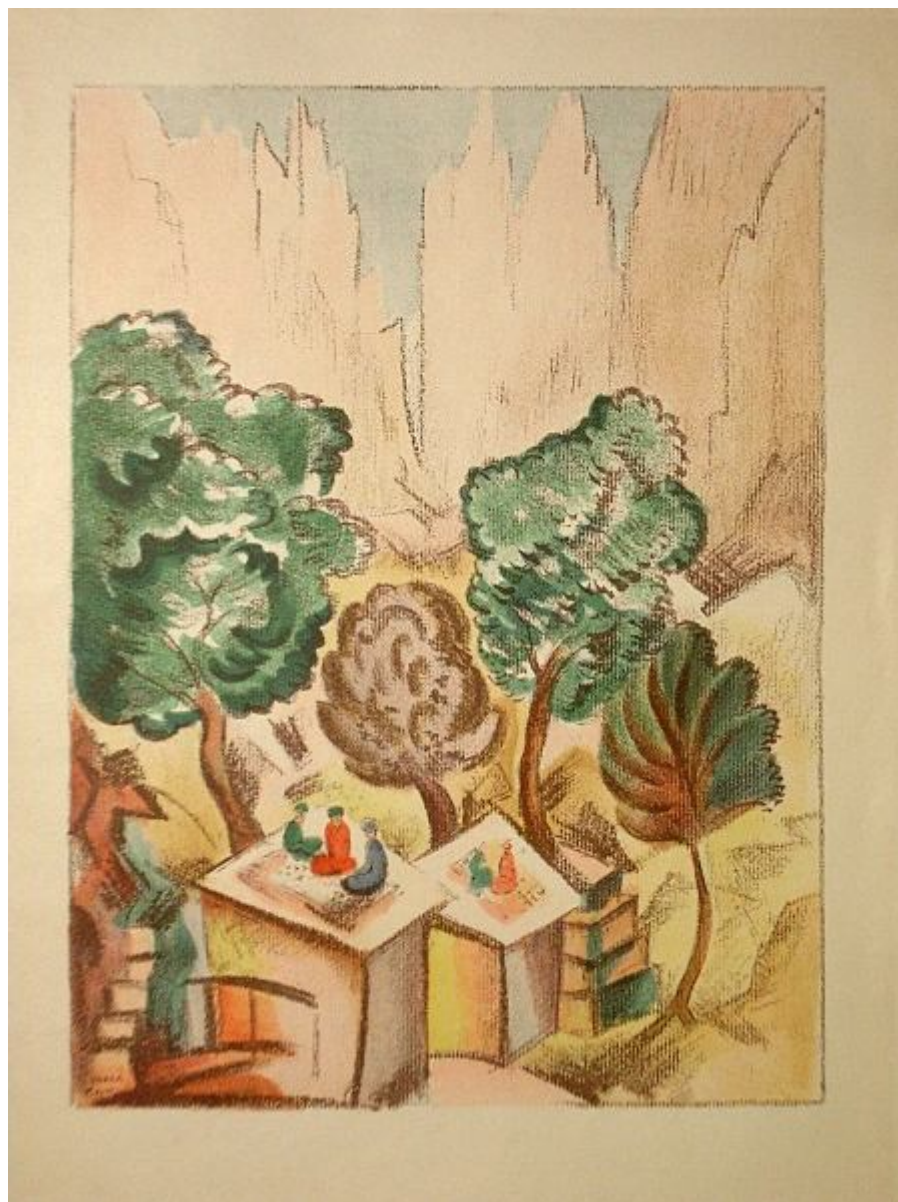
Тюрьма тела во сне открывается в мир за пределами этого мира. Шесть направлений образуют один из наших домов. Но есть и иные.

Душевым оком образ уловил, алкая,

И тотчас — к действию побужденье.

К чему слова, что осень нам готовит завершенье?

Для нас грядет весна иная.

П.В. Кузнецов. Кислак. Лист № 6 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

Глубокие сдвиги в себе я не могу описать

Я сказал местному астрологу: тот факт, что ты чего-то не видишь, еще не означает, что этого не существует. Любящий способен увидеть в лице возлюбленного некий свет, невидимый ни для кого другого. Здоровый человек ощущает в пище множество вкусовых оттенков, а для того, у кого обложило язык, их просто не существует. Больному любая еда кажется горькой.

Глубокие сдвиги и перемены происходят во мне, они не поддаются описанию, но совершенно реальны. Пути открыты. Я слышу ароматы, источаемые божеством. Это важнейшее событие в моей жизни, но кто может его увидеть? Дружбу нельзя ни увидеть, ни измерить, однако жизнь в дружбе — это опыт, не нуждающийся в доказательствах. *Вера, праведность, религия* — только слова, в которые искусный спорщик может вложить любой смысл. Я разговаривал недавно о силе исламских пророков с Хасаном, ткачом по шелку. Он же обратил мои слова в доказательство своего вольнодумства.

Душа приходит сюда из области невидимого, чтобы узреть этот мир, тело, ночь и залитые солнцем утренние виды, и потом она говорит: теперь, когда я увидела все это, покажи мне иные Твои свойства, Господин миров (3:26).

1:347

Солнце — мотылек

Видный законовед попросил меня объяснить, кто такие эти просветленные.

Есть некоторые мужчины и женщины, столь глубоко проникшие в сокровенную и тайную суть бытия, что запреты на ростовщичество, и вино и даже сама эта жизнь и возможность обещанного воскресения, не занимают их мысли. Подобные вопросы и в голову не приходят мастеру — гностику — он просто знает себя и молчаливо лелеет присутствие, его душа — вино мудрости, впавшей в безумие.

Во мне зажегся дивный огонек,
Тот, для которого и солнце — мотылек.

1:352

Разумность духа

Авраама испытывали повелениями. Он прошел через все эти борения и стал вождем своего народа. Мы создаем лица, незримые для глаза. Душа человека, как любое духовное существо, недосыгаема для пяти чувств. Сущность души не увидеть, не потрогать, не уловить обонянием, не вкусить и не услышать. И все же недоступные чувствам духовные существа сообщаются друг с другом, они обладают собственной разумностью за пределами эмпирически доказуемого. Между собой они знают, кто из них опасен, а кто благонамерен. Иногда беззвучное повеление выстреливает по одному из них, подобно языку пламени, раскрывая их таланты и ограничения. Авраам пережил один из таких моментов и выстоял, тогда-то его и пригласили возглавлять молитвенные собрания.

1:354-355

БЫТЬ ВЗЯТЫМ

Если хочешь покориться [воле Божьей], — забудь себя. Отделись от своих чувств и мотивов и тогда, не обремененный знанием и беззаботный, ты обретешь простирание от востока до запада и обратно. Что удивительного, если в этом безумном состоянии твоя сокровенная сущность покроет сотни миль — а твой ум и знать об этом не будет.

Такую свободу движения мы видим у облаков и воды. Леса и посевы — по-своему — тоже движутся по земле вместе с караванами людей. Бог устраивает нашим душам странствия, о которых мы и не подозреваем. Почему? Потому что мы, какие ни есть, подобны пьяному кутиле в повозке, катящейся неведомо куда. Что мы на самом деле любим и чего хотим, — это присутствия, жаждем войти в его объятия всем существом и быть взятыми. Мы нуждаемся в удовлетворенности, а не в разъяснениях: почему и зачем, как и когда мы где-то окажемся.

У индусов есть вероучение, объясняющее эти тайны и идеи о воскресении, о других мирах, кишаших драконами, змеями, скорпионами, слонами, обезьянами и гибридами человека и животных. Они полагают, что можно устрашить людей и удержать их от воровства, изобразив голову вора в пасти дракона.

В первый день Рамадана мне исполнится пятьдесят пять лет — полвека и еще немного. Средняя продолжительность жизни колеблется от шестидесяти до семидесяти лет в зависимости от жизненной крепости человека. Думаю, у меня еще лет десять впереди, три тысячи шестьсот пятьдесят дней. Чем я наполню их? Пока я не нашел ничего лучшего, чем прославлять таинство, которое движет мною без моего ведома, и я снова и снова повторяю: «Ничто не реально, кроме Тебя. Есть только Ты».

1:359-360

Порванные нити

Мое тело ощущало себя настолько немощным и разбитым, что мне подумалось: я не выживу, если не вмешается божественный Промысел. Сдвиг с мертвой точки мнился невозможным. Мне пришла в голову мысль, что, если бы я был деревом на городской улице, среди других деревьев, что растут вдоль дороги, я бы ожил. Ведь деревья черпают силу друг у друга. Но, увы. Жизненный поток во мне иссяк. Я как большое мертвое дерево в каменном мире города.

Потом я ощутил, будто меня отправили в какой-то город, затем в другой, потом вернули в первый, оттуда я переместился в новый город, после чего оказался там, где был вначале, — и все это безо всякой причины и выгоды, без радости и блаженства от путешествия, лишённого побуждения изнутри.

Человеческие существа — как подвешенные светильники, огни, горящие в воздухе. А внутренние побуждения все равно, что натянутые нити, которые держат эти лампы на весу. Если их обрезать, светильники падают и гаснут. Люди лежат на земле, как инертные и опрокинутые вещи. Душа тоже нить — вертикальная связь с божественным. Через этот канал к нам проступают токи перемен, а также мощные импульсы к продвижению.

Мудрость привносит полноту, в которой мы осознаем собственное неведение. Тот, у кого мало знания, — отрицает это. Тот же, кто изучал свою жизнь достаточно долго и прилежно, — знает, что ничего не знает.

1:361

Весна моей души

А те, кто щедры и знают прибежище присутствия, — Мы сделаем их путь гладким (92:5—7). Затруднения исчезнут — и ты вновь обретешь способность видеть чудесное, и только его. Откроется много путей, и все они будут ясны и доступны для тебя.

Я вновь взираю на свою душу — а там ласковая весна присутствия наполняет каждую капельку, и все они по-своему неповторимы. Весь мир я вижу как весну своей души. Весенние потоки пронизывают всю вселенную. Единый исток, а от него отходят русла, и каждое русло разделяется, давая начало другим потокам, они тоже ветвятся, источая из себя цепочки капель, и вот уже каждая капля сама по себе.

Столько разных цветов — красный жасмин и желтый, синий ирис, лаванда, триллиум, и с каждым мигом — новые краски, новые лепестки. Так Бог оживляет творение, обновляя его. Следует внимать смыслу непрерывного возникновения чего-то нового в себе, принимая это как милость и исцеление.

Размышляй также и о смысле света. Насилия и разлуки. Горестей и чувственных усад. Все это дары, но чувственные наслаждения и привлекательность прекрасных лиц, судя по всему, особые дары; сам Бог непосредственно изливает их в нашу душу. Даже в те моменты, когда мы испытываем экстаз от такого блаженства, нам следует помнить о Подателе.

А тем, чей выбор — оставаться вне присутствия, — им не важно, увещевал ты их или нет. Им определено быть вне этого (2:6). Они за завесой по Нашему соизволению и согласно своему выбору. Перед ними стена из их собственных тел. Тебе не дано знать, кто за завесой. Ты должен стоять в стороне, не привлекая к себе взоров, и взывать к

друзьям. И если кто отзовется, то это благодаря неустанности поиска. Для тебя же благо — взывать и продолжать призыв. Будь как ныряльщик: он опускается на дно и поднимает то чистый жемчуг, то простой камень. Твое погружение не обратит одно в другое. Странствуя в миру, навещай золотые россыпи чаще, чем те, кто разрабатывает другие драгоценные породы. Твоя работа отнюдь не претворять одно в другое. Твоя работа трясти дерево, чтобы упал созревший плод. Незрелое останется там, где оно есть. Все, что ты должен делать, — это служить, помогая подобным образом. Не занимайся работой иного рода. Есть еретики, утверждающие, что присутствие явило себя в Адаме во всей полноте, и потому ангелы поклонились ему, и что оно во всей полноте явило себя в Иисусе, отчего он и воскрешал мертвых и так далее. Они говорят, что Бог сполна явил Себя в Хазрате Али, чтобы дать миру порядок и поддержать Пророка Мухаммада. «Он — Всевышний...» (2:255) — приводят они стих из Корана, имея в виду, что грохот грома — это зычный глас Али, который низводит дождь на землю. Так астрологи ведут речь о том, что звезды говорят им, как нужно действовать.

1:367

Не ищи другого общества

Великий плач стоит, когда расстаются друг с другом влюбленные — творения, которым предназначено расстаться. Каково же состояние того, кто познал внимание тайного источника и отошел в сторону от этого водительства? Сколь горестна такая разлука! А что сказать о том, кто умирает, ни разу не ощутив присутствия?

Присутствие иногда может принять форму несчастья, глубокой осознанности или даже чего-то менее явного. Оно может прийти,

когда ты мирно сидишь дома с детьми и женой либо с полной самоотдачей выполняешь свою работу.

Вспоминай о нем, поддерживай с ним близость, путешествуй в нем! А если ощущаешь, что отдаляешься, — не ищи иной компании. Ребенок плачет, пока не придет мать. Будь так же настойчив. Слушай музыку и пение, пока не восстановится твоя Дружба с божественным. Внимай тем, кто пылко жаждет Бога. Ной был пророком, потому как непрестанно страшился утратить близость.

1:368-369

Цепочка очевидных свидетельств

Клав[‡], странствующий наблюдатель, подходит к воротам некого города и натывается на группу людей свирепого вида.

Он решает не входить в город, а возвратиться той же дорогой, которой пришел.

— Если ты намерен вернуться той же дорогой, то это будет стоить тебе один динар, — слышит он.

— Тогда войду и осмотрю город.

— Это обойдется в два динара.

— Я протестую против таких поборов!

— Протест стоит три динара.

Он отдает два динара и входит в город, надеясь найти в его стенах справедливость. Посреди людной площади некий человек отсекает медведю хвост. Поднимается большой шум, слышны крики, беременная жена этого человека падает, и у нее случается выкидыш.

Странник приходит в суд как свидетель происшествия. А суд в это время разбирает дело другого человека, который требует

[‡] Клав напоминает Насредина — наблюдателя и участника бессмысленности этого мира. — Прим. англ. перев.

компенсации: он рассказывает, что его отец работал в одном доме, где на него упала тяжелая деревянная дверь, непрочно державшаяся в дверной раме, и пришибла насмерть.

Позвали плотника, что устанавливал дверь. Он рассказал, что мимо проходила красивая женщина. Ее красота отвлекла его, и он допустил промашку в работе.

Красавица сказала, что во всем виновна хозяйка дома, где она служит, потому что это она послала ее с поручением забрать из починки плохо сработанную обувь.

Башмачник обвинил кузнеца, который продал ему инструмент, не доведя тот до ума.

Кузнец признал свою вину, но сказал, что если его накажут, то пострадает вся община. В городе лишь один кузнец, кроме него, и оба они по горло загружены работой. А вот двое мужчин-прачек слоняются без дела, потому что работы у них нет и на одного. Следуя этой логике, судья приговаривает к смертной казни одного из мужчин-прачек.

Настал черед отсекателя хвостов и его уже не беременной жены. Отточив свой логический ум в предыдущих прениях, судья быстро приходит к решению по этому делу. Тот, кто отсек медведю хвост, должен заботиться о пострадавшем животном, пока у того не вырастет новый хвост. А жену охальника следует отдать владельцу медведя, чтобы он упражнял ее до тех пор, пока она вновь не забеременеет.

На этом суд завершается.

1:369

Помочь себе

Вчера, глубокой ночью, я размышлял, как быть более обходительным, приветливым и доброжелательным с людьми. Но отличаются ли намерения такого рода от желания иметь больше денег или больший вес в обществе? Все это забота о внешнем.

Но что было бы, если бы я посвятил все свои действия Богу, если бы я только и искал, что более и более ясного ощущения всеобъемлющего присутствия? От этих полуночных мыслей у меня разболелась голова. Я не мог ни спать, ни молиться, ни сосредоточиться на работе.

Тогда пришло: «Не размышляй столько обо Мне. Пребывай во владениях любви, где ты чувствуешь себя нестесненно. Не тебе разгибать богословские загибы».

У одного суфия из Хорезма была мать, славящаяся своей добротой ко всем и каждому. Она никогда не делала ничего, что могло бы принести вред человеку и животным. Когда она умирала, ее окружили дети. А она вдруг отослала их от себя со словами: «Другие пришли, чистые».

Тогда дети вышли из комнаты, но стали подглядывать за ней. Они слышали едва уловимое дыхание, пока она отходила. Затем дыхание прекратилось, и тут вокруг нее возникло сияние, и тело довольно долго светилось.

1:372-373

Каждый себе что-то выторговал

У каждого существа есть дом, соответствующий его индивидуальным особенностям. У соловья — постоянное место гнездовья, у горлинки — укромное гнездышко. Вороны устраиваются кто как. Драгоценные камни всегда сохраняют свою ценность, а камни на дороге нужны лишь от случая к случаю. Каждое существо стремится на крыльях желания к своему обиталищу, к своим ценностям, один устремляется стать сапожником, другой — царем. Каждый себе что-то выторговал в этом мире.

Как-то утром я встал очень рано и пошел в мечеть в надежде, что, может быть, мне откроется, как изменить условия сделки, заключенной с моей душой. При этом я заметил вот что. Первое: раннее утро — чудесное время для пробуждения. Второе: есть места, где демоны набрасываются на людей, словно стаи собак, и есть места, пронизанные ангелическими и дружественными влияниями. Третье: человеческие существа, особенно мужчины, поддаются воздействию демонической среды и, переняв эти низкие качества, привлекаются к богатству. Нам следует быть поосторожнее с богатыми. Ты можешь и не «видеть» исходящей от них угрозы, потому что она не имеет физических свойств: урон наносится твоему сердцу.

1:374

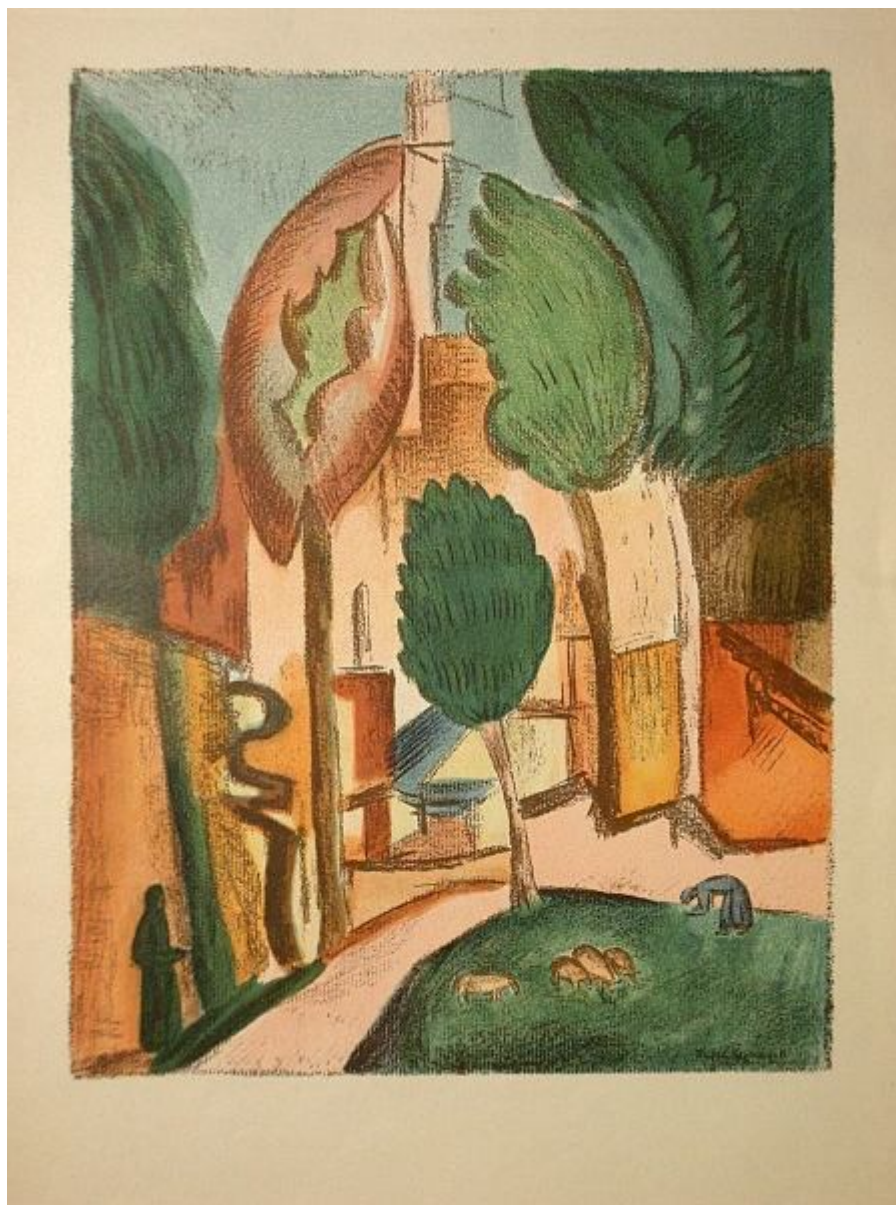
Аромат денег

Иногда я думаю о себе как о властителе, которому не над чем властвовать, как о судье, лишенном юрисдикции, визире, у которого нет приказа для исполнения, богаче без богатства.

Улавливаешь в этих помыслах претенциозный аромат денег? Не так ли говорят честолюбие и зависть?

Если бы я мог погрузить душу в присутствие, если бы мог полностью раствориться в нем, все эти вопросы, жалостливые истории о себе, фантазии о том, кто я и что я, просто исчезли бы.

На базаре жизни люди по высоким лестницам карабкаются к власти и богатству — и каждый раз, не добравшись до верха, срываются и падают вниз, на землю.

П.В. Кузнецов. Май-Бирани. Лист № 7 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

1:377-379

Ислам и деньги

Я проснулся сегодня утром и принял твердое решение следовать по пути истины с ясным намерением. Но как исполнить это, если приходится изощряться в обществе владык, визирей и людей, имеющих власть дать мне больше динаров и драхм? Ислам не связан с денежными вопросами. Забота о дневном пропитании не сдает сердца мусульман. Их заботит лишь одно: как можно глубже предаться Богу. Друзья Мухаммада никогда не обсуждали, как во время паломничества добыть себе пропитание и кров. Коран — не руководство по благоустройству жизни.

Моисей не водил израэлитов в битвы. А Мухаммад был призван стать воином. Есть что-то возвышенное в этом призвании — тут требуется непоколебимая стойкость. Потом я ощутил печаль тех, кто сомневается и живет вне этой духовной традиции, а также почувствовал радость верующих. Мухаммад — превосходнейшая из всех опор в религии, — таков мой вывод, и если кто не приемлет мусульманского правления, то это не умаляет великолепия исламского миропорядка. Фальшивые бриллианты не снижают ценности настоящих. На каждого возложена своя особая ответственность. Если сын Адама грешен, — не вини в этом Адама. Если один из потомков Али обидит тебя, — не злословь на весь его род. Если кто-то из ученых людей низок, — бросает ли это тень на разум?

Ответное послание

Фасих Валвалджи во время беседы с учениками достает из складок тюрбана письмо. «Его надо доставить в Бухару моему мастеру, — говорит он. — Кто возьмется за это?» Тут же вскакивает дервиш, берет письмо и уходит. Фасих продолжает беседу, и речь его становится еще более утонченной и возвышенной — никогда прежде не был он так красноречив. Час спустя он возвращается домой. Кто-то стучит в дверь и говорит, что принес ответ на его письмо. Привратник берет послание, и Фасих читает: *«Мир тебе, сын мой. Кто отваживается действовать в открытую в этом мире, — тому следует использовать око сердца, чтобы отличать тех, у кого добрые намерения, от тех, кто хочет навредить делу любви»*. Фасих бежит к двери — ночная улица пуста. Вот так же изысканность и вдохновение вошли в речь Фасиха, когда он беседовал со своими учениками, — и все благодаря присутствию среди них мастера-суфия.

Я заметил, что какие бы действия ни совершались мною — добрые, равнодушные или неосознанные, — их пронизывает присутствие. В одном только различаются мои поступки: за эти я получаю похвалу, за другие нет. Если бы душа совершала лишь то, к чему ее ясно подводят, то любое действие венчалось бы похвалой. Мне представляется, что до пророков было такое время, некий период, когда люди поклонялись идолам и им прощалось их неведение, а молитвы принимались. Даже и теперь в тех краях, где наша пророческая традиция неизвестна, просьбы людей доходят и исполняются. Как бы хотел я жить там — или в те времена, — чтобы мое неведение было прощено и отчужденность стала путем к единению.

Раскаленное добела, красно-оранжевое, пепел

Я наблюдал за обжигом кирпичей в печи. Внутри, в верхней части, — белое. Ниже — область красного, далее — оранжевое, и еще ниже — черное. Все, что подвергается обжигу, проходит эти градации цвета. Так и в огне божественной любви: когда кто-то впервые вступает в это пламя, он или она в смятении и подавлен, обретая цвет пепла. Затем приходит восторг просветленности — красно-оранжевый цвет. Затем — сияющее самоуничтожение раскаленного добела. Моисей прошел через эти три стадии, не миновали их и Мухаммад, и другие пророки.

Один человек сказал мне: «Хочу познать мудрость». Я в ответ: есть два пути. Один — формальный и публичный, ты готовишься проповедовать и учить других, а возможно, и выносить сложные решения, после чего становишься законоведом. Другой путь исключительно внутренний. Никто не знает о нем, кроме самого искателя (6:59). Таких путников Сокровенное всегда ведет тайно. Они знают об этом мире только то, что им явлено.

Раннее утро. Мои размышления прерывает собачий лай. И тотчас Биби Алави, поднявшись с постели, изумленная, входит в мою комнату. Во мне вспыхивает желание. Мне приходит в голову, что все это — милость: и отвлекший меня лай собаки, и Биби Алави. К чему стыдиться прилива желания?

Приходит откровение: «Мое дело и возвышать, и унижать. Я делаю одного желанным тебе, другого — презренным. Так что, когда ощущаешь беспокойство, вспоминай Бога — ведь тревога исходит оттуда. Если происходящее причиняет тебе боль, — молись, чтобы ее отвели. Если тебе хорошо и все вокруг благоденствуют, — моли,

чтобы это продлилось. И если у тебя достаточно зрелая душа, чтобы жить так, как я описал, то ты — очередной пророк».

На молитве я стоял рядом с Хаджи Седдиком, а в голове вертелось все это. Я подумал: душа понимает, что все проистекает из присутствия. Именно так мы постигаем Бога — благодаря осознанности души. Если бы каждый помнил об этом, — то стал бы пророком. Но этого нет. Пророкам давалась сила отвергать вкусную пищу и питье, отказываться от удовольствий, чтобы более полно погрузить свое внимание в божественное. Немногим такое дано. Большинство из нас находят удовлетворение в желаниях, чувственных утехах. Мы смакуем еду, вкушаем прелести этого мира, но находим сладость и в пророческой передаче, и в том, что через нее приходит. Нам дано иное благословение, чем пророкам.

1:382-383

От сих до сих, размах крыл

Приходите добровольно или невольно (41:11). Искатели, свободные в своем выборе, открывают себя небу, а фаталистов, считающих, что все предопределено, гонят словно скот (7:179). Чтобы прожить жизнь, полную великолепия, ты должен принимать решения. Вживайся в свои желания так же, как и в душу. То, что написал об этом Абу Ханифа в «Религиозном законоведении», — сущее заблуждение. Веди полноценную жизнь — будь со своими женами, детьми и самыми разными желаниями, если хочешь стать кем-то поистине выдающимся. Тогда твоя душа смешается с другими душами, и общая душа сможет возвыситься до более величественной градации. Твоя память расширится, чтобы принять в себя память других.

Я взирал на свою душу. Она простерлась от востока до запада, раскрывшись каждому свершению и прозрению, пророчеству и чуду. Что, если Гавриил стал мной? Потом я увидел свое крошечное телесное «Я» и подумал о двух вещах. Одна: смотрящие обычно воспринимают не грандиозную необъятность души, а лишь физическое «от сих до сих». И второе: могилы унылы и бездвижны, а на самом деле дух усопших более жив, чем мы способны даже вообразить, в своих трудах он пышет крепостью, бодростью и неутомленной мудростью.

1:383-384

Молодая женщина на ступенях

Хотел сложить притчу о человеке, чей тяжкий труд приносит лишь материальный прибыток, не имея благотворного влияния на душу. Мне на ум пришел человек, работающий с металлом, кузнец, молотящий по наковальне, вот уж определенно бездуховный труд. И тут меня кольнуло: а что дает душе то, чем я занимаюсь? Да ничего, насколько мне известно.

Кто-то однажды сказал, что тот, кто не испытывает удовольствия от вожделения или от мирской власти, на самом деле не ценит дар этого мира, где правят похоть и превосходство.

Да, согласился я, однако ты забываешь о бесконечном разнообразии удовольствий. Когда Бог закрывает одну дверь, открывается множество других. Ангелы вкушают радости, которые нам не даны. Демоны вершат то, что приятно им. Каждое животное охвачено своим особым танцем.

Однажды, в состоянии глубокого уныния, полуживой, я увидел такую сценку: молодая женщина сидит на улице на ступенях возле

дома. Ее окружают молодые люди, и она, в совершенстве владея моментом, буквально заморозила их всех: поддразнивает каждого по очереди и к каждому находит особый подход. Они буквально рты разинули, взирая на ее чарующее лицедейство, а она лишь хорошела под их взглядами.

Я подумал, что, может быть, тайна живого, вибрирующего чувства, ощущения резонанса заключена в том, чтобы быть окруженным зрителями, которых ты можешь замораживать и поддевать, постепенно влюбляя в себя.

И я взмолился: о любезный Боже, Ты создал меня. Часть Твоей сущности живет во мне. Яви Себя как круг поклонников — я буду поддразнивать Тебя, а Ты, затаив дыхание, будешь наслаждаться моими чарующими пассажами и знаками внимания. Затем я остановлюсь, и Ты будешь с нетерпением ожидать продолжения. Я придумаю новые истории — а Ты будешь слушать их, восторгаясь моим обаянием.

1:393-394

Больше ничто не радует

Как описать иные миры тем, кто говорит: нет ничего, кроме того, что можно пощупать и рассмотреть? Материалисты быстро упираются в стену собственных ограничений — так пресыщенному едой человеку все мнится невкусным. Ощущение, что тебя больше ничто не радует, возникает от неблагодарности и нежелания признать свою несостоятельность.

Наши животные энергии и наша красота

Некто спросил о языке Корана. Я в ответ: кто учит арабские слова, не улавливая, что они значат, подобен человеку с кувшином воды, который не знает, какова она на вкус. Бог даровал тебе милость, которая ведет тебя к истине (49:17). Поистине, нет большей милости. Будь ты мужчина или женщина, если еще не проникся славой ислама («покорность»), — продолжай свои труды, чтобы достичь ее. Тот, кто тебя любит, может и не сказать тебе об этом вслух, но ты ощутишь присутствие семи телесных центров этого человека — они будут внимать тебе, всегда готовые помочь, чем только смогут. Ты наделен красотой, ты наделен животными энергиями, которые придают красоте мощь и достоинство. Твоя доброта и красота живы, потому что тебе было дано выбирать, — и ты выбрал их.

И еще я подумал, как мне всегда нравилось быть мусульманином и помогать бедным. Я говорю, что желаю победы над неверными, но не сотворил ли их Бог так же, как и меня? Я не в состоянии ответить на этот вопрос, поэтому умолкаю и обращаюсь к более личным заботам, которых у меня предизбыток. Почему-то неверных в мире много больше, чем правоверных. И кто знает, отчего так? Займусь-ка я лучше поминанием Бога.

1:396-397

Софисты и Абу Ханифа

Софист приходит к Абу Ханифа[§], чтобы обсудить природу реальности. Он привязывает верблюда к двери мечети и, войдя, с порога затевает спор. Абу Ханифа втайне подает знак слуге, чтобы тот увел верблюда. Ничто не реально. Все иллюзия, сон, мираж. Наговорившись на эту тему, гость выходит на улицу и ищет своего верблюда. То, что было, как ты думал, твоим верблюдом, возможно, стало псом или вот этой птицей. Поторопись — она улетает. Как все неуловимо. Так Абу Ханифа дразнит софиста, привлекая его к исламу.

В другой раз Абу Ханифа встречает софиста во время хаджа, тот едет на осле. Он велит всаднику спешиться. Члены общины снимают поклажу с осла и водружают на спину софисту. «С какой стати?» — восклицает тот. «Но раз не существует уверенности в реальности, — отвечает Ханифа, — то мы не можем быть уверены, кто именно из вас человек, а кто осел или что-то иное. Поэтому следует постоянно менять вас местами, чтобы учесть все возможности».

1:402-403

Ем хлеб

Когда ешь хлеб, старайся вспомнить все то, что сделало это возможным: горячую печь, где он был выпечен. До этого — вспаханное поле. Свет солнца, дождь, жатва, молотьба, поездка на мельницу и обратно, идея помола и строительство мельницы. Изменения погоды при смене времен года. Не забудь нож, которым режешь хлеб, плавку металла и ковку лезвия. Участвуют здесь и твои

[§] Абу Ханифа (699—767). — законовед и богослов. — Прим. англ. перев.

зубы — эти особые приспособления для размола; желудок, переваривающий корку, и умиротворенность напитавшегося тела, каждая часть которого испытывает свое особое удовлетворение: двести сорок восемь костей, пятьсот тридцать мышц, триста артерий, связки, сухожилия, хрящи, твои органы и сосуды и, наконец, мозг. В процессе усвоения хлеба множество разумов в тебе решают, как распределить полученное, и приходят к мирному соглашению. Если бы они не договорились, ты ощутил бы боль и закричал — но этого не происходит.

Теперь заметь единую общечеловеческую сознательность, вдумчиво пребывающую в твоём теле, в котором присутствует и душа, что участвует в общении с другими духовными разумами. Понаблюдай, как она сидит на перекрестке двух миров, словно человек, с приязнью взирающий на других людей. Говорят, что итог долгого развития тела и начало следующего преобразования — в том, что ты способен жить, отвечая благодарностью за пищу, за все трудности, за боль и неожиданные расстройства, тоже воспринимаемые как милость; пребывать внутри и вне времени, становясь очевидцем ангельского вкушения хлеба; вовлекаться во множество взаимовлияющих хитросплетений судеб, оставаясь в себе самом — самостоятельной индивидуальной душой, содеянной из божественной мудрости.

1:404

Изобилие

Творение непрестанно озадачивает меня. Как возникли миры и отчего? Узнаем ли мы это когда-нибудь наверняка? Пока же я думаю,

что разнообразие форм жизни, порождаемых землей, и есть образ таинства творения.

Яблоко и лук, пшеница и фисташки, чабрец и мята, персик, кедр и виноград — каждому из них нужны свои погодные условия и почва. То же верно для людей и различных их способностей — здесь необходимо связать воедино различные знания. Мы нуждаемся в честолюбии и торговле лошадьми, умении обрабатывать дерево и множестве забот по уходу за домашними растениями; в знании, где хранить собранные плоды и что говорить на базаре, продавая их.

Каждое действие исходит из определенного источника — как изобилие растительной жизни исходит из таинств, сокрытых в земле. Деревьям нужны ливни и ветры, чтобы весной покрыться листьями. Людям нужны друзья, радости, интерес в работе и интерес к жизни, чтобы жить дальше.

Иногда необходимо выкопать дерево и пересадить его в другое место. Суфии советуют: иди туда, где люди не могут не любить тебя.

Мой ученик сказал: ранней весной, когда еще прохладно, очень полезно ходить без одежды. Не для всех, напомнил я ему.

Невидимые влияния самым разными способами формируют характер и желания, соблазны и побуждения. Скрытые и явные миры сплетаются в единую ткань, более сложную, чем небо и земля или корни и ветки, более утонченную, чем солнечный свет и переливы времен года.

1:408

Открыто владей своими недостатками

Мне открылось: «Никого не брани за промах, который мог бы допустить сам. Не наказывай детей, пока сам незрел. Не укоряй, не

ищи изъянов и не клейми других. Направь критику вовнутрь, на самого себя. Открыто владей своими недостатками».

Проблема изучения рациональной философии в том, что она уводит прочь от Корана. Рассудочному сознанию не постичь откровения. Сияние пророчества ослепляет аристотелевскую логику.

1:413-414

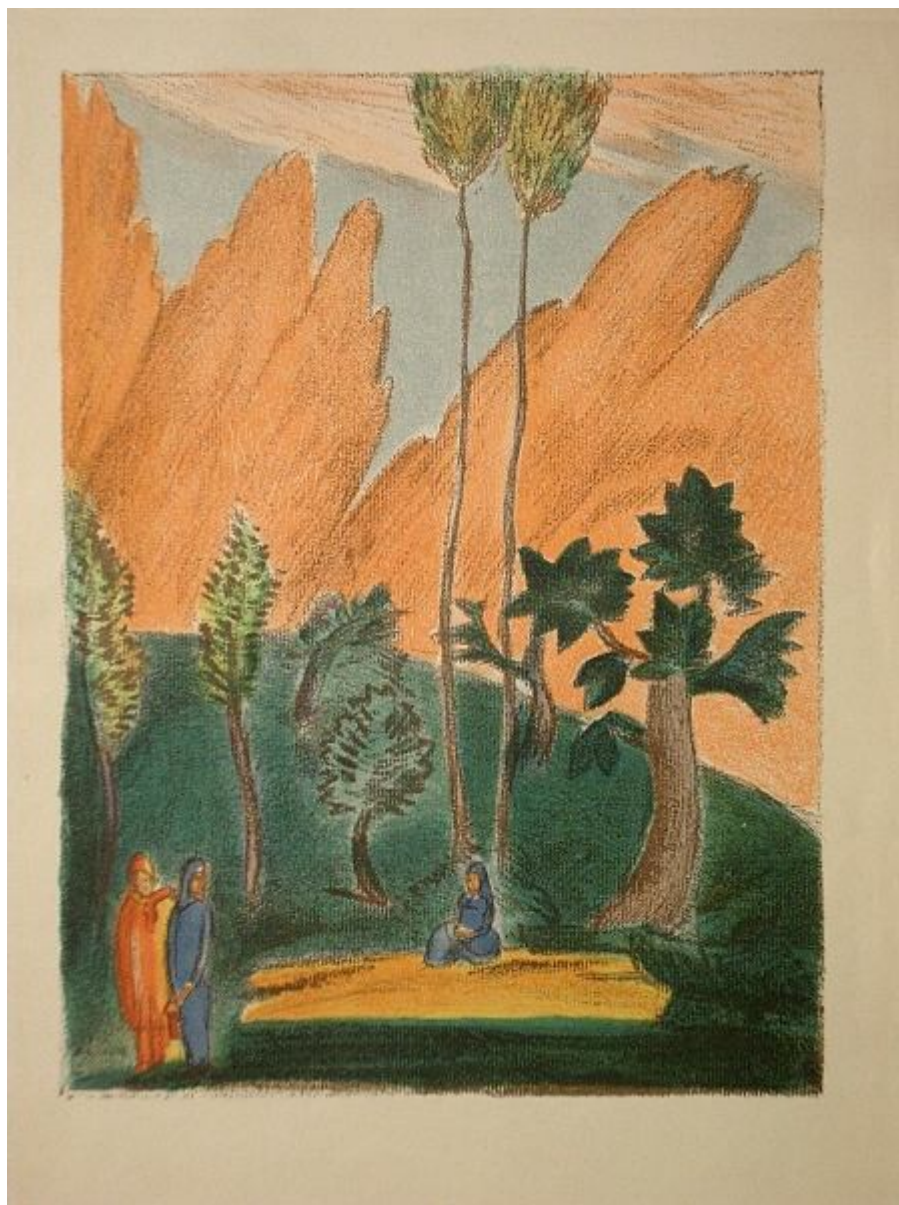
Сделать воздержание невозможным

О завернувшийся в мантию затворника, встань и увещевай (74:1). Вот строки, что явили нам чудо пророчества. Мухаммад хотел жить в затворе, но слова эти вывели его из укрытия. Будь терпелив в этом (74:7). Свершилось то, чему суждено.

Завеса между мирами — это неспособность человека видеть. И пальцем можно заслонить себе целый мир. То, что не дает нам узреть, узнать дух, — малость, которую легко удалить.

Ты жаждешь признания, яств, музыки, вина, приятной беседы в чайхане? Все это и многое другое — там, в ином мире. Тебе по душе состязания? Поля для игр там идеальны. Утоление любовных желаний? Тот свет и был создан для любящих. Эти дары Бог ниспослал людям, чтобы укрепить силу их чувств, сделать воздержание невозможным — чтобы мы познали и вкусили желание и научились любить.

Скажи: «Аллах — един» (112:1). Это значит, что весь сонм астрологов и целителей, все толки ислама в конце концов вернутся к одному и, слившись, станут одним.

П.В. Кузнецов. Красные скалы. Лист № 8 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

Вожделение не созидает одно

Мужчин непреодолимо влечет к женщинам, к мерам золота и серебра, скакунам и красоте возделанных полей. Все это мирские радости, «хочу» и «имею». Божья милость привносит во все вещи иную красоту. Нас учат видеть результат и не улавливаться в силки влечения. Ты заметил, что прекрасный ребенок иногда рождается от болезненной, непривлекательной женщины? Одно вожделение не сотворит детской красоты. Бог приходит через наши удовольствия и через наши страдания.

Без божественного очарования, которое откликается на крайнюю нужду человеческого желания, люди были бы как верблюды, лежащие в грязи.

По своей сути люди — ослы, знающие лишь солому да ячмень, которым их кормят, — пока присутствие милости не обратит их в иное (32:5). Вера венчает человека величием точно так же, как Бог входит в сухое семя и созидает новое живое растение в то время, как ты вершишь свое малое дело. Каждое действие становится частью этого дара. Взгляни вокруг, на небо и землю. Не застывай, как деревянная скамья. Посмотри, как переменчиво небо. Узри, что каждое движение в творении связано с Творцом. Звезды — источник природных импульсов — и есть суть наших «Я».

Шамс Амир Дад и другие мои ученики-персы часто видят во сне Мухаммада. А я — нет. Они внимали мне так самозабвенно, распахнув сердца, что Бог наградил их этими снами.

Скорбь лучше счастья, потому что печаль привлекает к Богу: твои крылья расправлены. Шатер разбит в пустыне, где Бог может посетить тебя. Богатство, приносимое скорбью, тратится нами в радости. Душа значительно больше всего, что ты когда-либо терял.

Отстираем одежду

Спящие ничего не ведают о том, что происходит вне их, во внешнем мире. Они витают в своих снах — подобно тому, как умерший, он или она, уже не причастен к этому миру и может видеть иные реалии. У семян и цветов свои пути. У воды и ветра, пылинок и звезд, солнца и луны — свои.

[Бог говорит], мы создаем тернии, — они хороши как хворост для топки, и розы, источающие аромат, — розовую настойку можно использовать как лекарство. Тернии — жесткие и колючие, а розовые лепестки — нежные и податливые, но то и другое — совершенно. У некоторых людей жесткая наследственность — как тернии, у других мягкая, как лепестки. Мы располагаем суждением и различением целей. Семена похожи одно на другое, но из одного вырастает яблоня, из других — гранаты, айва, груша, слива. Однако ты должен приложить руку, чтобы помочь им раскрыть себя. Посади их в почву.

Грубые люди уместны в одних ситуациях, сердечные друзья — в других. Меч и гнев, учтивость и покорность как зеркало понимания, — применим все это как разные инструменты. Тела — покровы, помогающие обозначить душу. Расстелем свою одежду на прибрежных камнях: отстираем ее, затем прополощем, выжмем и повесим сохнуть на ветках дерева. И ныне мы сидим и чиним обновленные одежды, очищая и обновляя наши тела — одеяние души.

Иные стяжают почести и положение в обществе. А мы — скопидомы сокровищ любви и тайн присутствия. Занятие, которое не радует и не наделяет душу пристанищем, — пустая трата времени.

1:424-425

Шесть планов над нами

Над проявленным миром существует семь планов бытия, где обитают существа духовного мира, ангелы и — в особой области — пророки. Мы говорим здесь о том, что по большей части дошло до нас как весть с других уровней существования, — к делам нашего мира это не имеет отношения. Земля с водой, ветром, огнем и орбитами звезд — лишь один план из семи. Шесть планов над ней, и ад ниже нее — нечто совершенно иное. Корова и рыба на вершине небосвода — символы, используемые астрологами для своих надуманных предсказаний. Помни ясное предостережение, что нам дано: «Не следуй тому, в чем ты несведущ, ибо слух, зрение и сердце будут призваны к ответу^{**}» (17:36).

1:426

Рассуждения о том, как надо

В твоей голове беспорядок — и ты попусту тратишь время, рассуждая о предопределенности судеб, о раскольнических тонкостях, о вольнодумцах, поклоняющихся огню, идолопоклонстве и всем прочем. Но лишь очень редко ты исследуешь себя. А во что ты сам в действительности веришь? Ответь откровенно. Забудь всех иных и их диковинные взгляды. Подлинный путь — тот, которым шли пророки. Дорога владык ведет с востока на запад и остается истинной. Иные, и среди них целые народы и многочисленные группы, лишь

^{**} Коран, пер. М. Н.—О. Османова. У Баркса эта цитата из Корана переведена так: «Не следуй тому, в чем ты несведущ, ибо каждое восприятие будет исследовано. — Прим. рус. перев.

притворяются, будто следуют этим путем. Они и близко не подошли к нему, потому что наслаждаются разрушительными нюансами собственных доктрин, как игрушкой, что отвлекает внимание от главного. Если бы такие люди и в самом деле решились последовать за Моисеем, он разнес бы им головы своим посохом.

1:428-429

Как он услышит

Я возносил хвалу Мухаммаду и вдруг подумал: Мухаммад не всеведущ и не вездесущ. Как же он услышит, то что говорит мое сердце?

Ответ: в Сокровенном все соединяется. Все, что ты говоришь, вознося хвалу, слышит и воспринимает Мухаммад, а также другие пророки, философы древности и твои друзья-современники.

Мудрость приходит не иначе как через присутствие. Медицина, астрономия, произведения искусства — мы были бы полными невеждами в этих науках, не будь они связаны с источником и прибежищем всяческого знания. Чтение Корана помогает нам памятовать об этом.

КНИГА ВТОРАЯ

2:12

Сэма^{††}

В сосредоточенном слушании есть свой пульс. Без этого трепета оно мертво. Слова, музыка и движения во время *сэма* возникают и сменяют друг друга нестесненно — как фразы в дружеской беседе.

Как зерна сеются из черпака — так песня сеется в корзину слуха. Могут попадаться и гнилые зерна, неуместные слова — но не кляни черпак.

Изделия стеклодува разнообразны: багдадские внутри налиты полупрозрачной желтизной, самаркандские — темно-красные, бухарские — округлые и прозрачные. То же и с сосудами для музыки и поэзии: они должны отличаться элегантным разнообразием.

Накрыв столы и радушно открыв двери для гостей, люди предлагают угощение, а не отраву. Отравы и порчи случаются редко и по недосмотру. Лишь плуты и негодяи используют еду и питье для своих плутней, — они будут прокляты из-за своей репутации, даже если совершат честный поступок. Так пусть *сэма* будет свежим угощением, приготовленным с любовью.

Стихи, произносимые под музыку и в такт движениям, должны воздействовать как весенний гром: удар, раскат, пауза, еще удар — и конец. *Сэма* никогда не затягивают.

Если смех не присутствует в основе и в самой атмосфере этих встреч, если нет искрометного остроумия, способного и себя самого выставить на смех, в хвалебном славословии не будет истины, в восторженности — величия. Без юмора *сэма* ложится на душу тяжким и суровым бременем.

У каждой части тела — собственные музыкальные предпочтения. Каждая радуется *сэма* по-своему. Уши вбирают звук иначе, чем

^{††} *Сэма* — ритуал слушания и воздействия музыки, речи и пения стихов и Писания

сердце. Слова и струнный аккомпанемент могут быть неприятны слуху — но радовать центр сердца. Или, наоборот: нечто сладкозвучное может быть противным разуму души. Почки ненавидят, когда пальцы отбивают ритм. Постукивание раздражает их. А легким по душе все, что вытворяют пальцы.

Девять метафор да будут твоими проводниками во время *сэма*, это — пульсация заразительного ритма, оживленная беседа друзей, равномерное высыпание зерен из черпака, тонкое разнообразие изделий стеклодува, ощущение пиршества, весенний гром и смех за дверьми — простор ночи. И вот еще последнее, в котором заключено все предыдущее: все элементы *сэма* должны быть сбалансированы и работать слаженно, как органы человеческого тела: у каждого свое назначение и удовольствие, и все это несется вперед, увлекая за собой целостное человеческое присутствие, включая тело, сердце, душу и светозарный ум.

2:13-14

Два дерева

Произнося вслух восхваление Господу, я услышал рев осла. Ах, нечистое! Отвлекает. А почему бы, собственно, не совместить с ним похвалу Господу? Сердце говорит: что оно любит — то и чисто. Даже если оно жаждет богатства, — оно говорит, что богатство безупречно. Если мы жаждем изящных слов, — мы идем к шейху Таджу и внимаем тому, что он говорит на своих встречах. Птица расправляет крылья и взлетает в небо в надежде обрести безопасность. Я раскидываю крылья, укрывая своих друзей, — и им не приходится сомневаться, что они — мои. Я вовлекаю их в свою красоту. Нет большей радости, чем быть одним из таких существ.

Печаль приходит, когда ты терпишь поражение, вот тогда и ноют зубы или ломит в суставах. Дом из глины можно починить глиной, но рано или поздно он развалится. Составные части всегда воюют между собой, и всегда их конец — разруха.

Мир — дерево, что растет из алмазного семени, посаженного в сырую почву небытия. Его корни — вода и ветер, его ствол — земля. Его ветки — небо, листья — звезды, и все они ничуть не похожи на изначальное семя. Дуб не похож на желуди. Каждое дерево, все, что растет, имеет два корня, один в видимом, другой в невидимом. Многие признают лишь видимое. Им не понять, что сок, вкус, толщина ствола и другие свойства исходят не из того, что можно пощупать, а из сокровенного, от скрытого корня. Есть и иное дерево. Его корни здесь, а ветви и плод в незримом. Это дерево мы называем вверенностью, покорностью, исламом.

2:16-17

Ритуал хотана

Мне доводилось слышать о древнем ритуале, практикуемом в китайской провинции Хотан, где осели племена осевших там тюрков. Мужчины и молодые незамужние женщины — их головы непокрыты и одежды более чем откровенны, — держась за руки, проходят по базару. Вначале все пьют вино из чаши, которая ходит по кругу, и танцуют. Собравшиеся двигаются в беспорядке, пошатываясь, под куполом большой мечети перед лицом хана. Женщины снимают часть одеяний, показывая мужчинам свои груди. Затем начинают при всех заниматься любовью, делая то, что у нас принято делать лишь уединившись в своих домах. Такова часть ежегодного обряда половой инициации для женщин этих племен.

Можно лишиться сознания от одной мысли о том, что происходит с этими молодыми женщинами, когда они напиваются. Неужели Бог участвует во всем, что вершат люди, даже в этом? В Коране (11:6) сказано, что Он во всех существах... Мир, что перед нами, смущает и сбивает с толку. Взять, к примеру, то, чего я хочу сию минуту: я жажду красивую женщину, хочу вина, музыки, смеха. Мне хочется, чтобы каждый увидел жизнь как священнодействие. Я хочу, чтобы меня все знали и любили. Хочу, чтобы мои желания были еще сильнее. Хочу ощущать, как божественный поток каждый миг изливается через меня в мир.

В ответ ко мне пришло: *взгляни на пчел, пьющих цветочный нектар. Делай то же с таинством присутствия. Пусть твое тело станет медом, сгущенным из этого нектара. Мы — неупиваемое вино твоих грез, животворящий свет. Возроди его в себе, он — залог исполнения всего, что ни пожелаешь.*

Впивай *зефир* — и благословенный сон в пещере дарует тебе покой (18:9).

2:18-19

Ночлег в мечети

Я увидел луч света в безмолвствующем монастыре... Той же ночью одна женщина увидела во сне монастырский бассейн, полный воды. Слуга опустил светильник в водоем, зачерпнул им воды и зажег в нем воду.

Представь себе прекрасную молодую женщину, которая тебя очень любит, скажем, покровительствует тебе. Под руку с ней ты выходишь в сад или за город, забывая на это время обо всем. А теперь представь, что твоя любимая — создатель и источник этого мира. Кто

же надежнее? (9:111). А представляешь, какво взять ее руку в свою и пройти с ней рука об руку через все невзгоды? В таком обществе любое место — словно ясное видение — тайный скит на высокой вершине.

Упоенные восторгом не ищут несовершенств в других людях. Кто далеко ушел по мистической стезе, не начинает сначала. Наставник познавших бесполезен для неофитов. Люди писания не поверили, пока не явилось ясное знамение (98:1).

Оман Факаи — он из местных — и суфии решили переночевать в мечети — и простудились, кашляют. Их пазухи сухи, они бледны и осунулись. Плохо они придумали — ночевать вне дома. Блуждания с места на место вызывают сумятицу и болезнь. На ночь лучше оставаться душой и телом погруженным в воды сна — как лодки азиатов. Не к добру извлекать свои лодки из воды: они рассохнутся и станут бесполезными. Эти люди поддались незначительным побуждениям.

Слова «усвоивший учение» и «суфий» отсылают к чему-то очень высокому. Я виделся с Зайном Салехином и Мухаммадом Суфи и сказал им: люди говорят, что после моей смерти эти обозначения потеряют смысл. Но это не так. То, к чему они отсылают, не только не умирает, но умножается после смерти. Хлопок становится одеждой. Грязь и ржавчина отходят от металла, когда его чистят жесткой щеткой и дряют. Наша наука о присущем человеку знанию переживет все периоды упадка, невежества и смуты.

П.В. Кузнецов. Праздник. Лист № 9 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

2:21-22

Ощущаю себя осыпанным милостями

Когда я болел и тело мое дрожало от озноба и лихорадки доверительной беседы с Тем, кто дарует благополучие, великолепие момента ослепило меня: я лежал, тяжело дыша, словно невеста, словно непорочная дева под первыми порывами страсти в свою первую брачную ночь. Никто не услышит наш шепот (21:102).

В океане элементов — ветер, вода, огонь и земля — Мы насадили сад для твоих прогулок. Мы будем лелеять этот мир, пока ты взыскуешь то, что тебе любо. Мы будем поддерживать силу твоего желания. Как летнее тепло приводит к созреванию плодов, так и Мы распахнем твое сердце для совершенства и выжжем дотла то, чему надобна чистка.

Это великодушие и милосердие входят в меня, как сияние, которое я видел в монастыре [см. предыдущую главку]. Я ощущаю себя осыпанным милостями — так статного владыку ласкают его новые жены, одна покусывает за плечо, другая целует в шею, третья прильнула столь плотно, что их тела слились воедино. Так молодой отец играет со своим чадом, а тот карабкается на него, срывается и снова карабкается. Так голуби, воробьи и белки щебечут, прыгают и вертятся вокруг того, кто кидает им семечки.

2:22-23

Бобы беседы

Когда в болезни меня трясет лихорадка, я говорю друзьям, что все равно радуюсь тому, что пребываю в сознании. Не важно, тошнит меня или бьет озноб. Я радуюсь — ведь я еще здесь. Быть в пути или

сидеть дома — равно радостно. Оставшись один, порицаемый всеми — в любом состоянии я прозрачен и дружелюбен. И лишь глубокая униженность самоосуждения иногда сдерживает меня в беседе.

Посетители приходят ко мне, даже когда я болен или не склонен к общению, но даже и словом не обмолвятся о моей болезни или меланхолии. Быть бы им более великодушными. Здесь ты можешь сказать все, что придет в голову! Говори, невзирая на мое состояние. Беседа взрыхляет почву и приводит к росту плодов. Баклажаны, редиска, салат-латук, горох, капуста. Дозволь беседе свободно течь своим путем. Пусть длинные стручки вырастут на вольно вьющихся лозах — чтобы мы могли насытиться бобами беседы.

2:23-24

Стержень

Стержень радости и поклонения — дружба. Смотри: работаешь ли ты в саду или среди плодовых деревьев, напеваешь или просто сидишь у проточной воды — все это становится намного прекраснее, когда с тобой друг! Если есть соучастие, и боль стихает, и радость ярче.

Недрузи или чужие люди даже и не узнают друг друга, войдя в мир духа. Так что с этого момента прими решение обрести в жизни как можно больше друзей. Ты угождаешь Господу, когда делишься с друзьями всем, чем можешь.

Один встречает кого-то — и влюбляется. А другой встречает того же человека — и отворачивается. Не тело и не культура определяют степень привлекательности человека. В нас заложены врожденные, глубоко скрытые предпочтения. Один свиньям предпочитает лошадей, а другой обожает свиней. И у свиней есть свои почитатели.

2:24

Два способа действий

Во время болезни мне было открыто, что есть два подхода к работе. Один — действовать дерзко, быстро, бесстрашно. Другой — беспокойно, натужно, с постоянной опаской, как бы не оплошать. Если действие проникнуто опасениями, то и результат будет лишен ясности и стройности. Когда же действие движется стремительно, искрясь радостью и уверенностью, — все узлы в мире развязываются, трудности исчезают и воцаряется гармоническое единство.

2:26-27

Удовольствия никогда не бывает достаточно

Я говорю людям, что болею, не для того, чтобы посудачить о своей болезни, а чтобы увидеть, кто из них принимает это близко к сердцу. Я взыскую открытых сердец — и редко кого нахожу. Мое сердце давно открыто всем ветрам. Люди несут подношения статуям, которые не могут ни принимать пищу, ни видеть. Не принимай я пищу и не взирай окрест, может, и меня бы ставили не ниже кумира?

Я воспринимаю все беседы и каждый поступок как дуновение того ветра, которому отдано мое сердце. Я все время вопрошаю окружающих: вы слышите его? Вы подобны слепцу, что свесил голову из окна и прислушивается. Но понимаете ли вы, что именно слышите?

Я спросил учеников, какой труд они предпочитают: вечный или преходящий. Я спросил их, где они ищут ответ. Они сказали: в Коране. «Просите, чтобы вам было явлено, что есть вечное и что временное», — сказал я им. Покой Божий, сияние лиц. Есть удовольствия, которыми человек пресыщается, и есть другие — их никогда не

бывает довольно. Именно такое блаженство снизошло на Моисея, когда он вкусил чистого бытия на горе Синай. Господь обратил гору в прах перед ним, и Моисей провалился в бездну иного знания (7:143).

2:29

Наматывая клубок шелка

Вот что я сказал Наджму Чачи, именитому жителю Ташкента: «Ты занят повседневными заботами настолько, что у тебя нет времени печься о более важном: почему я

здесь? Что я люблю более всего? Как распорядиться отпущенным мне сроком?»

Эти вопросы и ответы, отозвавшиеся на вдохновение вопросов, могут навеять печаль, но могут и перевернуть твою жизнь. Твой нетерпеливый ум жаждет действия, а не размышлений. Ты думаешь, что если бросишь свою работу, то она без тебя и не совершится как надо. А что до помощи другим, то здесь ты прибегаешь к такому суждению: этого надо поддержать, а того лучше оставить наедине с его затруднениями. Твой ум настаивает на своей версии, кому что надобно, а сердце говорит: *прими и эту, и другую сторону, и то, что между ними.*

Вот что такое твоя жизнь, Наджм Чачи: тебе хочется, чтобы внимание всех было сосредоточено на тебе и твоих занятиях. И вот ты сидишь на самом верху, а от шелковых прялок внизу к тебе простираются пряди многочисленных нитей и плавно ложатся на твой вращающийся клубок. Находясь посередине, ты расправляешь цветные полосы, чтобы они не переплетались и не запутывались, наматываясь на сферу, которая растет и увеличивается в размерах, — и это ты называешь великим личным достижением?

2:30-31

Углубляйся в то, чем занят

Сегодняшняя беседа была посвящена работе. Работа предъявляет свои требования, которые ты игнорируешь, но все равно ожидаешь полного вознаграждения. Не получив его, ты чувствуешь себя обделенным и хватаешься за другую работу. Зачерпнул полную лопату, бросил — и вот уже бежишь делать что-то другое. Продолжай в том же духе и, в конце концов, ты приобретешь богатый опыт, но останешься без работы и даже будешь к ней неспособен. Любой род занятий содержит таинство, и его необходимо пережить и прожить. Вставай каждое утро и входи, углубляйся в свою работу.

2:31-32

Мята

Обычно говорят, что мята и халунак принадлежат к одному семейству, но мяту выращивают из отводок, а халунак — из семян. Цветки мяты не содержат семян. Чтобы вырастить мяту, посади отводку во влажную землю. Через пять-шесть дней полейте ее. Дальше поливайте каждые пятнадцать дней, стараясь не мочить листья. Каждые два года мяту пересаживают на другое, удобренное место. Обычно мята отмирает в конце июня и вновь начинает расти в конце марта — апреле.

Не сажай мяту среди черемши, чеснока и лука. Мята активно вбирает соки из грунта, рядом с ней овощи будут мельче и худосочнее. А их самочувствие поважнее, чем мята. Черемша, чеснок и лук лучше переносят неблагоприятную погоду, слишком жаркую или очень

холодную, если их затопить водой. Пусть вода покроет ростки на это время, если возможно. Конечно, они не будут продолжать расти весь год. Цикорий отмирает с наступлением летней жары. Демьянку следует посадить в период от начала весны до июня, — чем раньше, тем лучше.

2:34

Капли мути на моих ресницах

Беспокоиться и плакаться о своей жизни — все равно, что лить себе на голову грязь и помои. Грязь попадает в глаза и разъедает их. Тебя ослепляет, поражает недугом. Каждый так когда-нибудь делает. Постарайся прекратить это. Пусть твои глаза очистятся и увидят красоту вокруг.

О Податель забот и скорбей, разъедини меня с моим бытием. Даруй мне покой небытия. Если молиться так, то грязь сойдет с головы. Возлюбленный — вот кто льет грязную воду на голову любящего, а любящий в ответ: глазами я не в силах увидеть Тебя, но и в каплях мутной воды на моих ресницах — роза Твоего лика.

2:35-36

Милость и линия бедра

Я слышал, как некто говорил о том, как прекрасны святые и затворники, возвращающие свою внутреннюю жизнь. Я сказал: «Любовь к таким людям удобряет почву твоей души. Это — удобрение, оно укрепляет жизненную силу того, что произрастает в ней».

Такие же очевидные знаки милости явлены нам в образе прекрасной женщины, в округлостях ее бедер, в ее красивых ножках. Когда погружаешься в это с головой, начинаешь видеть гурий рая. Так пей вино женщин, пока не опьянеешь. Тут самое время и приступить к молитве.

После полудня, ближе к вечеру, люди ощущают себя потерянными, и они в, самом деле, таковы — исключая тех, кто обсуждает друг с другом природу истины и благих деяний (103:1—3).

2:38

Прививка красной розы к белому тополю

У одних растений корни нуждаются в особом уходе, у других нет. Виноградная лоза, белый тополь и ива хорошо принимались в последние годы. Если их пересадить в этом году до того, как появятся листья и цветы, они укоренятся. Но сажать их надо именно весной, иное время года не подойдет. Другие деревья также высаживают до того, как они дадут листья и цветы, но некоторые укореняются, когда соцветья уже немного приоткрылись, но не полностью.

Постарайся сажать семена в первый месяц лета, чтобы они получили много воды. Зимой, под снегом, семена начинают трескаться и готовы прорасти.

Красную розу можно привить к белому тополю. Надрежь кору на ветке тополя на длину пальца. Срежь ветку розового куста и очисти на ту же длину. Приложи ее к тополю и прикрой тополиной корой. Обмажь это место глиной и замотай льняной тряпкой. Тополь примет в себя соки в привитом месте, и роза начнет расти на его ветке.

Весной в деревьях начинается поднятие соков. Летом влага отступает обратно к корням, и верхние ветви становятся сухими.

Весной, во время активного движения влаги, можно скрещивать разные породы деревьев. Яблоню можно привить к айве, а айву — к яблоне. Для этого заостри черенок свежесрезанной ветки яблони наподобие писчего пера. Затем сделай ножом надрез на стволе айвы. Отжав лезвием кору, плотно вставь в надрез ветку яблони, срезанную наискось, замажь это место грязью, закутай материей и крепко обвяжи веревкой. Обмажь все грязью. Ветка привьется, если сделать это ранней весной, до того как завершится цветение.

Селяне весной срезают тонкие ветки шелковицы, растирают их в древесные волокна и сажают в землю. Через год появляются ростки и выпускают листья. Эти листья обрывают на корм шелкоичным червям, прядущим коконы. На следующий год ростков становится больше и повторяется то же самое.

Этот мир украшен с такой любовью, с таким вниманием к природному процессу. Плоды и деревья, ручьи, огонь и дым — они говорят нам о приходе и уходе и о том, как воспринимать дух вне видимого становления.

2:44

Плачущий заранее

Сидишь себе спокойно — и вдруг боль в животе. А тут еще и зубы заныли. На лице появились темные пятна. Постоянный понос. Острая боль в колене при ходьбе. В немощах тела дает о себе знать возраст.

Немощи будут лишь усиливаться — пока я не войду во врата смерти, и, если сетовать на недуги, не останется времени для иного. Не стану заранее играть роль плакальщика на собственной траурной

церемонии. Отныне не буду придавать значения этому ускоряющемуся распаду.

Я поддерживаю себя такими фантазиями: моя жизнь дошла до предела, и я остался один, обреченный умереть в пустыне немилости. Но даже здесь я радуюсь тому, что жив и еще осталось несколько желаний, которые я могу удовлетворить. Это дряхлое тело живет. А потом умрет.

2:52

Честность

Глаголющий истину богат в этом мире и благословен в будущем. Что же об иных видах прибытка — то им подмогой дружба. Пусть внутреннего богатства искренности будет довольно для твоей души.

С немусульманами веди себя согласно исламскому закону. Отдавай десятину на бедных и бери из запасов других долю, равную одному дню пропитания твоей семьи.

2:55-56

Утратив милость

Мухаммад благословлял людей Божьих, и это напоминание о том, что мы можем утратить милость. Если бы мы были уверены в своей способности обеспечить жену и детей, мы бы ни о чем и не беспокоились. Муть ненасытности и неизменной похоти, словно дым, застилает нам путь, заставляя спотыкаться. Если однажды утром ваш родник иссякнет и ручей пересохнет, кто возвратит течение чистого потока? (67:30)

2:58

Пары

Подлинное тружение совершается парами(51:49). Отыщи свою пару. Ты признаешь его или ее по такому знаку: ты ощутишь в себе смирение и полностью доверишь этому человеку вести себя.

Ночью внешность вещей становится весьма обманчивой. То, что напоминает тебе ребенка, при свете дня оказывается отрезанной головой мертвого осла. Ты видишь, как по равнине движется к тебе пыль, и думаешь, что это знатный всадник, надеваешь новые, нарядные одежды, польщенный прибытием благородного гостя. Но нет ни всадника, ни лошади — только их призрак.

Утка плюхается в грязь и всюду сует свой клюв, энергично выискивая червей. При этом ее крылья тяжелеют от грязи. Прохожий останавливается и бранит утку за жадность. Ему-то что за дело?

2:60-61

Фанатизм

В ответ уклонившимся и еретикам я говорю: я бы тоже отверг Абу Бакра, будь он таков, как вы говорите, а также и толк хареджитов, если бы они убили Али. Я против Язида и ему подобных, тех, кто преследовал семью Пророка, и буду всемерно защищать Мухаммада перед всеми, кто говорит о нем с цинизмом и сарказмом, — будь это христиане, евреи или так называемые родичи. Знающие люди говорят, что не стоит доверять вашим суждениям, потому что они основаны на фанатизме того или иного толка.

Ханбалиты, к примеру, говорят о том, что Бог «подобен» нам в том смысле, что состоит из крови, плоти, воздуха, воды, неорганических веществ и иных непривычных и неуловимых субстанций. Нелепость, конечно. По сути, это игра словами, подмена одних терминов другими: «подобие», или «изображение», или иначе «кумир». Противоречия возникают из-за того, что люди дают разные определения одним и тем же словам.

В атмосфере подобных разногласий ты можешь проникнуться глубокой симпатией к тому, кого другие считают врагом, приписывая ему самые неприглядные черты. Ты говоришь этим людям: я согласен с вами и тоже не стал бы его поддерживать — если бы он действительно был таков^{‡‡}.

Материалисты и свободомыслящие философы, которые все себе позволяют, спорят между собой как дети, знающие только то, что видят прямо перед собой, или как ослы, чье понимание приходит через желудок, так что они способны воспринять лишь корм, а во всем остальном остаются ослами.

^{‡‡} Курсивом выделена заметка на полях рукописи, сделанная тем же подчерком, что и основной текст. —Прим. англ. перев.

П.В. Кузнецов. Сад-Гайгун. Лист № 10 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

2:62

Нрав моей матери

Говоря обо мне, люди наверняка вспоминают скверный характер моей матери, обсуждая, как она вспыльчива и насколько я бессилён что-либо сделать. Конечно, я мог бы сказать, что думаю о ее поведении, и посоветовать, как измениться, но она бы только посмеялась надо мной и моими идеями. Поэтому я лучше ничего не буду делать. Пусть тот, кто нуждается в моих советах, приходит ко мне сам. Давать совет тому, кто его не просит, — все равно, что бросать в огонь рукописи.

Дервишам нет нужды объяснять, почему они делают то, что делают, и не делают того, что не делают.

2:67

Дивно устроенный сад

Он — тот, кто подчинил нам землю. Так странствуйте же по ее просторам и вкушайте из дарованного Им удела (67:15) .

Вместо того чтобы сажать милость, — ту, что делает твою жизнь послушной и управляемой, ты в надежде на большее рыщешь в поисках других удовольствий.

Уподобь свою сознательную суть, вкупе с тем, что тебе отпущено, дивно устроенному саду с дикорастущими цветами и лучшими культурными сортами или быстрому потоку с укромными уголками по обоим берегам, где можно присесть и отдохнуть.

Человек, что горюет, должен сразу увидеть в тебе прибежище, отдохновенный и гостеприимный кров, куда не приходят со своим хлебом и сыром, — здесь всего в достатке.

2:74-75

ДЫМ

Чистой одеждой и дорогими украшениями не укрыть покрытую сажей суть. Тлеющий пепел дает о себе знать сочащимся через трещины дымом. Ты разгоняешь его, и он выползает опять.

Как преступник своими делами возводит стены собственной тюрьмы, так и твоя забывчивость и отказ впустить в себя свет удерживают душу на месте и не дают ей свободно путешествовать.

2:78-79

Разные страхи

В Коране (98:9) говорится о страхе Господнем. Что это за страх? Страшиться чего-то иного, не Господа, — совсем иное, чем этот трепет. У каждого есть врожденные страхи, заложенные в человеческой природе. Затем начинает расти вера, и страх перед Господом становится тем же, что корни, дающие силу роста слабой лозе. «Бери ее и не опасайся» (20:21). Страх Моисея был прибежищем для него.

Вот моя молитва: «Вручаю Тебе свои страхи. В недугах ниспошли мне исцеление. В смерти даруй жизнь. Обрати мое глубочайшее падение в восхождение. И когда я жажду красоты женщины, дай мне это. Еще больше укрась женщин и укрепи силу моего желания к ним».

2:81

Где остальное

Мы обожаем наших прелестных детей. Мы бродим по базару из лавки в лавку, отодвигаем занавески и любимся всевозможными вещами — они сделаны из золота и славы, имперской мощи и других притягательных материалов. Они будут занавешены от лицемерия Господа.

Вспомни, как посох Моисея превратился и поглотил Фараоново войско, словно его и не было. Мы сидим тут, оплакивая наши утраты, обеспокоенные деталями, истощившими свою ценность, ничтожными тенями прошлого, объедками, которые бросают аллигатору, а он поднимает голову и говорит: «И это все? А где остальное?»

Мы с таким тщанием готовим украшения для своего туалета, чтобы скрыться за ними. Друзья, позвольте дать вам совет: эту проблему можно решить — давайте вскроем слой за слоем всевозможные наслоения, скрывающие наше эго, — эти трафареты обмана — и освободимся от них. Если взяться за дело вместе, мы воочию узрим всю нашу претенциозность, жестокость и безрассудство, а также увидим, как можно без всего этого обойтись.

2:87-88

Больше власти

Движение и покой, разделение и соединение — таковы силы, через которые божественная воля действует в проявленном мире. Что сходит в могилу — то пыль, уносимая ветром, а то, что движется в сердце, — собирается, концентрируется, становится проявленным.

Люди, наделенные властью, бывают двух видов. Есть осторожный, сомневающийся тип, которого бросает то в жар, то в холод — словно старика из Чаги или Балха, или меня самого, когда я нездоров. И есть другой тип властолюбца: какой бы властью он ни обладал, ему все мало.

Над имеющими власть есть еще большая власть. Ты расточил то, что имел, а теперь молишь Бога дать тебе еще. Ребенок играет с веретеном, запуская его как волчок, ломает и просит у матери другое. Даже если у нее есть еще одно, разве она ему даст? Нет, конечно, как бы он ни ревел.

И даже если бы ты получил больше власти, что бы ты с ней делал? Дает ли твой опыт право на большую власть?

2:89-90

Свобода выбора и предопределенность

В Хорезме большинство жителей — *мутазилиты*. Никто в этих местах никогда не скажет, что ему ниспосылались видения от Господа. Люди считают себя хозяевами своей судьбы. Последователя джабриитского толка, верящего, что все предопределено, бьют по голове со словами: «Бог предопределил, чтобы я сделал это». В Хорезме жестко обращаются с теми, кто верит в предопределенность. Их дома разграблены, сами они скитаются, нищие, снося удары и побои. А мутазилиты, напротив, наслаждаются богатством, награбленным у джабриитов, этих лентяев, лишенных всякой инициативы. «Это Божье дело», — говорят они. А их дело, судя по всему, — терпеть в обоих мирах.

Спутники по жизни

Люди приближаются к Богу в соответствии с уровнем собственного понимания: одни — чтобы обсудить прибыль и ущерб; другие — в поисках имени божественной тайны; кто-то увлечен астрологией; иные озабочены вопросами бытия и небытия.

Утверждения, касающиеся этих вопросов, напоминают мне блуждание в диких джунглях наобум. Было время, когда каждый называл Бога по-своему. Затем через пророков были ниспосланы девяносто девять божественных атрибутов.

Полагаю, следует спросить защитников предопределенности: они против преступлений или рассматривают их как часть нашей судьбы, предопределенной и направляемой Богом.

* * *

Будь все народы равны, не было бы честолюбия, состязательности и, наконец, жизнеспособности. Суть человека — беспокойное, неумное пламя. Когда оно утихает, нами, как животными, движут лишь голод, жажда и соитие.

Положения учения мутазилитов все больше симпатичны мне, а идеи поборников предопределенности нравятся все меньше. Я говорю своим ученикам, что мы подобны войску, вставшему на постой и привыкшему к беззаботной жизни: мы-де вояки! И вдруг мы видим, как на нас наступает рать, прекрасно обученная, хорошо вооруженная. И тогда мы даем дёру, завидуя втайне своему противнику.

Мы непринужденно болтаем с друзьями, и вдруг что-то происходит. Появляется новое лицо, новая тема — и сгущается атмосфера разногласий и состязательности. Одни стоят в сторонке, желая посмотреть, кто возьмет верх. Другие вроде бы согласны и с

той, и с другой стороны, но вдруг замечают, что кому-то живется лучше, и это выбивает их из колеи. Нехорошо зариться на чужое и подглядывать за другими людьми.

Разногласия обуревают сердце, потому что в нем одновременно живут и эго, и душа. *Нафс* (животные энергии влечения) и наша устремленность к Богу (наиболее чистая часть сознания человека) оба обитают в сердце — роднике любви.

Если мужчина живет в доме, где верховодит женщина, — добра не жди, все обернется плохо. Для гармоничной жизни необходимо тонкое равновесие. Женщина — зеркало, так не бросай в него камни. Но, как мужчина, не воскуривай ей фимиам, потому что ты можешь потеряться в этом зеркальном мире и стать им. По Божьему соизволению женщине свойственно заботливо растить, питать, быть внимательной и отличаться особым прилежанием.

Душа и личность могут прекрасно уживаться друг с другом — как муж и жена, как супруги. Не давай эго возобладать над душевным ростом. Но и не растворяй эго в духовных исканиях полностью. Пусть оба будут крепки — как спутники по жизни.

2:95

Лодка с названием «Замешательство»

Кто называет это место домом и всерьез верит, что так оно и есть, останется неприкаянным и неутоленным.

Этот план бытия — пустынная гладь моря. А мы плывем в лодке, которая называется «Замешательство», — волны то заливают ее, то подбрасывают вверх.

Но если твое сердце обитает в вечности, ты обретешь мир в том, что мы называем исламом, в спокойной глубине, мало доступной переменчивости приливов и отливов.

У тебя есть колчан для стрел, с которым ты охотишься. А есть ли у тебя внутренний колчан — для охоты на Бога? Живо ли твое искание, трепетно ли? Если ты забываешь о нем, когда счастлив, или откладываешь его, когда что-то болит, твоя охота — сплошная показуха, как песенка на злобу дня.

Ее глаза люблю,
хмельные и смеющиеся,
И пряди вьющиеся.

2:95б-96

Полнота жизни

Взыскую того, что воистину живо, желая обрести ясность и пронизательность. В Коране (17:110) читаю: «Зовите Его милостивым, или милосердным, или иным из прекрасных имен».

Когда развиваешь в себе эти свойства, полнота жизни и пронизательность прибывают. Энергия, что созидает город, минарет и арочные перекрытия, приходит как дар Божественных атрибутов — та же сила приводит в движение небо и хранит горы в неподвижности (51:47). Кто не в состоянии ощутить бытие, как оберегаемое устройство, лишится в жизни всяческого интереса, радости и способности изумляться. Полнота жизни ускользает, когда глаз не различает истока, созидающего все формы и события и пронизывающего их.

2:99-100

Иногда

Таджзаид, мой умный собеседник здесь, в Балхе, говорит: «Каждый одержим каким-то желанием, а у меня, похоже, их нет. Я должен быть свободен. Любящие не глядят назад и не забегают вперед. Они просто здесь, созерцают это. Я не имею никакого отношения к тому, как это место и время стали тем, чем они стали, и куда все приведет».

В кругу Таджзаида говорят, что, когда нас влечет к кому-то, мы связываем себя влечением. Так мы сами создаем свои узы, но мне представляется, что отвернувшийся от друга, — в худшем положении. Люди без желаний живут в «болевых изоляторах» собственного изготовления.

Еще Таджзаид говорит: «Я — любим». Это легко проверить. Те, кого любят, чувствуют себя умиротворенными — они не носят бледных тоскливых лиц, отмеченных непрерывным беспокойством.

Послушай, Таджзаид, даже местные турки *иепагу* превосходят тебя как любимого. Ты тайно лелеешь в своем сердце брачный союз, уповая, что однажды соединишься с любимой, а они открыто празднуют свадьбу прямо сейчас. Когда «однажды», наконец, наступит, твоя любимая будет выглядеть совсем не так, как сейчас. Ты ждешь постоянства от мимолетной связи? ...Неужели они не размышляют о Коране? Или сердца их на

запоре?.. (47:24). Иди к Корану. Отбрось все, что стесняет твое сердце. Ключ уже у тебя в руке. Откликнись. Поверни ключ и выйди из тюрьмы своих концепций любви.

2:100-101

Размытость

Ты приступаешь к молитве, не совершив должного омовения после утреннего туалета. После молитвы ты молишь: *«Я согрешил. Не лишай меня милости. Прошу, не наказывай меня»*.

Бог великодушно прощает нас, но сперва ты должен утрашиться внутренних последствий своей забывчивости. Ощути свою полную беспомощность и всецело уповай на спасение, веря, что оно совершится помимо тебя, — лишь тогда поток милости волеется в тебя.

Проводя день за днем, как обычно, в небрежении и эгоистическом самопотакании, ты все больше и больше пестуешь в себе душевный разлад. Ты ведешь себя как идиот и говоришь людям, что вчера сделал то-то и то-то. В таком замешательстве ты не сможешь сделать ничего стоящего.

Ты как смоковница, которая и не укоренилась, и не вырвана из земли. Как лоза, не укрепленная на стене. Ты не полностью проявлен и не до конца скрыт. Размытое облако и никуда не движется, и не находится в покое.

2:107

Будь полегче с планами

Я задумался, чему бы еще научиться, и это навеяло на меня скуку и уныние.

Я обратился к стиху: «Блага этого мира недолговечны» (4:77). Он говорит мне: бери то, что приходит, не заботясь, откуда оно и что из этого следует. Принимай то хорошее, что дается, но не старайся

удержать, потому что это — одержимость. Увлечения ума и радости жизни все равно, что бегущая вода — течет и с востока, и с запада. Так пей ее — и пусть себе течет. Когда приходят скорби, не думай, как предотвратить их в будущем. Все равно они придут опять. Скорби набухают как тучи, проливаются болью, рассредоточиваются и уносятся прочь. Не распределяй пропитание на строго отмеренные дневные нормы. Будь попроще с планами на будущее — не слишком рациональным. Когда ты сосал материнскую грудь, разве ты считал отверстия в сосках? Молока приходило сколько надобно.

2:109

Забота о детях

Каждый раз, когда, запутавшись в побуждениях и не уделяя должного внимания ни детям, ни своей работе, я слышу на улице детские голоса, то думаю о своем ребенке: если я всю свою жизнь только и буду, что заботиться о потомстве, я потрачу впустую немало времени, а если я не позабочусь об этом, — они потеряют свою жизнь.

2:111, 113

Практика принятия решений

Я обрисовал ученикам такие ситуации, чтобы они поразмышляли над ними.

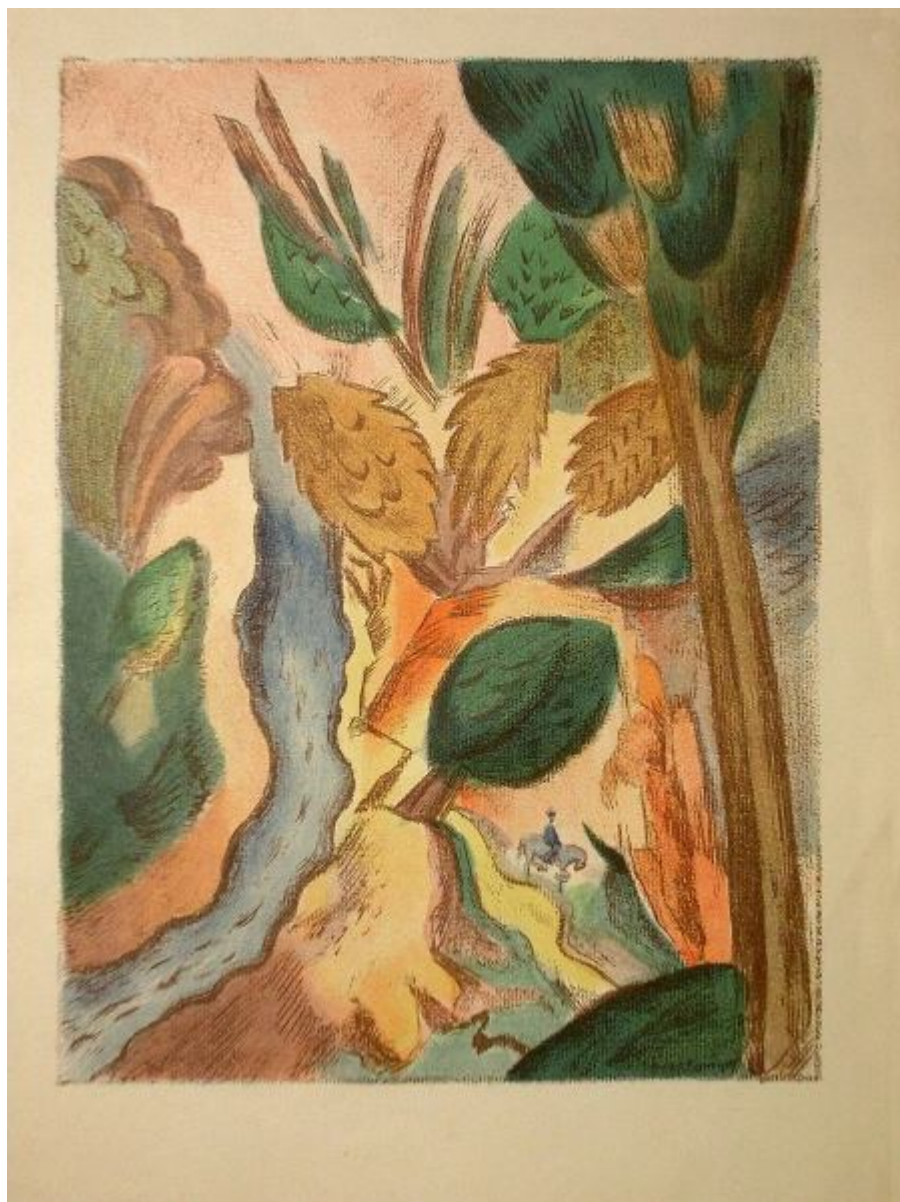
У человека десять лавок, предлагающих пять-шесть различных видов товаров и услуг. Его расходы превышают доход. Надо что-то менять. Не уехать ли в другое место? Но он живет в этом квартале

многие годы. У него друзья. Он — неотъемлемая часть общины.

Может ли он отказаться от таких близких и знакомых отношений?

Еще ситуация. Живут муж и жена, она складывает песни и поет их для людей. Однажды он приходит домой в неурочное время и застаёт жену с другим мужчиной. Он в ярости, грозит разводом. Потом вспоминает вкусную пищу, чистую одежду, теплую постель и прелести жизни с женщиной, поющей дивные песни, которые она сама складывает.

Как принимаются такие решения? Каждый ли человек рассматривает подобные тупиковые варианты исходя из различных потребностей?

П.В. Кузнецов. Река-Баш. Лист № 11 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

2:114

Невыразимая истина

Я обращаюсь к тем, кто понимает по-персидски: все виды деятельности имеют общую точку приложения. Работа, священная битва, просто битва, молитва, любое благое дело отсылают к одному — к твоим отношениям с Богом, к росту осознания сокровенного. Оно несказуемо, невыразимо словом.

Наш отклик таинству — два чувства: надежда / благоговение и страх. Страх часто пронизан безрассудными и неистовыми чувствами. А в надежде таится нежность и любовь. И одно всегда присутствует в другом. Страх живет в надежде, а надежда — в жестокости. Проявленный мир изначально содержит эти два свойства.

Халиф Омар и царь Эфиопии, услышав об этом, тут же зарыдали. А мы почему не рыдаем? Возможно, они ощутили за услышанным трагическую бездну, которую мы не чувствуем, — истину, тяжкую и невыразимую.

Кто ближе к Каабе, тот более смел в своих постижениях, чем те, кто обходит ее внешними кругами. Они удерживают в своих членах изначальную влажность, и она спасет их, когда придет огонь. Если жизненные невзгоды иссушают тебя, — ты мигом вспыхнешь и обратишься в пепел.

2:115-116

Усвоение

После хорошей трапезы я задумался о пище и питье, что наполняют наш желудок. Мне открылось: эти овощи и фрукты, куски мяса, разноцветный шербет, черствые и мягкие лепешки — все они живут в нас, вознося хвалу.

Точно так же люди, звери и духи, пребывающие здесь, служат пищей — она потребляется, пережевывается и претворяется в таинство. При этом благодать высвобождается как энергия.

Звезды сеют дождь своих знамений и влияний — так созвездия становятся воздухом, которым мы дышим, питают растения, животных и нас, людей, наделенных речью, — ею мы вдохновляемся, притворяемся, что мы есть, и гневим Бога.

Я думаю о розах в саду и о других приятных вещах — и вдруг замечаю темные пятна на тыльной стороне руки. Ничего удивительного. Дерево появляется на свет нежным ростком, а потом покрывается толстым слоем коры. То же и с моими руками.

Из моих молитв выходят черноглазые женщины и отвлекают меня. Это тоже в порядке вещей. Формы желания так многообразны. Потом являются дети, новые виды приязни, новые любимчики. Забавно, как непостоянны желания, даже ведущие к появлению потомства, — остается лишь потешаться над всем этим.

Чем бы ты ни был занят, поминай Бога. Так, взыскуя любовных утех, помни, что всепоглощающее блаженство и тяга друг к другу приходят как дары твоего Господа. Даже в пароксизме апокалепсического удара, когда тебя разбивает паралич, помни, если можешь, что то же присутствие, которое живет в сотрясениях и разломах земной коры, трепещет и в тебе.

В этой жизни я не видел ничего более всевластного, чем любовное блаженство. В наших самых сокровенных переживаниях величия, вверенности и смирения заложена нить желания любви и любовного соития. Другие свойства истекают из этого. Они порождают внутри нас божественную пульсацию наслаждения.

2:117

Любовные утехи

Половое влечение — огонь, вспыхивающий в двух местах: в животворящей влаге мужского семени и в раскаленном эфире женского лона. Если чувство женщины к мужчине неглубоко, то любовный огонь не возгорится.

2:123-124

Семена и селяне

Я посоветовал выходцу из Хорезма умыть руки и порвать все связи с этой областью — из-за нападения Алауддина Мухаммада Хорезмшаха на Хорасан. Я предостерег его, а то положение, в котором он оказался, служит предостережением и для нас: прежде чем сделать что-то, подумай, не приведет ли это к разрушениям и человеческим страданиям.

Следует брать пример с селян, которые охотно жертвуют сном ради своей работы. Если урожай обилен — вот и награда. Если нет, они вознаграждаются в иной сфере. Стены видимого мира имеют изнанку. За стенами обычного дома — сад. За стенами дома этого мира — цветок вечности. Не будь вечность реальностью, мы бы не говорили, что мир — преходящ.

Жизнь — как вода, которой мы поливаем всходы. Растения земли вбирают ее — а утром их как быльё развеивает ветер (18:45).

Что уходит в могилу, — рассеивается и исчезает (100:9—10). То, что в сердце, — возрастает и проявляется.

Семена в земле — как чистые души в могилах. Их поливает дождь. Омытые и умащенные в саркофагах матки, эти семена потенции воскресают в новую жизнь, являя миру новые лики, новые деревья, руки и ноги и никогда прежде не виданные на земле и в океанах новые существа, присутствие которых еще не ощущалось ни в воздушном просторе, ни среди звезд.

Я принял твердое решение привести свою работу к определенному итогу. Я приставлен к саду Господа и хочу, чтобы Хозяин был доволен тем, что мне довелось сделать, чтобы проявить Его творение в лучшем виде. Решимость во мне окрепла. Но тут силы покинули меня, и речь стала бессвязной. Жизнь полна трудностей. Но как я говорю людям, — если в основе твоей укрепилось ясное намерение, то пусть даже твое тело развалится и язык перестанет подчиняться, ты все равно останешься на высоте, и позор не коснется тебя.

2:130

За что браться дальше

Не могу решить, за что браться дальше: что изучать, чем еще заняться из возможного. Если нет духа, нет души, нет божественного аспекта или значимости, то любое занятие — просто убийство времени, тщета и бессмысленность. Но когда дыхание Всевышнего и трепетное бытие духа совпадают с колебаниями места и времени — два уровня встречаются, и такое наше занятие работает на вечное, дыша в едином ритме с бытием Таинства. Каждый жест, слово, мысль присутствуют в нынешнем моменте и одновременно в ином. В этом великая истина бытия.

Ведет ли определенное действие к будущему раю или аду — вряд ли стоит разбираться. Не важно даже, когда ты умрешь. Вечное созидает себя в настоящем. Именно в этом «сейчасном» миге ты приближаешься к Богу. Время и вневременное свиваются вместе в каждой трещинке, касании, черточке, острие и волоконце корня. «Здесь и сейчас» — это и есть область, где тебе является чудо вечно случающегося момента.

2:131-133

Военные действия в прежних битвах

Минувший час наполнил меня смятением и неуверенностью по поводу того, что я в действительности воспринимаю обычными чувствами, и как, и где может начаться новое восприятие. Что если бы я был Богом? Тогда проявленный мир отражал бы мои внутренние состояния — и раздражения, и созидательные, радостные настроения. Сжатие и расширение обладали бы завершенностью. Я говорю об этом свободно в моем тайном прибежище, где никто меня не услышит, и тоже самое советую делать моим ученикам: выплачьтесь, освободите себя. Создайте пространство для самовыражения. Пусть все вытечет обильным потоком. Не подавляйте в себе сильного желания. Пусть покровы спадут — как суждено и должно.

Известный лекарь советует пить сок за три дня до кровопускания: четыре части темно-красной ююбы и одну часть сливы.

Еще он говорит, что при кровопускании следует откинуться на подушку и успокоить свои мысли. Во время этой процедуры надо выпить три стакана красного вина, а если нет вина, то намять кислого винограда с сахаром.

Я всегда рад видеть ходжу Хаджаджа, он не упустит случая что-то рассказать. Знатный человек из Самарканда — а смущаешься, слушая его. Вот что, к примеру, он рассказал мне.

«Одна женщина восемь месяцев хранила хлеб. — Нам следует съесть его до того, как ему минет год, — говорит она мужу.

Муж в ответ: — Снимай одежду, давай ложиться.

Жена: — С моей одеждой все в порядке, а с чего это ты хочешь ложиться?

Муж: — Если не сделаем этого, я буду в слабости восемь месяцев».

А вот Хаджадж рассказывает о видении в мистическом русле:

«Я молился, когда передо мной возник мужчина. Под глазами у него были глубокие борозды от пролитых слез».

Он поговорил со мной и ушел сквозь стену, не открывая двери.

Вот чем еще похвастался ходжа.

«Я прошел триста пятьдесят миль без еды и питья. На месяц мне хватает четырех с половиной килограммов муки. Я выпекаю хлеб, даю ему высохнуть, крошу его и брызгаю водой на сухари. Лишь тем и питаюсь».

Рассказы ходжи гасят мою симпатию — и к нему, и к людям. Иногда, оставшись один, я вспоминаю случаи, которые, как говорят, происходили в битвах Самани с Хорезмшахом, Хатаби с Хуром, и мне кажется, что думать о событиях, что произошли с другими, — по большей части пустая трата времени. Больше пользы вспоминать свою жизнь.

Поменьше внимания к царям, военным действиям, грызне за власть. Не уделяй большого внимания громким внешним событиям — пусть они идут своим чередом. Твои реалии — дружба с сокровенным, интуитивная общность.

Особость твоих желаний

Человек из Самарканда сказал: «Если ты убьешь меня — прославишься как воин, а если я убью тебя — прославишься как мученик». И он, хлестнув лошадь, ускакал прежде, чем я успел ответить подобающим образом.

Мы представляем себе дух как долину, затянутую густым туманом, что видна с вершины горы. Мы спускаемся в туман, и он принимает зеленый цвет, редет, обнаруживаются детали: деревья, бегущая вода. Это похоже на переход в дух через смерть.

Мистики многолики, как и цветы постижения. А каков ты? Твои дети могут быть существами совершенно иного рода, чем ты. Одни люди обладают непоколебимым упованием, как Исмаил, другие, как Авраам, заносят нож, готовые принести в жертву Исаака. А Агун-Ша увидел, как его сын занимался мужеложеством перед бакалейной лавкой.

Не доверяй сплетням, не пекись о своих сыновьях — похожи они на тебя или нет. Каждая душа уникальна в своей жажде. Полагайся на то, что видел и пережил сам. Никому не ведомы твои предпочтения в пище, питье, любовных утехах. Твои отец и мать, твои дети ничего не знают об уникальных свойствах твоих желаний, только ты о них знаешь. Поэтому никому не позволяй вмешиваться в твою интимную жизнь и сам не довлевай над другими, иначе все это окончится страданиями и для тебя, и для других.

Торчу в никчемном городишке

Я сетовал на то, что торчу в таком грязном, никчемном городишке, как Вахш, а другие блаженствуют в Самарканде, Багдаде, Балхе — дивных центрах культуры. Хочется, чтобы вокруг было больше значительного и глубокого.

В ответ: «Если Я — твой товарищ, тебе нет нужды быть где бы то ни было. Если ты не пребываешь внутри этой Друж-бы, любое место будет вызывать отвращение и создавать угрозу безопасности. Ты будешь ощущать давящее одиночество. Твои отношения с шейхом Тааджем, стражником Мойном и другими наделенными властью людьми не несут в себе ничего существенного по сравнению с нашей близостью. Ты — на пути истины и сердца. Кого бы ты ни встретил — им откроется твоя честность, твое истинное бытие.

Иногда мне тяжело от мысли, что нами правит слепой случай и что бессмысленно пытаться что-то изменить. Эти думы порождают тягостные выводы, один из них таков: Бог являет Себя в жестокости точно так же, как и в доброте. Другой вывод: Бог не участвует ни в чем из этого.

Жить надлежит из центра. Когда из нашего внутреннего источника не исходит никакого руководства, налетают вихри смятения и несут нас по жизни. Закончив одно тружение сердца, сразу начинай следующее — с одним намерением: насладиться вкусом, благородством и высоким достоинством света и Господом.

2:139-140

Обнаженность

Я всегда начеку, как бы кто не увидел мои недостатки, плешивость, мужские органы, телесные изъяны, что прячу под одеждой. Но невеста и новобрачный знают все друг о друге. Они общаются многими способами — нежно ласкаются, дразнятся, играют в жестокость, позволяют себе все что угодно, ведь они не боятся друг друга.

Точно так же Божественная Тайна знает все обо мне. Предстоя перед этой сокровенностью, я открыто говорю здесь: «Делай с моим телом что хочешь. Каждая часть меня обнажена перед Тобой — как невеста, готовая ко всему — к любви, страху, служению, трудностям, унижению, наслаждению».

2:141-142

Бухара для сладостей

Что, если бы дома мы испытывали те же духовные чувства, что и в мечети?

Я говорю ученикам, что то, чем мы занимаемся, не затрагивает их основных природных качеств, изменяются только приобретенные наклонности.

Что произойдет, если все лавки и достопримечательности этого городка вдруг заменить на другие? А потом, спустя какое-то время, все это богатство и средства получения достатка перенести в другой город, например тот, где ты вырос?

Иногда, при пересадке, деревья не приживаются на новом месте, и вся работа оказывается пустой тратой времени, но ты все равно

усердствуешь. Нам назначены разные пути заработка пропитания (41:10). Каждое место имеет свои преимущества. Одна почва подходит для посадки финиковых пальм, другая — для персиковых деревьев. Бухара хороша для изготовления сладостей. Благодаря этому чудесному разнообразию все в мире на своих местах и нет столпотворения.

Переживая тот великий момент творения, когда отбирались органы для моего тела, распределялись минералы, поднимались горы и многочисленные формы жизни входили в этот земной мир, — я ощущаю присутствие духов и вижу, как они подносят цветы, а прекрасные неземные женщины под звуки музыки и труб приветствуют человеческое сознание. Потом я возвращаюсь в обычное — более сжатое — состояние, далекое от созидания, к унылой стесненности. Отсюда я могу видеть лишь скопище низкого, разрушительного люда, перекрывающего путь.

2:143

Огромный крокодил

В своем кругу я говорю: когда ты отворачиваешься от души, трона славы, как ее называют, — от своего ядра, ты впадаешь в ступор беспамятства (50:19). Появляется огромный крокодил и крошит твоё судно. Глаза и уши разлетаются в разные стороны, ум заходит за разум и покидает рассудок. Эта беда может случиться с каждым.

Когда же возвращается к тебе способность выбора, ты становишься собой, наливаешься крепостью, слух и зрение снова — заодно, и ты вновь обретаешь способность дружить, любить, хранить верность.

П.В. Кузнецов. Вышивальщицы ковров. Лист № 12 из альбома «Горная Бухара» (1923 г.).

2:143-144

Средство от болей в животе

Сын судьи Саада мучился от сильной боли в животе. Чтобы вылечиться, он стал есть корень фиалки с сахаром. Потом несколько дней пил сладкую воду и каждый день некоторое время лежал на животе, чтобы дать жидкости собраться в больном месте. Через несколько дней такого лечения — спазмы прекратились. Живот успокоился, боль прошла.

2:114

Уныние моей матери

Музыкант перебирает струны. Моя мать плачет. Я лежу, объятый ее тоской, и прошу Бога послать мне сон, но облегчение не приходит. Моя бессонница и ее ощущение отчужденности, разрыва с источником милости, вырастают в моей груди в комок боли.

2:145a

Букет

Мой ум, чувства и память — букет цветов в руке таинства. Ты обогащаешь их внутренней ценностью, придаешь им форму и направленность, как некогда дал Тору Моисею, Коран Мухаммаду, Нагорную проповедь Иисусу, псалмы Давиду.

2:145б

Крошки птичьего клея

Нурулдин ощущал скованность в груди, его бил озноб — бросало то в жар, то в холод. Перед сном он принял снадобье — смешал ячменный отвар с крошками птичьего клея, кусочком ююбы, корнем лилии и фиалковым корнем и запил все это большим количеством воды.

Он говорит, что особенно ему помог фиалковый корень. При болях в животе ячменный отвар не хорош, потому что вызывает запор.

2:146

Немногим лучше уток

Отпусти все, что к тебе приросло и стало тобой, пусть оно протечет через тебя и вытечет. Это может быть мыслью, стихом или чем-то более ощутимым — домом, столом, лошадью. Разве не ясно, что бытие исходит из небытия? Сердце знает это, а ум не понимает. Из незримого приходит подарок — разве в подобной ситуации уместно спрашивать «почему» и «как»?

Впрочем, нам ведь дано видеть. Мы восхищаемся зеленеющим садом, блекнущим небом, наслаждаемся живой беседой. Пение и движение проникнуты смыслом и целью, но кто может их выразить? Могли бы утки, трепетными телами скользящие по глади сокровенных вод, объяснить свое счастье?

Растворись в бытии, в дивных сменах времен года, в радостях, что приходят и запоминаются. Когда ты полностью здесь, ты способен заглянуть в иное и ощутить его всеобщность, как она наполняет тебя.

2:154-155

Багдад и твоё тело

Ребенок выходит из матери, не зная ни этого мира, ни иного. Он или она подрастает и мало-помалу начинает постигать, что к чему. Ты говоришь о незримом мире, но для ребенка твои слова непостижимы. Тут наблюдается явный провал в понимании.

У пророков иное зрение (32:23). Мухаммад перемещается из видимого в невидимое и обратно. Он видит и свою отдельность, и сущность всего бытия, и костяк, и душу. Подобное состояние может казаться двойственным — это так и не так.

Поднимись над всеми завесами, что заграждают твоё зрение. Пробираться сквозь них — долгий путь. Сверху ты увидишь Бога и мир, как одно. Для того, кто ощутил единение хотя бы на миг — как может расстояние быть истиной? Один человек сказал мне: «Ты должен идти в Багдад». Но Багдад и твоё тело уже слились. Ты живешь в этом городе.

2:156a

Плотное и рыхлое

Гляжу на плотную глину, ее комья твердые, как камни, и изумляюсь удивительному разнообразию существ, которые вырабатывает из нее Бог, — не только растения, но и наши жизни. Умная дружба и любовь, осознанность и душа, движение влаги в почве — так много тончайшего мастерства и восторженности сеется сквозь грубую сетку этой пустынной равнины. Вспомни о плотных, как металл, лепестках, что смыкаются вокруг нежных волокон хлопка.

Сокровенное устраивает одно плотным и твердым, другое — рыхлым и податливым, чтобы они дополняли друг друга. При нехватке твердости пористое сжимается и становится твердым — так же влажная погода размачивает твердое семя, точно так же и росток, выглянув из семени, вбирает и удерживает струи дождя.

2:156б

Одно ночное наблюдение

Тогда у меня были маленькие дети, о которых приходилось заботиться, не было конца расстройствам и огорчениям.

Турок Хорезмшах захватил много земель со всем, что там было, — взрослыми и детьми, знатью и торговцами, даже пророками. Но, похоже, он пришел к власти, сам толком не зная, зачем. Успех, замешанный на нерешительности, медлительности и упущенных возможностях, оборачивается бедой.

Может, дьявол и выведал планы ангелов, но его собственные цели столь отличны от их целей, что, даже зная что-то наперед, он не способен этим воспользоваться.

Астроном, все знание которого основано на четырехчасовом наблюдении ночного неба, провозглашает теорию об устройстве всей вселенной!

2:157

Насколько живым ты хочешь быть

Спросила бы сковорода солнце: «Отчего ты такое светлое, а я такая черная? Просто так назначено» (6:96). Я молился, рассказывая

Богу, как истинна и надежна эта жизнь. Все то знание, в котором ты уверен, сгорит в огне. Жизнь, как и различные части тела, от хвалы расцветает и становится краше. Насколько живым ты хочешь быть?

Соедини дух и разумение — возникнет неоспоримость. Гора в Синайской пустыне возгорается и трепещет, когда Моисей вступает на нее. Сознание Соломона поднимается и сопровождает птиц в их полете. Некоторые живы только потому, что другие существа имеют свет, а иные гибнут, оттого что кто-то дал своему светочу угаснуть.

2:159

Заметки о чудесах

Шараф Сагзи говорит, что, когда старые люди встречаются и садятся рядышком, они часто беседуют без слов. Они общаются внутренне и понимают друг друга. Например, они интуитивно знают, когда женщины не желают любовных отношений с другими женщинами, и другие вещи, подобные этим.

Описано много случаев возвращения зрения слепым и выздоровления немощных. Когда Иосиф открыл себя, свет его лица, *нур*, вошел в глаза слепца и тот прозрел. Однажды к Мухаммаду пришел слепец, помолился об исцелении и получил его.

Иосиф вознес молитву — и к Зулейхе вернулись молодость и красота. Один человек рассказал Мухаммаду, что долгие годы жил в любви, а сейчас он и его возлюбленная постарели, и чувство ушло. Пророк помолился — и к любящим вернулись молодость и любовь. Вторгшееся племя кочевников-пастухов оттеснило стада Лота на каменистые пустоши, где не было корма для скота. Лот помолился, и камни стали мягкими, влажными и плодородными. Появилась сочная трава для скота. Лот бросал камни в незваных гостей — и они слепли.

2:164

Два сна

Недавний сон одного турка: тысяча человек в белом стоит позади Бахауддина на пятничной молитве. Они хотят образовать вокруг него круг, но другие побуждают их остаться на своих местах, говоря, что, совершая молитву подобным образом, они будут помилованы и прощены в День Суда.

Ему также приснилось, что я нахожусь в здании, где собралось множество людей. Непостижимо велико было то здание. Я держался за длинную веревку, которая уходила куда-то вдаль. У меня был конец веревки, я заплетал ее пряди и подвигался вперед.

2:164-165

Владеть — не свойственно человеку

Когда ты чувствуешь себя беспомощным или придавлен обстоятельствами, когда чувство, что ты живешь, оставляет тебя, — иди к тому, кто движется в том, что движется, и свершает свершающееся (55:29). Он — Вершитель и само действие вселенной. Сто тысяч чудес, сто тысяч городов.

Взгляни на эти двери и стены — и на воздушный простор. Все это объекты искусства, которые когда-то были наделены жизнью, сознанием и духом. Однажды свойства жизни вернуться к каждому из них. Смотри на вещи как на своих друзей, любимых, как на город, круг людей, с которыми ты прожил всю жизнь и близость которых принимал как благословение.

Владеть частью мира бесчеловечно, тогда как не протягивать руки ни к чему в мире — суть человеческого существа. Первое — предмет собачьей драки. Второе — подлинная битва, где ты тратишь свое

достояние, чтобы жить среди друзей. Наиболее мирный путь — любовь мужчины и женщины, семья, приязнь друг к другу и к детям. Они пекутся о своем здоровье и смерти, о том, достойны ли они и не балуют ли детей. Такое смирение и есть здравомыслие. Если ты не можешь видеть благой результат твоих трудов, все равно будь упрям и тверд как осел, что тащит поклажу на спине, ничего не зная о ценности

своего груза. Он без затей упорно идет вперед к следующей стоянке с фуражом.

Никто не знает, что принесут теплые ветры, а что — холодные, кому они будут на пользу, а кому во вред. В мире и в нашем опыте нет ничего, что не могло бы в один момент обернуться либо благом, либо бедой. Даже любое из девяноста девяти имен Бога, каждый из Его атрибутов, может нести в себе как милость, так и гнев. Ужасное твердой рукой отбрасывают прочь, прекрасное привлекают к себе нежностью.

2:167

Чувствительная связь

Если бы создания не ощущали связи с Богом, то как могли бы они отдаться присутствию, оставаться и блаженствовать в Нем, что они и делают? Мне открылось: все Творение проистекает из такой связи, так что каждое его произведение пребывает в мирном лоне этой дружбы.

Звери, люди, птицы, насекомые — их жизнь течет в русле Божественных свойств. И в дикой природе действуют принципы культивирования и возделывания. Любой порыв к сближению — вожделение и любовь, дружба и разговоры по душам, сплетни за столом и прогулки, дружный смех в компании — все живет в чертогах Таинства (2:255), которое провозглашает: есть лишь один живущий, только один.

2:174

Орбиты внимания

Кто служит Таинству, тот видит красоту и благодать — и в контрасте с этим — свою беспомощность и малодушие. Он знает, как бывает уродлив и извращен. Чему мы уделяем внимание — частью того и становимся. Заметил собаку — вошел в собачью жизнь. Ты заставил меня полюбоваться на твою кошку — теперь я стал твоей кошкой. Если смотришь на рану, из которой выходит гной, и кровь начинает запекаться, скажи: я — эта кровь. В саду я — эти цветы. С женщиной я — любовник Бога. В безбрежном просторе — простор, в ничтожной и очевидной глупости — глупость. И, разумеется, пророческий свет — тоже я.

Орбиты внимания несут тебя через множество превращений — ты становишься то одной личностью, то другой. И пусть тебя не удивляет, кем еще ты можешь оказаться.

2:176

Поменять школу

Фахруддин, сын шейха Тааджа, говорит, что Джалалуддин пришел в известную суфийскую ложу, потом оставил ее и стал посещать учебный кружок на улице Мота-ваккел, где его спросили, почему он решил поменять школу.

Там слишком часто повторяют формулу *алхамдулиллах* и *бисмиллах*, «вся хвала Господу» и «во имя Бога».

«Что ж, ты можешь приходить к нам, — сказал Фахр Калласи. — В нашем кругу мы не возносим хвалы. Имя Бога вообще не упоминаем. Тебе понравится. Ни молитв, ни ритуального очищения, ни поклонов, ничего. У нас все очень спокойно».

2:179

Планеты и растения

Клянусь звездами, когда они уходят и возвращаются (86:11), клянусь землей, когда она раскрывается, чтобы дать взойти растениям (86:12). Планеты — это и небесное тело — звезда — и растение. Они открываются, чтобы дать звездному свету войти в нас. А растения, подобно небесным телам, движутся сквозь времена года, и никто не знает, куда они уходят, умирая.

Скажем, кто-то проснется на заре в смятении и спросит: «Почему небо является причиной действия, а земля — его объектом? Почему не иначе?»

Каждая звезда — кончик листка на древе неба, чьи листья размером со страну, и все ночное небо поворачивается под листком солнца. В мире духа никто не удивится, если какое-то великое собрание человеческих существ поместится под одним из листиков, среди множества других, каждый из которых многократно превосходит размеры этой вселенной.

2:181-182

Весна 1210 года

Судья Фазари во сне видит Бахауддина высоко в воздухе, тот толкует множеству людей фразу «Господь на троне славы» (85:15).

Два человека из турок передавали, что больному юноше наяву было видение Илии и Хидра. Они вошли к нему сквозь стену и передали: «Иди к Бахауддину и скажи ему, что правитель Вахша будет править еще десять лет. Потом власть перейдет к Келедж Такону, а не к Уеган Такону». Это было ниспослано весной 1210 года.

П.В. Кузнецов. Концовка из альбома «Горная Бухара» (1923 г.)

«Маариф» Бахауддина

Эта книга знакомит читателя с рукописью, известной как «Маариф^{§§}». Она написана Бахауддином Валадом (1152–1231), отцом поэта-мистика Руми. «Маариф» – это собрание духовных наитий, вопросов и ответов, бесед с Богом, комментариев на стихи Корана, рассказов, стихотворных строк, откровений, медицинских рецептов, памяток по садоводству, записей снов, шуток, эротических эпизодов и мыслей по разным поводам. Эти многослойные залежи мистического «перегноя» – благодатная почва для внутреннего роста читателя.

За исключением Шамса Тебризи, ближайшего друга Руми, никто не имел такого влияния на поэта в плане формирования сознания, как его отец. «Маариф» упоминается в одной из легенд о встрече Руми и Шамса. Руми беседует с учениками у фонтана в Конье. Дневник Бахауддина лежит раскрытым на бортике фонтана. Шамс прерывает беседу и сбрасывает в воду драгоценную рукопись и другие книги.

– Зачем ты это сделал? – спрашивает Руми. –
Ведь это единственная копия рукописи отца.

^{§§} «Маариф» буквально можно перевести как «наставления», или «мысли», либо использовать эзотерический смысл слова, что мы и сделаем ниже. Текст выглядит как заметки, сделанные в уединении, с характерными обрывками и неожиданными начальными фразами в том или ином фрагменте. Здесь нет единого повествования и бытового многословия. Видный исследователь Руми Анна-Мария Шиммель (училась вместе с Джоном Мойном в Гарвардском университете, затем преподавала и в Гарварде, и в Университете Бонна; недавно скончалась) называет книгу diarylike — напоминающей дневник. Суфии предпочитают уединенность, немногословие на людях и сохранение определенной дистанции по отношению к социуму. В вопросах и утверждениях Бахауддина ощущается явное тяготение к подобной практике. Франклин Льюис говорит, что для суфийского наставника того времени не было чем-то необычным записывать для себя собственные внутренние состояния, при этом не намереваясь придать их гласности.

Шамс в ответ:

– Настало время облечь жизнью прописи и слова. А хочешь, я верну книгу? Сухой? Смотри.

И он достает из воды список. На нем – ни капли воды.

Итак, пробуждение Руми случилось в точке встречи мощных влияний Шамса и Бахауддина, хотя последние сами никогда не встречались. Бахауддин умирает в 1231 году, до встречи Шамса с Руми в 1244 году. Эти двое – страстные, до дерзости, своеобразные мистики. Они проникновенно и пылко толкуют дружбу с божеством. Не будучи поэтом, Бахауддин высекает «ослепительно сияющие, боговдохновенные глыбы персидской прозы, пассажи, причудливая чувственная образность которых передает накал его любви к Богу» (Анна-Мария Шиммель). А речи Шамса буквально насквозь пропитаны пылким вызовом, непримиримостью и насмешкой. Оба они страстно жаждут еще большей близости и внутренней подвижности в присутствии.

В *Беседе 10* Руми рассказывает случай, когда к его отцу пришел чиновник, занимающий высокий пост. Бахауддин говорит ему, что не стоило утруждать себя понапрасну.

«Разные состояния нисходят на меня. В одном состоянии я могу говорить, в другом – не могу. Иногда я способен выслушать человека и ответить ему, а иногда – нет. В иных состояниях я уединяюсь в своей комнате, чтобы никого не видеть. При большем погружении в Бога я полностью ухожу в себя и не в состоянии общаться. Так что вы рискуете,

придя ко мне и рассчитывая на то, что я буду в состоянии вести беседу».

Бахауддин обитает в своей неистовой властной душе. Во всеуглубляющемся предании себя Богу он омывается, как растение – сезонными дождями. Он настолько не властен над собой, что даже не может сказать, когда будет способен дать совет или ответить друзьям. Он всегда наедине со своей неукротимой внутренней жизнью. Его всеподчиняющая спонтанность в состоянии обескуражить любого посетителя. В этих строках каждый ощущает неотступный напор искренности. Как бы мы его ни характеризовали, ясно одно: Бахауддин всегда остается самим собой.

Еще один подобный случай. Как-то ученики Бахауддина застали его в состоянии восхищенности. Они пришли, чтобы вместе с ним совершить вечернюю молитву – а он даже не заметил их, оставаясь безмолвным и отсутствующим. Двое учеников сели возле мастера в надежде разделить с ним благословенное состояние. Другие повернулись в сторону Мекки и начали молитву с имамом. Хавджеги был среди последних. Во время молитвы его внутреннее око открылось и он увидел, что те, кто повернулся спиной к Бахауддину и лицом к Мекке, на самом деле отвернулись от божественного света, а те, кто сидел с Бахауддином в его самадхи, сторают от страсти быть испепеленными этим светом – согласно божественному повелению «умри до того, как умрешь».

Бахауддин родился в 1152 году и умер в Конье в 1231 году. Его отец, Джалалуддин Хосейн, умер, когда Бахауддину было два года. Семейное предание гласит, что его мать за руку ввела мальчика в библиотеку, которая осталась от отца Хосейна, Ахмада аль-Хатиби. «Благодаря этим трудам меня отдали в жены твоему отцу. Прочтя эти книги, твой отец обрел то духовное знание, которое позволило ему занять столь почетное место в мире ислама». В этом роду книги были мощным духовным подспорьем, и для семьи было очень важно, что вспышка мистической пробужденности была инициирована женщиной. Благодаря такому заделу, Бахауддину суждено было стать «Владыкой людей знания», «Султаном мистического постижения^{***}».

В 1207 году, когда родился Руми, Бахауддин принимал участие в ожесточенных дебатах в Балхе, — эти споры бушевали, по крайней мере, столетие. Упрощая, можно сказать, что это была дискуссия между мистиками и философами, между полагающимися на духовное переживание и теми, кто принял доктринальное уложение и следовал ему.

Газали (ум. в 1111 г.), нападками на рационалистическую философию греческой ориентации, положил начало этим спорам. Бахауддин разделял взгляды Газали. Его главным противником был философ Фахруддин Рази. Оба они были друзьями правителя. Рази обвинил Бахауддина в притязаниях на верховную власть. Рассказывают, что правитель

^{***} Рассказывают, что немало святых и ученых в Балхе одновременно увидели один и тот же сон: световидное существо облекло Бахауддина чином «Султан уль-улама» (см. фрагмент 1:188—189). Старшего сына Руми, Султана Валада, называли так в честь деда. — Прим. англ. перев.

послал Бахауддину ключи от своей казны и корону. Бахауддин ответил, что власть над земным царством не для него и что он готов покинуть страну, чтобы пресечь слухи о подобных притязаниях. Видимо, как раз в 1212 году, когда Руми было пять лет, Бахауддин с семьей отправился в добровольное изгнание в Самарканд. Потом они вернулись в Балх, а в 1219 году вновь пустились в путь. Он пролегал через Нишапур, Багдад, Мекку, Дамаск, Ларанду и привел их в Конью. До отъезда из Балха Бахауддин произнес проповедь перед правителем при большом стечении народа и предрек разрушение города монгольскими ордами и уничтожение царской власти. Все это случилось в следующем, 1220 году.

Аллаудин Кайкубад из Сельджуков, просвещенный правитель области, известной как Рум, пригласил Бахауддина в Конью, где для него была построена школа. Спустя два года Бахауддин, духовный лидер общины Коньи, умер в возрасте восьмидесяти лет. Султан передал высокий пост его сыну, Джалалуддину. Руми тогда было двадцать четыре года.

Список «Маарифа» Руми — та самая утопленная книга — так и не был найден. Издание «Маарифа» Фурузанфара, осуществленное на персидском языке, с которым мы и работали, — это два тома общим объемом в девятьсот сорок страниц. Подборка, представленная здесь, дает лишь общее впечатление об обширном документе, который так любил Руми. Он столько раз читал его, что полностью вместил в свое сердце. Как-то он целую ночь напролет по

памяти пересказывал «Маариф» своего отца, при этом один из его учеников записывал текст, а другой сушил у огня чернила на исписанных листах. Видный исследователь Анри Корбэн говорит: «Маариф», обширное собрание мистических наставлений почтенного шейха Бахауддина, нельзя игнорировать, если мы хотим понять духовную доктрину его сына». Можно предположить, что книга отца была постоянным спутником Руми в течение тринадцати лет – со времени смерти Бахауддина до встречи с Шамсом. Шамс неоднократно уговаривал Руми отвлечься от слов Бахауддина – вплоть до того, чтобы не обращаться к ним даже во сне. Шамсу были открыты сновидческие состояния Руми.

В тринадцатом веке рукопись «Маарифа» была раритетом, существовало всего несколько копий, а Руми помнил весь текст наизусть. «Маариф» никогда не издавался для широкой публики и циркулировал как частный документ. С момента создания и до наших дней рукописи «Маарифа» никогда не «терялись», выпадая из обихода, как, например, свитки «Мертвого моря», однако в течение нескольких веков они определенно оставались на полках библиотек невостребованными. Опубликован немецкий перевод, но он не получил широкой известности, а теперь стал библиографической редкостью. А. Дж. Арберри включил двадцать фрагментов из «Маарифа» в свою книгу «Аспекты исламской цивилизации, отраженные в аутентичных текстах».

Возможно, некоторые из дневниковых заметок были значимы лишь для самого Бахауддина: не исключено, что таким образом он намечал темы для позднейшей разработки. К подобным материалам могут относиться памятки по садоводству, различные снадобья. Он не предполагал, что эти заметки будет читать кто-то еще. Другие фрагменты явно навеяны пророческим откровением, чем-то напоминающим изумительные главы, завершающие Коран, в которых выражены краткие вспышки откровений на определенные образы и процессы. В Коране эти суры называются «Послеполуденное время», «Заря», «Смоковница», «Сгусток», «Звезда», «Утро». В «Маарифе» можно найти и такие темы, как заживление раны, усвоение пищи, суть желаний во всем желаемом. В одном месте («Маариф» 1:151–153) Бахауддин в глубоком молитвенном состоянии просит Бога наделить его даром передачи священных текстов. Надеемся, что и нам удалось уловить и адекватно передать поражающую смелость этих фрагментов, повседневность других и колоритное разнообразие наиболее примечательных частей.

Главы книги Бахауддина сразу же поражают читателя удивительным проникновением в мир желаний. В молитве он просит, чтобы его желания были более пылкими. Когда энергия его желания возрастает, он ощущает в себе движение божественного. Этим он напоминает Уильяма Блейка: «Энергия – это вечное блаженство. Вечность – это любовь к произведениям времени», – вот мудрость энергии по Блейку и Бахауддину. То, что питает

тело, питает и душу. «Без противоположностей нет прогресса». Бахауддин часто искренне молится о том, чтобы его желания обострились. Под этим он имеет в виду жить телом, как можно более полно и сознательно. «Лучше убить ребенка в колыбели, чем питать неосуществленные желания».

Анна-Мария Шиммель отмечает «эксцентричную чувственную образность» дневника Бахауддина. Исследователь Руми Франклин Левис называет некоторые пассажи «психоделическими» .

Мы бы отнесли эту особенность за счет отменного здоровья Бахауддина. Руми говорит, что форма сама по себе экстатична, что уже лишь осознание тела и чувства способно повергнуть в состояние чистого восторга. Бахауддин объясняет, что каждая форма осознанности несет в себе вкушение присутствия Бога и что нужно осознавать себя, используя для этого все дарованные нам возможности, — трансцендентные мистические видения, страхи перед великими мира сего, восторженные молитвословия, гнев и раздражение и даже — эпилептические припадки. Мы бы назвали Бахауддина мистиком «в соку», имея в виду, что ему по душе разные степени накала влюбленной человеческой осознанности. Бахауддин остро переживает сочное томление тела, достигающее кульминации в единении с Богом. Ему мил аромат человеческого общения и величие всего, что происходит в повседневности. Как-то утром он встал рано и собачий лай отвлек его. Собака лает в тринадцатом веке — а мы слышим это сейчас (1:381—

382). Подробности сельской жизни семисотлетней давности остры и выпуклы в его описаниях.

Для Бахауддина важны незамутненность бытия и сила желаний, поскольку это путь более углубленно проявить божественное. Пульсация жизненной силы позволяет божественному присутствию проявиться в теле более активно. «Я был скрытым сокровищем, и Я пожелал быть узанным», – говорится в хадисе. Бахауддин говорит, что желание божества познать себя проявляется в силе нашего желания.

Вот один из наиболее поражающих примеров этого в «Маарифе» (1:337–339): Бахауддин описывает, как он проснулся утром, ощутив жгучее влечение к дочери судьи Шарафа. Она – одна из его жен, как и Биби Алави в аналогичном фрагменте (1:381–382), и тем не менее для своего времени, да и для нас, пожалуй, эти заметки поражающее откровенностью описание чувственного влечения. Профессор Фурузанфар, издавший «Маариф» в 50-е годы двадцатого века, позитивно оценивает выпуклость интимных откровений, отмечая их искренность и напряженность, но полагает, что подобная откровенность в устах выдающегося мистика граничит с безответственностью. «Нельзя забывать, что Баха Валад [Бахауддин] был выдающимся лидером мусульман. Он обучал учеников и проповедовал, а также был главным знатоком закона и судьей по проблемам религии. Именно он наставлял своих многочисленных учеников в вопросах этикета и морали».

В такой открытости чувственному влечению мы, скорее, улавливаем силу искренности перед Богом, превосходящую привычные рамки морали. Бахауддин обнажает себя и собственную жизнь в исповедании своей веры. Он величествен в своей подлинности.

Название «*Маариф*» также может быть намеком на то, что рукопись была создана в состоянии марифата. Бава Мухайяддин часто упоминал четыре стадии просветления: *шариат*, *хакикат*, *марифат* и *суфийят*. *Марифат* – завершение всех стадий, *суфийят* – полное слияние. О *суфийяте* не оставлено никаких записей. Об этой области сознания ничего нельзя сказать, находясь внутри нее.

Марифат – гнозис, постижение Бога, знание, которое приходит от изначального света, даруемого человеческим существам. Говорят, что этот свет сосредоточен в центре лба. Концентрация на данной точке приводит к встрече с проводником души. *Марифат* – это вместилище бесконечного в личности, благодаря которому человек сливается с океаном и становится его волной. В этом состоянии нет дня и ночи, рождения и смерти, лишь чистая данность всего существующего. Отсюда частое упоминание цветов у Бахауддина. Знание цветов лишено субъектно-объектной двойственности. *Марифат* случается благодаря погруженности в присутствие, в целостность энергетического поля и его формы, цветение цветка и его аромат.

Марифат – это места встреч, где Руми и Шамс смотрят в лицо друг другу. Моисей на Синае просит Бога о лицезрении лицом к лицу, что говорит о его

переходном состоянии от *марифата* к *суфийяту*.

Примером такого состояния является и ночное путешествие Мухаммада и последний ужин Иисуса. Мы ощущаем то же самое в неустанном желании Бахауддина не просто встретить божество, но стать им. Об этом же говорит эпизод, когда Шамс бросает книгу отца Руми в воду, чтобы избавить друга от опоры на письменную мудрость.

Английское слово «мистицизм» имеет смутный и расплывчатый смысл, но ведь за ним что-то стоит. Самим мистикам становится неуютно от ярлыков и вообще от слов. Всемерно опираясь на непосредственный опыт, они говорят о вкушении и улавливании аромата того, что несказуемо. У Бавы Мухайяддина как-то спросили, как тот воспринимает жизнь. Он зачмокал губами, как сосущий грудь младенец. Мистики живут не по книгам и черпают свои знания не из книг. Это вкус и аромат, приходящие от присутствия и чувств. Они пронцают нас так же, как мы — друг друга. «Таинство Бога изъясняет себя в том, как мы любим».

Руми сказал, что его отец «продолжил длинную череду глубоко мистических душ, которые из поколения в поколение представляли редкие и тонкие учения» (*Беседа 16*), — таинства, наилучшим образом передаваемые не стихами или словами, но посредством уединения и открытости присутствию, внутреннего собеседования, практики и интимного разговора по душам. Все это, вероятно, и привело к появлению подобной книги. Суфии — современники Бахауддина — полагали, что наиболее глубокая

передача происходит не с помощью книг, а через присутствие.

Писанье совместно творим мы губами
Под снегопадом чистых сердцами^{†††}.

Бахауддин обрел большую известность в основном благодаря своим ежедневным беседам, где открыто критиковал правителя и его советника, влиятельного философа Фахра-э Рази. Известные богословы и образованные знатоки закона приходили издалека, чтобы послушать его. Такие беседы были наиболее действенным способом обнародования идей. Редкие, старательно скопированные собрания высказываний Бахауддина, «Маариф», являлись эзотерикой, предназначенной для глаз очень немногих, и до сих пор эти собрания почти недоступны Западу.

Руми сожалел, что ему пришлось поселиться в городе Конья в Руме (откуда и происходит прозвище Руми) – области Анатолии, находившейся под романским влиянием. Он жаловался на отсутствие там родов, подобных роду его отца, и потому ему (Руми) приходилось слагать стихи, чтобы развлечь слушателей. Он ощущал себя поваром, который, в отличие от своих гостей, не любит рубец, но вынужден брать в руки кишки, вызывающие у него отвращение, чтобы промыть их и приготовить блюдо, которое самому ему не по нраву. Так создавалась наиболее утонченная мистическая поэзия –

^{†††} Это двустишие без указания авторства приводит Бади-уз-Заман Фурузанфар в изд.: «Жизнь мевланы Джалал уд-Дина Мухаммада, известного как Моулави».

деликатнейшее из всех когда-либо подаваемых к столу блюд.

В этом дневнике нас в первую очередь привлекают непринужденность и прямота, интимная непосредственность отношений человека и божества, Дружба, безместное, невыразимое присутствие, или «со-бытие» (ма'ийят), близость, струящаяся сквозь все существа. «С Тобой везде, где бы Ты ни был», — говорится в Коране (57:4), — и мы слышим необъяснимую, но реальную слитность местоимений. Н. Дж. Дауд говорит об этом феномене во введении к своему переводу Корана: «В одной и той же фразе Бог говорит о Себе то от первого лица множественного числа, то от первого лица единственного числа, то от третьего лица единственного числа».

Также и Бахауддин в своем «Маарифе» свободно переходит от своего «Я» к божественному «Мы» (Корана) и вновь возвращается к «Я». Эта прозрачность и текучесть — часть вклада Бахауддина в мистицизм. Его записи отражают слияние отдельных «Я», древо голосов. Мы приветствуем это, принципиально снимая кавычки с цитат в его тексте. Практически все они убраны. В рукописи «Маарифа» тринадцатого века на фарси их нет. Выделение цитат появилось лишь в современном фарси. В любом случае мы ощущаем, что тайна того, кто говорит — и кому, — глубже, чем знание правил пунктуации. Видно, что Бахауддин, будучи то одним «Я», то другим (см. 1:277–278), и сам не знает, откуда исходят слова, кто именно их произносит. Таинство соприкасается с

ним в тот миг, когда изъясняет себя — и остается вне слов. Друг помогает Бахауддину, они пишут текст совместно. Суфии говорят: Бог — в выдохе как видимый, внешний мир, бытие (текст), и во вдохе — как небытие, скрытые, незримые миры (вдохновение). Бахауддин видится нам как точка схода многих пространств и линий, а не только как поэт, создатель оригинальных заметок или талантливый богослов, чьи блестящие образы высвечивают тьму пещеры незнаемого. Отмечая эксцентричную самобытность Бахауддина, мы должны отметить и другую, умеренную, возможно, более полезную сторону его заметок: это повседневная религиозная практика жизни того времени. Эта сторона не превалирует в рукописи, но, чтобы оценить Бахауддина по достоинству, следует вчитаться в 1:150. Вот извлечения из этих заметок: «Значение поклонений вот в чем: мы сопротивляемся физическим влечениям, чтобы насладиться величиим непрявленного... Либо ты находишься в сердце и душе и действуешь оттуда, либо твоя жизнь будет исходить из животной души, нафса, похоти и жадности — свойств того, что смертно и не склонно к принятию благодати Милосердного». Мы хотели было опустить эту главку, решив, что перед нами просто изложение привычного подразделения на тело и душу, столь ненавистное Уильяму Блейку. На самом деле мы рассматриваем Бахауддина в терминах Блейка, пусть и в менее кардинальном варианте⁺⁺⁺.

⁺⁺⁺ Английский поэт Уильям Блейк (1757—1827); жил на шестьсот лет позже Бахауддина. — *Прим. рус. перев.*

Блейк полагал, что деление на тело и душу, подобное предполагаемому здесь, является источником жестокостей, подавления половой сферы и уничтожения радости. Мы согласны с этим, но есть и другая сторона. Человеческим существам действительно присущи похоть и ненасытность, жадность и лень, повинующиеся собственным, властным, не столь вечным побудителям. Следуя им, мы иногда доводим себя до состояния, которое никто уже не примет за дом души. Есть ошибки, их можно совершать, даже если мы слышим другие голоса — интуиции, души и сердца. Конфликт и подразумеваемые границы, что обозначены в данной главке, действительно существуют. Тело нуждается в строгостях, чтобы по-настоящему глубоко воплотить душу. Еврейский богослов и философ Абрахам Хешель пишет в книге «Бог в поисках человека»: «Мы не должны ни третировать тело, ни обожествлять дух. Тело — это основа, шаблон, закон; дух — внутреннее развитие, непосредственность, свобода. Тело без духа — труп, дух без тела — призрак».

Бахауддин может, и зачастую так и делает, обращаться к определенному человеку — в 1:150, которому очерченные религией рамки необходимы в качестве действенного ограничения, и потому истина может быть относительной. Тело и душа действительно сливаются в единстве постижения и желания. Кроме того, существует божественная субъективность, способная проглядывать через линзу человеческого желания, обращая его в часть тайны.

Любовь Бахауддина к человеческой энергии в любой форме кажется нам необычайно привлекательной. Он, как и Уитмен, приемлет все, говоря, что мы масштабные и противоречивые существа, облаченные в безрассудные щегольские формы. Но он также владеет и клинком отрицания как некой гранью, открывающей нас духу иным путем. Оба подхода истинны, актуальны и необходимы. Они поддерживают друг друга. Мы уклоняемся от признания этого, но революционные высказывания Блейка, мудрые и тонкие, — еще не все снаряжение для путешествия. «Изобилие — красит». «Энергия — вечное блаженство», — говорит Блейк. Но не всегда. Есть законная доля бестолкового изобилия и энергий, которые определенно разрушают наше духовное сознание. Достижение равновесия между жесткой дисциплиной и покорностью — одна из важнейших загадок для человека, конечная цель жизни. Бахауддин обитает внутри этой задачи — как и многие из нас. Также следует подчеркнуть, что, будучи преданным мусульманином, он благоговеет перед Кораном. Он помнит весь Коран наизусть и щедро уснащает свой текст кораническими стихами. В одном месте он пишет: «Мне вспомнился стих из Корана, и хоть он не относится к теме, я приведу его». Подобная вдохновенность стихами Корана изумительна и неподдельна. ^{§§§}

^{§§§} Цифры в тексте «Дневника» в круглых скобках — отсылки к *сурам* (стихам) Корана. Отметим, что Бахауддин редко приводит стих полностью. Он берет одну фразу или несколько слов, относящихся или даже не относящихся к ходу его мысли, и вписывает их по-арабски. — *Прим. англ. перев.*
 В русском переводе данной книги при цитировании Корана использовался также перевод М. Н. — О. Ослеанова. — *Прим. рус. перев.*

Заметки о переводе и версиях «сэма»

Уложить в слова мистическое знание невероятно сложно. То, что приходит через присутствие, слова выхолащивают и искажают. Еще печальнее переход к тому, что остается на листе, когда высыхают чернила.

Восемьсот лет пролегло между временем, когда эти глубоко интимные заметки легли на бумагу и вновь возродились на английском языке американцев, в публикации двадцать первого века. Пришлось преодолеть немало трудностей, но дело того стоило.

Работа проходила следующим образом. Джон Мойн выбирает и переводит с персидского на английский язык выдержки записей Бахауддина, дополняя перевод пояснениями, интерпретациями и минимальными изменениями, чтобы сделать архаичный язык и богословские термины доступными для рядового англоязычного читателя. Затем начинается процесс вторичного перевода, результат которого вы и будете читать. Это похоже на мистическую игру. Ее вел Колман Барке. Заряжаясь образами и идеями, он пытался войти в состояние, близкое к присутствию. Когда это удавалось, перевод исходил не от ума, а из состояния души. Работа с мистическим текстом не сходна с методами науки. Это открытие в себе способности к внутренней сонастроенности с другими присутствиями, скорее, пылкая влюбленность, чем изучение. Вкушание яств, а не чтение меню. Тут нет места дословному, буквальному переводу. Наш труд

представляет собой развертку, толкование, спонтанное видение того, что написано Бахаудином. Мистические упования на передачу.

Заметим, что Руми использовал дневник отца, например рассказ о четырех птицах. Бахауддин в нескольких фразах описал четырех птиц, что обитают в сознании человека («Маариф» 1:221–222). Он комментирует стихи Корана 2:260–262, где не сказано, что это за птицы. В Пятой книге «Маснави» Руми развивает мысль отца о необходимости убийства и возрождения птицы *нафса* с ее последующим преобразованием. Он вновь и вновь возвращается к этой теме, разрабатывая ее, вводя разные сюжеты и обсуждая множество возможностей. Утка настоящей необходимости, павлин хвастовства, петух похоти и ворон маниакального накопительства. Можно сказать, что вся Пятая книга, ее четыре тысячи триста тридцать восемь строк — это разработка темы переплавки энергий желания в душевную крепость и сострадательность.

Работу Колмана с дневниковыми записями можно уподобить развертке, но это не такое расширение материала, которое наблюдается в просветленных взлетах у Руми.

Ниже приведен перевод Мойна («Маариф» 2:12) и повторный перевод той же главки Колманом Барксом. Материал выбранной главки разбит на девять частей. Мы выбрали именно эту главку для иллюстрации нашего рабочего процесса из-за нашего интереса к ее тематике и из-за того, что это наиболее показательный пример развертки, поскольку нам

пришлось ввести некоторые детали, а также заключительный пассаж, который легко обнаружить, сравнив подстрочный перевод Джона Мойна и повторный перевод Колмана. В главке говорится о природе сэма, о ритуале слушания и воздействии музыки, речи и пения стихов и Писания — всего того, что обычно принято в кругу суфиев.

1. Сэма — слушание песен и произносимых слов под музыку — неприятно, если оно неритмично, и правильно, если оно ритмично.

Повторный перевод: В сосредоточенном слушании есть свой пульс. Без этого трепета оно мертво.

2. Точно так же не может быть приятна неблагозвучная речь.

Повторный перевод: Слова, музыка и движения во время сэма возникают и сменяют друг друга нестесненно — как фразы в дружеской беседе.

3. Сэма как кубок, что сыплет зерна речи в корзину уха. Если зерна гнилые — не стоит проклинать кубок.

Повторный перевод: Как зерна сеются из черпака — так песня сеется в корзину слуха. Могут попадаться и гнилые зерна, неуместные слова — но не кляни черпак.

4. Песни как сосуды различной формы и цвета — такие как Багдади, Самарканди, желтый, красный либо прозрачный.

Повторный перевод: Изделия стеклодува разнообразны: багдадские внутри налиты полупрозрачной желтизной, самаркандские — темно-красные, бухарские — округлые и прозрачные. То же

и с сосудами музыки и поэзии: они должны отличаться элегантным разнообразием.

5. Акты пения и танца подобны удару грома. Длющиеся слишком долго, они умирают.

Повторный перевод: Стихи, произносимые под музыку и в такт движениям, должны воздействовать как весенний гром: удар, раскат, пауза, еще удар — и конец. Сэма никогда не затягивают.

6. Когда в песне нет искрометности, ее славословия — фальшь.

Повторный перевод: Если смех не присутствует в основе и в самой атмосфере этих встреч, если нет искрометного остроумия, способного и самое себя выставить на смех, в хвалебном славословии не будет истины, в восторженности — величия. Без юмора сэма ложится на душу тяжким и суровым бременем.

7. Человеческое тело подразделяется на части, и каждая часть довольствуется своим родом песни. Например, восприятие музыки внешним слухом отличается от внутренних (ментальных) ощущений, и эти два рода восприятия могут быть в разладе друг с другом.

Повторный перевод: У каждой части тела — свои музыкальные предпочтения. Каждая радуется сэма по-своему. Уши вбирают звук иначе, чем сердце. Слова и струнный аккомпанемент могут быть неприятны слуху — но радовать центр сердца. Или наоборот: нечто сладкозвучное может быть противным разуму души. Почки ненавидят, когда пальцы отбивают ритм.

Постукивание раздражает их. А легким по душе все, что вытворяют пальцы.

Девять метафор да будут твоими проводниками в этих сессиях: это – пульсация заразительного ритма, оживленная беседа друзей, равномерное высыпание зерен из черпака, тонкое разнообразие изделий стеклодува, ощущение пиршества, весенний гром и смех за дверьми – простор ночи. Все элементы сэма должны быть сбалансированы и работать слаженно, как органы человеческого тела, – у каждого свое назначение и удовольствие, и все это несется вперед, увлекая за собой целостное человеческое присутствие, включая тело, сердце, душу и светозарный ум.

Мы воспринимаем эту главку как эмпирический комментарий наставника-практика. Нам интересно не столько буквальное воспроизведение наитий Бахауддина, сколько их развертка. Он говорит, на что должна походить атмосфера сэма. Во многих странах сосредоточенное совместное слушание сотни лет было излюбленной и изысканной практикой. Таким способом озвучивался поток божественного бытия, омывающий раскрытые сердца тех, кто желал вместить пустоту тростниковой флейты, и барабан, и звучащие струны слов и образов осознания. Сэма – это игра творца, движущегося внутри творения.

Общепринятое, традиционное сэма, практикуемое суфийскими братствами, стало одним из наиболее волнующих обрядов на планете. Проникновенным поминанием приоткрывшейся завесы [между мирами] в мистическом моменте встречи и разлуки Руми и

Шамса. В четырнадцатом веке был создан труд «Свершения, познавшие Бога», обширная история Руми и его окружения, основанная на устных свидетельствах, она охватывает два поколения после смерти поэта. Афлаки описывает начало одной из встреч сэма, которую проводил Руми, так:

Бог — предельный, исступленный восторг. Кому не довелось пережить восторг, тот не знает. Я и есть тот самый исступленный восторг, я полностью захлестнут им. Вера — предельная восхищенность и страстность. Здесь он [Руми] вскрикнул и начал сессию сэма****.

Мы чтим традицию, исходящую от этого духовного прозрения. В течение пятисот лет Запад оставался в неведении относительно персидских мистиков. Наконец Гете, Эмерсон, Уитмен и др. их открыли. В пятидесятые годы двадцатого столетия поэт Гари Снайдер (Gary Snyder) читал стихи Руми на океанском танкере. Так, через приоткрывшиеся двери начали доходить определенные сведения. Однако то всеобщее увлечение персидскими мистиками, что началось совсем недавно, — совершенно беспрецедентно. Руми даже был провозглашен самым читаемым поэтом в Соединенных Штатах, разумеется, после Шекспира и его поэтической вселенной. Но даже если Руми — третий, четвертый или двадцатый, то и такие факты просто поражают.

**** Aflaki (ум. в 1356 г.). *The Feats of the Knowers of God*, Translated by John O'Kane, London: Brill, 2002, p. 128. Шамсудин Ахмад аль-Афлаки был современником внука Руми. Его книга — один из трех наиболее ранних источников, подробно описывающих жизнь Руми и его окружения. — *Прим. англ. перев.*

Эту всеобщую увлеченность, при всем разнообразии форм, с определенной долей условности можно назвать разновидностью сэма.

В Соединенных Штатах встречи сэма происходят без спонсорской инициативы каких-либо религиозных организаций. Сегодня никого даже и не удивит, что в театрах и церквях больших городов США — Хьюстоне, Бостоне, Вашингтоне, Каламазе, Болдере, Миннеаполисе, Санта-Фе, Луисвилле, Сиэтле, Миссуле, Чарльстоуне или Афинах (штат Джорджия) — вечером в четверг или в воскресенье тысяча человек сидят и два часа слушают мистическую поэзию (в основном Руми, Хафиза, Кабира) и музыку. Эти встречи не вызывают ощущения театрализованных представлений — скорее чувство интимного общения в состоянии созерцания. Часто здесь не аплодируют. В Сан-Франциско области Бэй — столице этого эксперимента — Джо Миллер, когда был жив, приходил и садился в первом ряду зрителей. В конце он вставал и возвещал: «*Йа Фаттах!*» («Открывающий») — одно из имен Бога у суфиев. И все подхватывали: «*Йа Фаттах! Йа Фаттах!*» Похоже, растущая потребность в таких вечерах объясняется их особым духовным содержанием, сравнимым с принятием пищи. Мы не хотим раздувать значимость этого феномена, но не стоит и недооценивать его. В минувшее десятилетие неожиданно возник огромный спрос на Руми в Америке и Англии, в меньшей степени — Польше, Германии, Франции, Финляндии, Тайване, Израиле и других странах.

Вечера сэма нового типа частично являются продолжением опытов, начавшихся в 50-е годы двадцатого века среди поэтов-битников (Beat Poets) в Сан-Франциско. Аллен Гинсберг, Кеннет Рексрот, Лауренс Ферлингетти, Гари Снайдер, а в 1960–70 годы – Роберт Блай, Этеридж Найт, Энн Секстон и другие пробовали разные сочетания музыкальных инструментов и звучащего слова, песни и пения. Дилан Томас привнес сюда отчетливую кельтскую окраску. Немалое влияние оказали и традиции Африки, индийского субконтинента и туземной Америки. Также внесли свой вклад и Леонард Коэн, Курт Кобэйн и Уильям Берроуз. Раскрываясь в планетарной культуре, мы нащупываем путь возврата в величественную область психики. Сэма, собственно сам суфизм и зикр (поминание Бога) превосходят рамки религии, нации, культуры, затрагивая нечто более важное для человека – то, чем мы внимаем вестям от духа и откликаемся в ответ.

Если на улицах Америки провести опрос, интересуясь, какую поэзию люди предпочитают и хотели бы слышать: стихи о личном или трансперсональные строки просветляющей мудрости, – возможно, нам сказали бы: «Поосторожнее с мудростью. Мы не можем так уж много вместить в себя в один присест. А вот личного – сколько угодно, его мы хотим побольше». Но в подобных отстраненных сессиях сэма вообще отсутствует личностный элемент. Большая часть публики, как правило, предпочитает один из трех вариантов звуковых представлений: первый составляет все, что

касается внешнего, экзотерического, мира, в него входит все связанное с личностью и политикой. Другой – внутренний, теофанический и тонкий. Третий – онирический, герметический, чисто игровой. На представлениях такого рода публика сохраняет определенную дистанцированность гораздо в большей степени, чем те, кто погружаются в слушание на сессиях сэма.

Критики сэма усматривают в них уклонение от реальной работы, опасную легкость и утешительство. Эндрю Харви считает, что перед лицом наступившего апокалипсиса нам следует собрать всю решимость в кулак и энергично продвигаться к полной и безотлагательной трансформации. Нам не о чем спорить с братом Эндрю, нам близка его евангелическая убежденность.

Мы надеемся, что поэзия, музыка и слушание в конце концов разовьются в нечто более трансформативное. Кроме того, процесс, к которому призывает брат Эндрю, должен происходить отдельно с каждым индивидуумом. Подобные вечера ничуть не мешают этому. Возможно, они – нежащий сознание пух, экстатичный самогипноз, где уделяется слишком много внимания трансовым состояниям. Следует всегда помнить о важнейшей стороне личности Руми – его дисциплинированности и самоконтроле, – и в своем духовном путешествии опираться на жесткие факты. В отличие от наших текстов, стихотворение «Любовь приходит с ножом» не прочитаешь сладкозвучным голосом.

Мистический эффект *сэма* (когда таковой случается) состоит в способности языка увлечь за собой психику и понести ее в стремительном потоке. Дивные присутствия рождаются в результате в стихах и книгах. Именно в этом подлинная причина нашей горячей любви к книжным историям, поэзии и книге как таковой. Мы ищем в ней нечто иное, как дружбу с вечными и живоносными душами, и иногда обретаем ее. Речь идет не о принятии желаемого за действительное, а скорее о переживании. Джалалуддин Руми и Шамс Тебризи самим своим бытием способны рассказать нам о тайне, что была и пребывает поныне, — вот подлинное назначение слов.

В стихах — присутствию внимать,
Его произволенью подчиняясь,
Намекам, что приходят, отдаваясь,
И никогда начал не оставлять^{††††}.

Наиболее ясное и проникновенное толкование *сэма* принадлежит суфийскому мистика десятиго века Халладжу, который связывает *сэма* с *илм* (мудростью). Он говорит: ты не способен войти в этот океан мудрости без слушания. Гнозис (*ма 'рифа*) недоступен «без духа, и мира, и благоуханности» (*аль-рух ва аль раха ва аль-ра 'иха*). *Сэма* следует проводить с любовью, исходя из любви. И далее Халладж говорит, перечисляя ступени лестницы духовных состояний и условий, необходимых для их достижения: ты не способен обрести любовь

^{††††} Руми. Цит. по: Unseen Rumi, p. 37. — Прим. англ. перев.

(махабба) без жажды (шаук), или жаждание без восхищенности (валах), а без восхищенности не насладиться присутствием Аллаха. Билл Мойерс, славный и очень непосредственный парень, на телепередаче PBS спросил Колмана: что такое жаждание? Колман заговорил о золотом свете восходов ранней весной, которые он видел ребенком в Чаттануге. Интересно, что он сказал бы, если бы Мойерс спросил его: «Колман, а что такое восхищенность?»

Рукописи

Видный иранский ученый Бади-уз-Заман Фурузанфар, составляя биографию Джалалуддина Руми, отыскал в Тегеране древнюю рукопись «Маарифа». Она принадлежала профессору Али Акбар Деххода. В последней фразе манускрипта говорится, что список сделал аль-Мовлави аль-Кунави в 1549 году. Этот текст стал первой частью первого тома издания книги Бахауддина. В первом томе имеется еще две части, под списками – разные имена. Позже Фурузанфар передал факсимиле рукописи университету в Стамбуле. Рукопись состоит из трех частей, собранных в шестнадцатом веке тремя разными людьми. Новые тексты были найдены в библиотеке Айя София и в музее Коньи. Эти рукописи датировались первой половиной четырнадцатого века. Фурузанфар опубликовал первый том «Маарифа» в 1954 году (2-е изд., – 1974). В качестве основы он использовал рукописи шестнадцатого века, добавляя сведения из более ранних – для сравнения и коррекции. Текст первого тома оформлен в виде кратких главок и похож не на дневник, а на собрание поучений. Второй том, вышедший в 1959 году, опирается на более древнюю рукопись из Коньи и сохраняет форму дневника. Эта рукопись вполне может включать записи, сделанные Бахаудином собственноручно, а также заметки на полях, принадлежащие его сыну. По крайней мере, был проведен сравнительный анализ текста рукописи и почерка Руми и Бахауддина,

которые весьма сходны, что говорит в пользу этого предположения.

У профессора Фурузанфара нет сомнений в том, что *Маариф* — это личные записи Бахауддина, его высказывания: везде прослеживается один и тот же яркий и отчетливый стиль. Он утверждает, что рукопись не является ни копией раннего списка, ни записями учеников, сделанными во время бесед. Важным критерием принадлежности авторства рукописи именно Бахауддину является вкрапление в текст сур Корана на арабском языке. Бахауддин хранил в памяти весь текст Корана. Совершенно очевидно, что у него не было надобности носить с собой Коран и искать нужные цитаты. *«Маариф»* — глубоко личные заметки о духовном странствии, неожиданные, разносторонние и волнующие. Фурузанфар и Анна-Мария Шиммель считают Бахауддина Валада^{††††} одним из создателей глубоко самобытного направления поэтической прозы на персидском языке.

†††† Полное имя Бахауддина — Мухаммад бин Хосейн Хатиби Балхи; его также называли Бахауддин Валад, Баха Валад и Бахауддин. — *Прим. англ. перев.*

Комментарии к «Маарифу» Бахауддина

Живой. Самосуший. Ничему не подобный. Не укладывающийся в слова, привычно обозначающие объект: «это», «оно», «нечто». В нашем поле зрения ничего нет. Мы в тупике и чувства, и ума.

Поиски синонимов не очень-то помогают. Говорить об этом – пустое занятие, все равно, что скальпелем препарировать музыку. Как можно воспринять триста миллионов вселенных или дельфина, белый дуб во дворе или череду внуков?

Ум с его словесными увертками парализован, словно попав в пятибалльный тайфун, и это делает ему честь, поскольку здесь он смиренно замирает и констатирует, что несведущ в объятиях жизненной полноты, гностической плероме, боговдохновенных карт Таро. Когда случается это таинство, его называют верой, или просто пробуждением, – чтобы лучше понять, – океаническим восприятием бытия. Сонмами крыл сакрального слуха. Жидким огнем, текучим как наша истинная природа.

Много сказано о четырех состояниях сознания: бодрствовании, сновидчестве, сне без сновидений и четвертом состоянии, без названия: в чистом виде оно объединяет в себе все остальные. Занимаясь поэзией Руми, сына Бахауддина (рифмуя английские подстрочники переводов с фарси), в течение последних двадцати восьми лет, я погрузился в запредельность, во всеобъемлющую свободу, в инореальность духовидческой поэзии Руми. Дневник

Бахауддина исходит из другой области. Он ровнее и спокойнее, более практичен, дерзок, невозмутим, сумасброден. Руми-Шамс — как сияющая золотая россыпь, как озаряющая вспышка откровения. Бахауддин — кладовка для садового инвентаря, которая служит еще и импровизированным местом для медитации, весьма своеобразным и очень подходящим. Я полюбил их обоих, Бахаиддина и Руми. Возможно, они две ипостаси того самого четвертого состояния бытия, по сути являющегося единением, при котором, однако, качества индивидуального «Я», или души, остаются четко различимыми. Один мистик называет «холодным огнем» (Будда), а другой — «драгоценным светом очей» (Бава Мухайяддин).

Перенос мистических текстов Средневековья в двадцать первый век среди прочего связан с поиском новых путей сказать — «Бог» — без упоминания имен. После «Заратустры» Ницше («Бог умер») и Блейка («Ол' Нобадади») необходимо заменить образ отца, чтобы быть услышанным. Боюсь, то же касается и образа Бога как женщины. Я испробовал различные варианты. Присутствие, ты, дружба, Дружба (но духовные прописи уже навязли в зубах), разговор по душам, свет, тьма, пустота, общение, данность, подобие, всеобъемлющее, грядущий покой и т.д. Но все не то. Язык не способен стать этой великой любовью. Однако что-то все же проскочило. Благословенно славословие невежд. Мы живем в том плане, где никто ничего толком не знает. Но мы способны любить и даже стать любовью. Только мы не можем вместить любовь в слова, сказать о ней.

Я пытаюсь отучить себя (безуспешно) от таких слов, как «священный» и «божественный». Самого по себе бытия должно быть достаточно – и его хватает безо всяких прилагательных. Пребывание в запутанном узелке каждого мгновения. Как оно есть. Мне близка суфийская притча о рыбах, которые, плавая в океанических водах, собрались обсудить, возможно ли бытие океана? Они организуют исследовательские группы, пишут статьи и пожимают плечами – а океан по-прежнему омывает их. Так суфии показывают, что из себя представляют богословские спекуляции. То, к чему отсылают слова «священный» и «божественный», – это наша глубинная и внешняя принадлежность, жизнь, циклы и слои, и даже это словесное плавание утопленных книг, подобных этой.

1:2–3. В этих фрагментах описан процесс мышления, прослежена последовательность мысли Бахауддина. «Когда я молился, я подумал о гуриях... Что привело меня к мысли...» Одна мысль цепляется за другую и тянет за собой третью. Это и попытка быть искренним, признать нечистоту и своеволие перерывов задушевной беседы с Другом. Это как раз то, что так подкупало Руми в книге его отца. Когда кто-то пытается выразить истину, мы ощущаем ее присутствие. Мы не можем выразить это в словах, но попытка приносит плоды. В беседах Бахауддина с божеством мы ощущаем живую струю Дружбы.

1:82–83. Мне вспомнилась молитва Августина: «Господи, очисти меня. Но не теперь» (Confessions 8:7:17).

1:103–104. Связь приземленных потребностей с возвышенными запросами — является важным моментом в текучем «Я» Бахауддина. Как низшие желания претворяются в восторг любви? Это особый секрет, который автор дневника не раскрывает, за исключением того, что говорится в самом тексте.

1:151–153. Кое-что из этого повторяется в 2:115–116 и 2:145. В силу обстоятельств, изложенных Джоном Мойном в главе «Рукописи» (с. 19), Книга вторая «Маарифа» отчасти повторяет пассажи из Книги первой.

1:172–173. Алиф Лам Мим. Некоторые главы Корана начинаются с этих арабских букв. Точно так же и Бахауддин ставит их в начале главки, дерзко воспроизводя Писание. Из ста четырнадцати глав Корана у двадцати девяти в начале стоит последовательность арабских букв, иногда — одна буква. Ученые предлагают различные объяснения, но все они неубедительны. Н. Дж. Дауд (N. J. Dawood) говорит: «Истина состоит в том, что никому не известно, для чего они поставлены. Традиционные толкователи пропускают их со словами: «Лишь Бог ведает, что Он понимает под этими буквами».

1:272. Ты — всегда в этом.

1:293–294. Свет внутри черного как смоль одеяния.

1:295. Бахауддин подчеркивает, как важно иметь своего Иосифа, Шамса или кого-то, кто откроет

священную тайну жизни, встреч и расставаний с великой любовью. Погруженный в непрерывные наблюдения, Бахауддин явно подходит к порогу нового разочарования.

Первая книга стихов Гари Снайдера (Gary Snyder) «Каменная наброска» (Riprap) написана им в то время, когда он работал в, Сиерре, прокладывая тропы высоко в горах и укрепляя откосы сетками с камнями. Единственный способ читать «Маариф» — это следить, как внимание Бахауддина перемещается от людей к идеям, потом к стихам Корана и ситуациям, в которых он оказывается, — он словно устанавливает очередную сетку с каменной наброской.

В тексте Бахауддина больше всего удивляет то, что он пропускает свои ощущения через себя, в то же время отстраняясь от них. Мы узнаём кое-что о нем самом: о сварливости его матери, о его пристрастии к чесноку, черемше и луку и т.д. Мы также ощущаем глубину и проникновенность его личности, ее оригинальность. В этом — бесценная истина просветленности: эго и личность (культурные и наследственные формации) исчезают, но самосознание «души-я» сохраняется и даже возрастает. Этот феномен возрастания души, как я думаю, более отчетлив у Бахауддина, чем у Руми, — вследствие непохожести и своеобразности избранных точек наблюдения.

1:316–318. О половой потенции Мухаммада в исламе говорят мало, если не замалчивают совсем. Здесь наблюдается явная калька с христианства. На

Западе об этом известно мало. У Мухаммада было несколько жен, и говорят, что он каждый день навещал одну из них. Хадис об этом есть в «Сахихе» Бухари, 1 том (5:268).

«Передал Катада, что Анас бин Малик сказал: «Пророк обычно навещал своих жен по очереди, днем либо ночью». Я спросил Анаса: «У Пророка была крепость для этого?» Анас ответил: «Мы обычно говорили, что Пророку была дана крепость тридцати мужчин».

О подробностях этой части бараки Мухаммада ведется немало споров.

В каждой религии существуют фундаменталистские элементы подавления половой сферы. Безусловно, они есть и у мусульман. Мы на Западе обычно слепы к тому, что Мухаммад и ислам прославляли энергию любви к женщине и удовольствие от секса. Другие свойства ислама, которые выпали из нашего поля зрения, — это значимость умиротворенности и дружбы, важность и ценность простого труда, ремесла, воспитанности, верности своим повседневным занятиям. Я также ощущаю в исламе особый вкус почитания женщины, весьма неожиданный для нас. Разумеется, эта тема — как осиное гнездо. Пожалуй, довольно и хадиса о половых отношениях Мухаммада — я не специалист и не эксперт и не могу говорить об этом более подробно. Данная тема освещается в некоторых современных публикациях, особенно тех, где женщины-суфии пишут о женщинах и о суфизме.

Мне не довелось их прочитать, и я оставляю эту страницу наших «белых пятен» недописанной, взываю о помощи и отступаюсь. «Гастон!..»

Меня достаточно серьезно упреждали не касаться в «Комментариях» вышеприведенной темы, но я тем не менее продолжу.

Не знаю, верно ли утверждение о недюжинной половой потенции Мухаммада и мужчин его рода. Но мне приятно, что Бахауддин упоминает об этом как о данности. Его откровенный разговор о желании очищает и живит. Он ощущает поток присутствия Бога как в этом, так и в мягком добром юморе, смирении, подчинении, страхе, дерзости, скуке, отвращении — в любом состоянии, даже в болезни. Как говорится в зикре: «Нет ничего, кроме Бога. Только Он». Любое благо и любое несчастье происходят в присутствии. Само бытие есть Аллах. Все свято. Это великое и всеохватывающее восприятие жизни принесли суфии: когда в каждом вдохе и выдохе, каждое мгновение мы пребываем в несказанном таинстве.

Американская культура, на которой я вырос, Чаттануга, Теннесси, 1940–50 годы, почти или вовсе не знала о великих достижениях исламской цивилизации. Я получил основательное литературное образование, степень по английской филологии в Беркли и Чапель-Хилл, но до тридцати девяти лет я никогда не слышал даже имени Руми. Сейчас мне понятно, что народы, говорящие на фарси, породили величайших на планете поэтов-мистиков: Руми, Хафиза, Атгара, Санай (признаюсь, что с Саади я все еще знаком лишь отчасти). Трудно отыскать что-

либо подобное тому культурному взрыву, который произошел в этой части света в двенадцатом—четырнадцатом веках.

Лишь сейчас мы начинаем узнавать и осваивать удивительное искусство крупнейших исламских центров Ирана, Турции, Северной Индии, Ирака и Сирии, которое, выдержав испытание временем, шагнуло в современность.

И еще о половой сфере и духе, этих внутренне взаимозависимых областях и энергиях. Говорить об Иисусе или показывать его собственно как мужчину, всегда представлялось чудовищной провокацией. То же самое — с Мухаммедом и его женами. Над Салманом Рушди по-прежнему висит угроза казни за роман, который он написал. Трудно себе представить, что сделала *фатва* с его жизнью. Даже небольшое сближение веры и сексуальности легко оскорбляет чувства людей. На эту тему совершенно невозможно что-либо сказать без того, чтобы куча преданных крепких парней не восприняла ваши слова как принижение образа Божьего. Любое обращение к этой теме провокативно. Кто-то даже скажет — оскорбительно. Осознавая всю глупость того, что я делаю, все же продолжу. Ведь писатель — раб своих сумасбродных писаний.

Крупнейший изъян христианства как религиозной структуры — почти полное исключение сферы половых отношений из того, что говорил или делал Иисус. У нас нет сведений о его жизни с двенадцати до двадцати девяти лет — обычный период тестостерональной активности нормальной мужской

особи. Вместо этого нас из века в век окормляют лицемерными идеалами воздержания, выдумками священников о ценности подавления своих чувств и поощряют бессознательно проецировать собственные комплексы сексуальной вины на других людей.

Я не собираюсь задевать кого-то лично или чьи-то чувства священного. Пожалуйста, простите меня, если это произошло или вам кажется, что я близок к этому. В последнее время я все чаще натываюсь на странные реакции в Сети. Например, члены общины геев набросились на меня за «самонадеянное» заявление, будто Руми и Шамс не любили друг друга в смысле гомосексуального партнерства, то есть не занимались оральным и анальным совокуплением. Я не собираюсь продолжать здесь этот спор. Возможно, мне просто нужно признать свою предвзятость. Я не бисексуал. И я не горжусь этим и не стыжусь этого. Так уж сложилась моя жизнь. Можете как угодно критиковать мою гетероориентацию как что-то пикантное. Конечно, я не могу точно сказать, чем именно занимались или не занимались Руми и Шамс, но я не чувствую себя «эротофобом», когда заявляю, что дружба между ними — вне характеристик времени и грубо осязаемой реальности, вне отношений учителя и ученика, любящего и возлюбленного, вне желаний. Они встретились в сердце. Они стали самой Дружбой, или любовью, и отсюда вырастает поэзия Руми. Так я ее слышу. Подобное заявление я делаю, основываясь и на собственном опыте встречи с тем, кто обладал таким же уровнем просветленности, — Бава Мухайяддином. Я

не могу ни доказать, что его состояние было именно таким, ни даже рассказать об этом. Он как-то спросил: «Ты встречаешь меня внутренне или внешне?» С чисто английской уклончивостью я ответил: «Разве это всегда не идет рука об руку?» Я должен был поклониться и сказать: «Внутренне».

Человеческое сердце неприступно и отличается жизнестойкостью, но его утомляют споры об именах и формах божества. Я бы предпочел сидеть с друзьями, беседовать и петь. Представьте себе за одним столом Франциска, Рабийю, Бахауддина, Хакима, Бодхидхарму, Иисуса, Августина, Мирабаи, Игджаргаджуна, Джалалуддина и одну странную птицу из Тебриза.

1:316–318. Моджаме'т – персидское слово для половых отношений и потенции. Я задумался, нет ли здесь связи с термином моджо в блюзе и джазе, означающим соль музыкальной пьесы, ее жизненную силу и созидательное ядро. Но словари выводят моджо из гуллаха, наречия, на котором говорили на прибрежных островах Южной Каролины. Оно распространилось по Югу в 1840-е годы и, возможно, происходит от восточноафриканского названия шамана. При более глубоком исследовании персидский и африканский истоки, конечно, могут сойтись к одному корню.

1:327–328. Этеридж Найт (Etheridge Knight) написал следующие строки о любви, которые вполне могут быть основаны на приводимом здесь кораническом стихе (55:19) о двух морях:

И я, и я/хочу признаться Что океан во мне
Взыграл / любовью К океаничности в тебе .

1:328–329. Любое вкусовое ощущение, едва уловимый запах – это Бог. Зикр – славословие распускающегося бутона. Путь чувства – судьбоносная черта жизни Бахауддина, запечатленная во всей своей полноте, в определенности. «Глубоко вникая в свои чувства, я открываю в них путь к Богу и смысл жизни» (Маариф 1:10).

1:347. Бахауддина спросили: что такое просветленное существо? Я так и слышу, как он говорит: это тот, кто свободен от, умствований богословов и препон морали, от надежд и страхов перед будущим. Мастер-гностик знает себя и молчаливо лее присутствие, его душа – вино мудрости, впавшей в безумие.

Во мне зажегся дивный огонек, Тот, для которого и солнце – мотылек.

Многое в книге Бахауддина можно посчитать комментарием к этой главке.

1:354–355. Он сравнивает существование человека с упившимся пьянчужкой, что лежит в повозке, катящейся неведомо куда. «Любое человеческое существо, – говорит Бахауддин, – находясь в присутствии, ведет себя как этот человек в повозке: он не знает ни зачем, ни почему, ни куда он едет и доедет ли он хоть куда-нибудь. Эти вопросы разрешаются не в конкретных словах, а в непрестанном творении зикра «Ничто не реально, кроме Тебя, есть только ты».

1:364–365. Его молитва в конце этой главки о том, чтобы ощущать жизнь полнее. Он просит Бога: «Уподобь меня молодой женщине, которую я видел сегодня, она пела в кругу своих поклонников. Я хотел бы быть столь же неотразимо притягательным». Он рассчитывает на такое же внимание Бога к себе, как внимание молодых людей к своей даме.

1:367. Слушай музыку и пение, пока не восстановится твоя Дружба с божественным. Вот цель сэма и любого подлинного мистического текста.

Одновременно с записками Бахауддина я читал книгу «Интимный Мертон» (The Intimate Merton). Я люблю Томаса Мертона, но это параллельное чтение проявило для меня львиную отвагу человека тринадцатого века в противовес уклончивым откровениям Мертона как продукта века двадцатого.

Вслушайтесь, как Бахауддин беспристрастно перечисляет свои желания: «Взять, к примеру, то, чего я хочу сию минуту: я жажду красивую женщину, хочу вина, музыки, смеха. Мне хочется, чтобы каждый увидел жизнь, как священнодействие. Я хочу, чтобы меня все знали и любили. Хочу, чтобы мои желания были еще сильнее, хочу ощущать, как божественные потоки каждый миг изливаются через меня в мир» («Маариф» 2:16–17). Отголоски того же в 2:78–79: «Еще больше укрась женщин и укрепи силу моего желания к ним». Кроме дневника Бахауддина можно почитать «Привалы» («Мавакиф») Ниффари, «Раскрытие тайн» Рузбихана Бакли, «Записи голубой скалы» (The Blue Cliff Record), «Образцовые дни и встречи» Уитме-на, «Успокоение и сатори» (Sake &

Satori) Йозефа Кэмпбелла, удивительный «Дневник» Торо, который он вел с двадцати лет и прервал за несколько месяцев до своей смерти, «Дневник снов» Сведенборга, «Кость» (Bone) Марион Вудман, «Дневник» Жерарда Мэнли Хопкинса (1866–1875).

1:368–369. Невероятная история, странная повесть Кафки и Льюиса Кэррола.

1:374. Бахауддин говорит, что его жалостливые истории о самом себе исчезли бы, если бы он смог слиться с божественным, хотя жалостливость не очень-то улавливается в его тоне.

1:393–394. Завершение этого фрагмента замечательно: как, признав свою несостоятельность, открыть новые области для наслаждения.

1:402–403. Изумительная глава. Мне по душе непосредственность, с которой Бахауддин возвращается к себе и в себя от одного только вкуса хлеба и всего, что связано с процессом питания, развертывающегося как некая метафора созидания души — на грани незримого и явленного. Он пребывает у самых врат, будучи и тут, и там. В этой главе и в следующей (1:404) Бахауддин ощущает себя частью всеобщего произрастания, которое он никогда до конца не поймет. Он может лишь приобщиться к этой славе, пребывая одновременно и в теле, и в духе. В этом — актуальность его дневника, столь привлекательно для нас.

1:404. Мне нравится эта образовательная теория о том, что нам необходимо взаимодействие с другими способами познания — и не только с

текстами, но и с практикой торговли лошадьми и столярным делом, архитектурой и приготовлением пищи, Я бы мог вернуться к преподаванию в университете, если бы такое взаимодействие стало частью учебной программы.

1:413–414. Но что мешает людям видеть? — Он не говорит

2:13–14. Рев ишака. Д.Х. Лоуренс в своем стихотворение «Осел» так передает рев ишака:

Хи-и! Хи-и! Ихоу-оу! — оу! — оу! — ау!-ау! — ау!

Мне нравится, как мастерски Бахауддин захватывает неожиданные помехи — ослов и собак, вписывая все случайные события в единую картину так же легко, как деревья и цветы адаптируются к погоде.

2:16–17. Хотан — отдельное царство в китайском Туркестане, или Шингаие, в южной части бассейна реки Тарим. В начале нашей эры из этой области шла миграция в Балх, поэтому до одиннадцатого века здесь говорили на хотанском диалекте.

Я не слишком осведомлен о пугающем предмете этой главки, практике женского обрезания. Эта практика вполне могли зародиться в Древнем Египте и до сих пор жива в среде мусульман, христиан и последователей местных религий. Обычно это обряд инициации для девочек двенадцати лет. Мотивы проведения обряда и возраст сильно варьируются. Практика включает частичное или полное удаление внешних гениталий — клитора, больших и малых генитальных губ. Зарубцевавшаяся ткань лишается

чувствительности, и способность женщины переживать сексуальное наслаждение снижается. Основа этой практики, безусловно, контроль мужчины над сексуальностью женщины. Такова традиция сотен этнических групп в двадцати восьми странах Африки. В Судане девять из десяти женщин обрезаны. В Мали — девяносто три процента. Обычно в сельской местности ничего не делается, чтобы уменьшить боль при обрезании женщин. Иногда акушерки применяют местное обезболивание. Дебаты об уродовании женских гениталий крайне медленно становятся достоянием широкой общественности как в Африке, так и в других странах. Следует отдать честь Бахауддину: более восьмисот лет назад он был потрясен практикой, о которой услышал как о «древней церемонии, появившейся в области Хотан в Китае». Вино служило здесь обезболивающим средством.

2:92–94. В последней части этой главы рассматривается взаимное движение божественной сути, чей танец мы можем назвать мистерией центра и движение периферийной сферы вокруг него. Когда мы начинаем жить из наших центров, нас охватывает необъяснимая любовь, независимо от того, что просачивается через периферийную биосферу. Мы также приобретаем чрезвычайную восприимчивость к печалям, остро воспринимая красоту преходящего. Это то самое умирание до того, как умрешь, возрождение и пребывание на нулевой отметке, в полноте «здесь-и-сейчас», в «нигде» — как это

выражают в исламе, христианстве и традиции буддизма и даосизма.

Быть и не быть одновременно, не отягощая ум и совесть заботой о том, что достойнее. Мы узнаём друг друга в этом внутреннем мире души. Как-то я спросил у Бава Мухайяддина: может ли когда-нибудь объявиться и выглянуть и из моих глаз то, что я вижу в его глазах? Он ответил: это случается, когда индивидуальное растрогано всеобщим. Тогда глаз («я») превращается в «мы».

2:109. У Руми был старший брат Ала-ад-дин, он родился в 1205 г. от Момине Хатун, матери Руми. Бахауддин имел, по крайней мере, еще двух жен и двух детей от них, хотя об их судьбе ничего не известно. Руми был женат дважды. Гоухер Хатун (ум. в 1229 г.) родила ему двух сыновей, Султана Валада и Ала-ад-дина. Вторая жена, Керра Хатун, родила ему сына Мухаффера Челеби и дочь Мелеке Хатун.

2:114. «Если жизненные невзгоды иссушают тебя...» Я думаю, это значит, что, если перипетии твоей жизни уменьшают силу твоего магнетизма, сочную яркость чуткой осознанности, — это значит, что подобные обстоятельства наносят урон твоей душе.

2:115–116. Пища разного рода возносит хвалу во время процесса своего усвоения. Точно так же и мы претворяемся в тайну. Как только мы растворяемся, энергия высвобождается как благодарность. Рассказывают, как Руми пошутил на смертном одре. Дело в том, что земля слегка колебалась, что обычно для этой области (юг центральной части

Турции). Он сказал: «У земли урчит в желудке. Успокойся, скоро ты получишь свой лакомый кусочек».

Во второй части этой главки Бахауддин говорит, что в основе наиболее глубоких наших переживаний — славы, доверия, смирения — лежит желание любви и любовного единения.

Другие наши свойства возникают из разнообразных сочетаний этих энергий. Они плодят внутренние вспышки божественного восторга. Таково прозрение Блейка, Лоуренса, Бахауддина — что интимные отношения надо не запрещать и преследовать, а постигать: ведь они исходят из изначального ядра, они — исток, что пропитывает все другие энергии.

2:123–124. Здесь он принимает решение подвести итог своей работе. Это отчасти напоминает Просперо в «Буре». Бахауддин фактически говорит: «Я — садовник Божий, и хочу, чтобы Хозяин удовольствовался тем, что мне удалось сделать, чтобы яснее проявить Его творение. Ради этого я тружусь. А дальше — я дряхлею, мне все труднее говорить. Но трудности и сами по себе создают настоящее».

Просперо говорит, являя атрибуты своей первозданной магии, посох и книгу:

Я посох разобью,
Его зарю в землю глубоко,
И глубже, чем любой ложится лот,
Я книгу утоплю свою (V: 1:63–66) ^{§§§§}.

§§§§ Шекспир В. «Буря». – Прим. рус. перев.

На самом деле эти два высказывания никак не связаны. Мне просто хочется прояснить литературную подоплеку названия, хотя решение этой задачи выходит за пределы сферы эстетики. Ярлыки стачивают поэтическую силу — как таблички с латинскими названиями деревьев в ботаническом саду. *Quercus alba*, белый дуб. Книга, брошенная в воду — это поворотный пункт, колоссальный рывок в опыт, прочь от слов, мечтаний, химер, ума и воображения, или иначе, — все превращается в немыслимое варево, в бурлящую бессмысленную похлебку. Океан бытия не имеет к этому отношения.

Я воспринимаю Бахауддина скорее как мистика, который живет в истине и пытается ее передать, а не как поэта, записывающего сочиненные эпифании. Но он еще и художник, мастер коротких прозаических заметок, что позволяет подменить личностное звучание его интонации — откровенческим «Мы», без опасений, без акцентирования замены. То, что мы говорим о форме, не укладываемой в определения, не означает, что у этой формы нет ваятеля. Проза Бахауддина вытекает из океана повседневности: сидение на уличных ступеньках у всех на виду, посадка мяты в саду, пересказ снов. Проза видений и бытовых шуток. У меня такое чувство, будто и я принадлежу его миру, так живо напомиравшему мне о том месте, где я вырос, — на холмах у реки Тенесси, возле начальной школы для мальчиков близ Чаттануги. Мой отец был директором школы. Бахауддин вполне вписался бы в эксцентричную компанию учителей и учеников школы, что посиживала

на высоком обрыве речного берега в 1940-е. Работая над переводом, я невольно перенесся туда вместе с ним, снова став зачарованным семилетним мальчишкой... А может быть, это просто игра ума, воображение.

Дневник Бахауддина и поэзия Руми – памятки об опыте, весьма обширном и глубинном, который мы, читатели и слушатели, можем претворить собою. Слова описывают вкус величия и любви, но, несмотря на это, ты не можешь его передать. Описать такое чудо невозможно. Тонкие знатоки вина могут описать его вкус лишь приблизительно, да и то только своим коллегам. Но попробуй передать на словах вкус фисташек или чего-то подобного тому, кто никогда сам не пробовал этого. Что бы кто ни говорил, нам в конце концов придется попробовать самим, если мы хотим остаться только со словами.

Можно также воспринимать мистический текст как ключ, который нам дан, чтобы открыть царство в каждом из нас. А также и во всем вокруг. Это глубоко личное дело – использовать ключ для целей освобождения. Иначе ключ, стих, дневниковые записи останутся всего лишь музейным курьезом для школяров.

2:135. Цветов знания немало, какие из них твои?

В другом месте Бахауддин говорит: «Каждый раз, когда я произношу слово «Бог», семя выпускает побег. Появляются нескончаемые цветы, чьи лепестки – имена прекрасных человеческих свойств: любви, чистоты, ясности и величия».

2:145. Нам даны пять чувств для восприятия того, где мы и кто мы. Нам также даны способы постижения незримого, дух и душа, и пути их развития – онирические, шаманские, поэтические, музыкальные, мистические пути.

2:164. Второй сон турка. Образ веревки в реальности немислим, но точен психологически. Вережка уходит в туман бесконечности. Бахауддин держит другой конец в настоящем и плетет новую веревку, продвигаясь вперед, волокна материализуются, удлиняясь по мере его движения. Вероятно, благодаря этому принципиально бесконечному занятию плетения веревки, намерение и усилие добавляют новые пряди в бытие. Это единение с тайной, и дневниковые записи – часть этого занятия.

Вот что сказал Бава Мухайяддин 22 марта 1979 г.:

«Бог вне форм. Бог – сокровище без вида и образа, сокровище, способное наделить человеческую жизнь миром и покоем. На языке есть область, которая воспринимает вкус, а в глазу – область, воспринимающая свет. Так же и Бог существует, как область мудрости жизни, область веры, мощи. Бог – мощь, и эту мощь можно разглядеть в себе».

Это великая тайна. Как ее открыть и как жить, исходя из нее? Нередко я полностью забываю об этом. Но как бы то ни было, мы всегда узнаем родниковую воду, пробуя ее на вкус.